

О скандинавская линия

«Фруде Гранхус так описывает людей и природу, что стены вашей гостиной будут трещать от ветра с Лофотенских островов!»

Гури Хельтенс, VG, Норвегия

«Тонкий и умный детектив».

Турбьерн Экепунд, Dagbladet, Норвегия

ДЕТЕКТИВ
О РИНО
КАРЛСЕНЕ

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ
ЯЗЫКЕ!

ФРУДЕ
ГРАНХУС

ШТОРМ

18+

Annotation

Однажды ночью в шторм на Лофотенских островах в районе рыбацкой деревни Рейне с горы сходит оползень. Образуется глубокая расщелина, открывающая то, что на первый взгляд похоже на старые человеческие кости. Только очень маленькие.

В деревенском доме-интернате есть пострадавший при пожаре постоялец. Огонь отобрал у него зрение и речь, и он не может никому пожаловаться на то, что боль усиливается, ведь кто-то делает все возможное для того, чтобы ему становилось хуже день ото дня.

«Шторм» Фруде Гранхуса (1965–2017) — яркий пример скандинавского детектива, где сюжет до последней страницы оставляет читателя в напряжении и не дает отложить книгу.

- [Фруде Гранхус](#)
  -
  -
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)

- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)
- [Глава 54](#)
- [Глава 55](#)
- [Глава 56](#)
- [Глава 57](#)
- [Глава 58](#)
- [Глава 59](#)

- [Глава 60](#)
- [Глава 61](#)
- [Глава 62](#)
- [Глава 63](#)
- [Глава 64](#)
- [Глава 65](#)
- [Глава 66](#)
- [Глава 67](#)
- [Глава 68](#)
- [Глава 69](#)
- [Глава 70](#)
- [Глава 71](#)
- [Глава 72](#)
- [Глава 73](#)
- [Глава 74](#)
- [Глава 75](#)
- [Глава 76](#)
- [Глава 77](#)
- [Глава 78](#)
- [Глава 79](#)
- [Глава 80](#)
- [Глава 81](#)
- [Глава 82](#)
- [Глава 83](#)
- [Глава 84](#)
- [Эпилог](#)
- [Примечание автора](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)

◦ [12](#)

Фруде Гранхус

Шторм

Роман

Frode Granhus

Stormen

© Vigmostad & Bjarke, 2012

© А. Юченкова, перевод на русский язык, 2021

© ИД «Городец», издание на русском языке, оформление,
2021

*You may walk and you may run
You leave your footprints all around the sun
And every time the storm and the soul wars come
You just keep on walking^[1].*

К. Макдональд / Р. Макдональд — RUNRIG^[2]

Дорогая Алине!

Есть кое-что, о чем я никогда тебе не рассказывал. Все эти годы эта тайна мучила меня. Ты всегда была так добра ко мне. Я вовсе не заслуживаю твоей доброты. И ты всегда слушаешь, не осуждая. Но эту тайну я не был готов тебе открыть. До сегодняшнего дня. Ты, конечно, поймешь, почему я так долго ее хранил, ведь тому, о чем я хочу тебе рассказать, не может быть никакого оправдания. Единственное, что я могу сказать в свою защиту, — я расскажу тебе о бездонном отчаянии мальчика. В тот день весь мой мир рухнул, и я никогда не смогу простить себе того, что сделал.

Глава 1

Черные, как дым от горящего мха, облака напоздали с юга и несли с собой каскады проливного дождя. Горы здесь были самыми крутыми и самыми опасными на Лофотенских островах, оползни случались очень часто, и летом, и зимой. Те, кто все-таки решился поселиться у подножия этих колоссов, строили дома так, чтобы они выдерживали лавины и сели. Однако горы вероломны и непредсказуемы, море так и стремится утянуть тебя в свои пучины, а лавина — упокоить на веки вечные под снегом. Силы природы обратили поселенцев в бегство, и большинство деревушек в районах оползней теперь были покинуты и пустынные, хотя некоторые из них и прославились благодаря интересу туристов к былым временам.

Ветер усилился и взбурлил воду во фьорде. Дождевые потоки хлестали по горным склонам, размывали тысячелетние ущелья, и, наконец, последний удар нанесла сила тяжести. Огромный валун оторвался от склона и полетел вниз, врезался в гору чуть ниже и раскололся на тысячи мелких камней. Нарастающий рев заполнил фьорд, казалось, горы разом издали доисторический вздох. Оползень подковой двинулся вниз и утащил за собой старый лодочный сарай, мгновенно разлетевшийся в щепки. Облако из земли и камней последовало за бурлящим потоком, врезалось во фьорд и разбилось о волну, рожденную встречным ветром.

Звук умер так же резко, как и возник. Облако пыли долго висело в воздухе, а затем, медленно тая, приоткрыло изменившуюся гору. Разлом, как будто вырезанный лазером, сильно отличался от грубо вырубленных скал. А там, где горный склон был пологим и поросшим травой, образовалась глубокая расщелина.

Глава 2

Офицер полиции Бергер Фалк сидел на палубе, несмотря на неприятный ветер и высокую скорость. Ему нужно было привести мысли в порядок. Сандра, его единственная дочь, очень переживала за отца, — несколько лет подряд она неустанно твердила ему: «Тебе нужно кого-нибудь найти, ты что, собираешься прожить отшельником до конца жизни?» И прочее в том же духе. Ему, в общем-то, нечего было возразить, кроме того, что незамужних женщин в Рейне можно пересчитать по пальцам одной руки. Он перечислил ей всех и отверг каждую из кандидаток. Сандра и так всех их знала и понимала, что всего лишь одна из них по возрасту подходит отцу, при этом из-за психических особенностей к этой женщине давным-давно прицепилось довольно сомнительное прозвище, пожалуй, что уже никто и не помнил, как ее на самом деле зовут. Сандра возразила, что можно найти свою любовь и за пределами Рейне, и хотя он думал, она имеет в виду ближайшие городки, на самом деле дочь показала ему целый мир женщин, которые мечтают лишь о нем одном, а находятся на расстоянии одного клика мышкой. Он ответил, что об этом и речи не идет, подобный способ знакомства отдает холодным расчетом. Все-таки уже через несколько дней он, стыдясь самого себя, зарегистрировался на одном из многочисленных сайтов знакомств, которых полно в интернете. И вот — почти год спустя — впервые сблизился со своей интернет-знакомой.

Женщина жила на юге, но родом была из Сволвера, так что считала себя кровной северянкой, это было очень важно. Так считала она. Он, к своему опасению, согласился с ней, и вот теперь сидел — абсолютно продрогнув — и все лучше понимал, что далековато вышел за пределы зоны комфорта Бергера Фалка.

— Подмерз? — шкипер судна «Лофотфьорд-II», Улав Рист, выглянул из открытой двери рубки. Рист перевозил пассажиров по фьорду, сколько Фалк себя помнил, кроме разве что этой зимы, когда агрессивный рак выбил его из игры. Ходили слухи, что Рист был при смерти, однако около месяца назад он вернулся на свое место, изрядно похудевший, но все тот же старый добрый шкипер. Ристу почти исполнилось семьдесят пять, и раз уж раку не удалось поставить его на колени, трудно было даже представить себе, что могло бы лишить его призвания.

— Иду к тебе!

Хотя они находились еще довольно далеко от берега, Фалк уже разглядел расщелину в горе. Такого сильного оползня местные и не помнили, а что еще хуже — под завалом оказался популярный туристический маршрут в Винстаде, в разгар сезона довольно многолюдный. Меньше всего муниципалитету Москенес было нужно, чтобы туристы выбрали себе другую природную жемчужину.

Лишь зайдя в рубку, Фалк осознал, что промерз до самых костей. Рист криво улыбнулся ему.

— Надеюсь, ничего серьезного здесь не случилось?

Фалк уже рассказал Ристу, что на острове был обнаружен человеческий череп. Офицер решил, что раз уж шкиперу приходится делать внеочередной рейс, он имеет право знать некоторые детали. К тому же сарафанное радио работало здесь так же хорошо, как и везде. И слухи настигли бы его в любом случае.

— Не думаю. Здесь всегда найдется работа для археолога. Скорее всего, какой-нибудь паренек из пещерных времен, вот увидишь.

Давным-давно в одной из заброшенных рыбацких деревень была обнаружена пещера, которая сразу же стала туристической достопримечательностью, хотя попасть туда могли только по-настоящему заинтересованные.

— Конечно, — согласился Рист, снижая скорость. На причале стоял человек с собакой на поводке. Немного поодаль сидели женщина и годовалая девочка — обе что-то высматривали.

«Хороший отвлекающий маневр», — подумал Фалк, решив, что женщина ищет на мелководье подарки последнего прилива.

Мужчина протянул потную руку в знак приветствия.

— Его нашла Лайка, — бордер-колли приветливо завиляла хвостом и рванула поводок, чтобы обнюхать новоприбывших. — Сесилия — моя жена — настояла на том, чтобы вызвать полицию. Конечно, скорее всего, это древний череп, но все же.

Фалк кивнул и оглядел место происшествия. Знаменитая пещера находилась на другой стороне горы и выходила в открытое море. То есть теория подтверждалась: укрытие пещерного человека из тех времен, когда на охоту ходили с копьем и топором. Легким кивком головы офицер поприветствовал женщину, которая, как он и предполагал, перебирала ракушки, а затем направился к расщелине вместе с собакой и ее хозяином.

Яма оказалась глубже, чем он себе представлял. Глубокая впадина, как будто процарапанная гигантским когтем, по обе стороны которой на десятки метров были рассыпаны комья земли и камни. Оползень миновал

маленький летний домик, но забрал с собой лодочный сарай, тем самым напоминая, что опасность подстерегает каждого.

Мужчина поднялся чуть выше по склону и указал в глубину ямы:

— Там, внизу!

Фалк сразу же заметил лежащий на маленьком камне череп.

— Лайка совсем разволновалась. Я видел, она побежала вниз, и подошел посмотреть. И сразу же заметил, где именно она копала. Там на виду было несколько костей, и, как я уже сказал, Сесилия отказалась идти дальше, пока мы не заявим в полицию.

Фалк посмотрел наверх на нависающую гору, а затем осторожно спустился в яму. Когда он представил себе, что, чтобы преодолеть пятьсот-шестьсот метров до того места, где он сейчас находился, оползнию понадобилось всего несколько секунд, по спине у него побежали мурашки. Миниатюрное цунами, по всей видимости, прокатилось по фьорду, но затихло, еще не достигнув берега.

Хотя череп положили на камень из лучших побуждений, в этом было что-то кинематографичное. Офицер прошел еще несколько метров и сразу же заметил еще несколько костей. Он наклонился и чуть было не поднял с земли то, что посчитал локтевой костью, но в последний момент удержался. Останки не имели ничего общего с пещерным человеком. Конечно, нет. Он огляделся. Может, какая-то семья решила похоронить кого-то из родственников за пределами кладбища?

— Что скажете? — мужчина нетерпеливо оглядывался. Ему явно очень хотелось побыстрее продолжить свою прогулку.

— Это скелет, ни больше, ни меньше. Вы шли в Бюнес, так?

Мужчина кивнул.

— Тогда я советую вам продолжить путь. Еще полчаса, и солнце сядет за гору.

Мужчина попрощался, и Фалк остался в яме один, не очень представляя, что ему делать дальше. Он уже убедился, что вызвали его не зря, оползень вытащил на поверхность человеческий скелет. Фалку оставалось только надеяться, что тело похоронили здесь много веков назад. Сейчас нужно сообщить о находке в управление, чтобы ленсман предпринял необходимые меры. Офицер осторожно поднял череп с земли. И собака, и ее хозяин уже оставили на нем свои отпечатки, так что тут он уже не навредит. К тому же Фалк сомневался, что ленсман просто зафиксирует находку, не более. Скорее всего, кто-нибудь из давно покинувших эти места мог бы поведать о древнем частном захоронении, тогда находку легко будет объяснить.

Но пока офицер стоял и смотрел на голый череп, подсознание прошептало ему, что находка была гораздо страшнее, что покойник умер вовсе не от старости в окружении любящих родственников, и в последний путь провожал погибшего лишь тот, кто и вырыл ему эту могилу. Фалк присел на корточки и расчистил немного земли рукавом куртки, решив свалить всю вину на собаку. Из земли появились еще несколько костей и истлевшая грязная одежда. Впервые за свои шестьдесят с лишним лет Фалк видел настоящий скелет — настолько скучной была его полицейская служба. И тем не менее он заметил что-то странное. Маленькие фаланги. Слишком маленькие. Потому что все они были сломаны. Все до единой.

Глава 3

Он проснулся, как обычно, от того, что сон изменился, звуки стали более приглушенными и отдаленными, но в то же время более четкими. К тому же во сне не было *запахов*. Конечно, ему могли присниться зловонные раны и ароматные бальзамы, но запахов никогда не было. Только пустое телесное ощущение, не более. А сейчас он ощущал запахи. Сначала сухой воздух, просачивающийся в палату из вентиляции, потом запах постельного белья, раздражающе нейтральный, но в то же время очень яркий. Как только мысли обрели большую четкость, появились и более отдаленные ощущения: аромат кофе — кофе везли по коридору на завтрак, запах свежесдобитого хлеба — все они постепенно заполнили комнату. Потом появились звуки. Сначала только резкие и четкие: металлический звон тележек, на которых медсестры развозили лекарства, похлопывание сандалий по свеженатертому полу, а также приглушенный разговор, за которым последовал чей-то сдержанный смех. У кого-то сегодня хорошее настроение. Затем едва слышно зашуршала вентиляция, этот звук менялся каждый раз, когда дверь в палату открывалась. Бывало, входящие очень старались зайти беззвучно, чтобы не потревожить его сон, но шуршание всегда их выдавало.

Палата, в которой он лежал, была квадратной, каждая стена — примерно четыре метра в длину. Он никогда этого не видел и вряд ли бы когда-либо смог, но все-таки точно знал. Он считал шаги медсестер от двери до кровати, а еще когда они везли его в ванну, расположенную на другой стороне комнаты за раздвижной дверью. Слева от него находилось окно, и иногда ему казалось, что, когда раздвигают шторы, он улавливает лучи света. В глубине души он понимал, что это не настоящее ощущение, а лишь плод его воображения. После тех роковых секунд в гараже он больше не различал свет и тьму.

Горло во время сна пересохло, но он знал, лучше об этом не думать, иначе жажда вызовет приступ тошноты.

Дверь на свежесмазанных петлях тихо открылась, вентиляция зашуршала громче. Медсестра зашла в палату.

— Проснулись, Герой?

Они называли его Героем, как будто в том, как он цепляется за жизнь, есть какой-то подвиг. Он так и не понял, как им удастся различать, проснулся он или спит, возможно, благодаря более глубокому дыханию во

сне. Сегодня работала та блондинка с ясными голубыми глазами и кудрявыми волосами по плечи. По крайней мере такой он себе ее представлял, такой портрет рисовал ее мягкий теплый голос. Легкие короткие шаги, шлейф запаха шампуня — и сомнений не оставалось: это была она. Он почувствовал, как к губам прижали стакан, затем первые капли воды. Открытые раны сжались и выплеснули волну боли, все тело содрогнулось, оно горело так же, как тогда, когда пламя расплавало его кожу и превратило ее в тесный, плохо сшитый костюм. Стон вырвался из желудка, ведь его рот и горло не могли производить звуки.

— Ну, ну, — мягким платком она вытерла ему с губ капли жидкости. От платка пахло так же, как от постельного белья.

Еще капли. Ощущения стали менее яркими, но казалось, будто вода заполнена осколками стекла. Он смог осилить только один глоток. Остальную жидкость он получал внутривенно вместе с другим питанием. В больнице Хаукеланд ему еще удавалось проглатывать холодный суп, но здесь, в пансионате, уже не получалось. Здесь он был во власти Дьявола.

После пожара он, наверное, похудел килограмм на двадцать. Чем меньше подкожного жира, тем больше риск пролежней, но пока ему удавалось переворачиваться в постели, стараясь не лежать долго на спине.

— Попробуем позавтракать сегодня? — прошептала она, надеясь, что так слова прозвучат менее угрожающе.

Все удивлялись, что он отказывался есть, ведь, когда его переводили к ним из больницы, в документах значилось, что он может принимать пищу. Он осторожно помотал головой, сразу же почувствовав, как натянулась кожа за ухом и на шее. Попытки кивать и мотать головой были его единственной возможностью поддерживать общение. Еще в больнице Хаукеланд врачи и медсестры пытались установить с ним диалог — один поднятый палец «да», два пальца — «нет», но так как все общение сводилось к каким-то несущественным деталям, он решил не затруднять себя.

— Может, попозже?

Мягкая ладонь осторожно коснулась щеки, и она бесшумно вышла из комнаты. Она ему нравилась, помимо мягкости и доброты она обладала еще и потрясающей красотой. Так он решил. Одно то, что она способна находиться возле него, вызывало уважение. Он чувствовал, что в отличие от других медсестер она искренне сочувствовала ему. Она сказала, ее зовут Йориль. Ему казалось, имя не совсем ей подходит, ни той внешности, которую он себе вообразил, ни ей как человеку, но так уж и быть. Йориль хорошая.

Следующим пунктом программы был утренний туалет. Он это ненавидел. Унижение. Сидя, как женщина, при поддержке отвернувшейся медсестры. Звуки и запахи выдавали самое интимное, самое сокровенное. В такие моменты он понимал, как ненавидят медсестры свою работу.

Йориль оставила дверь открытой, так что постукивание сандалий было лучше слышно. От мягких грациозных шажков до тяжелой медленной поступи. Был среди медсестер тяжеловес. Элла. Ему не нравилась Элла по простой причине: от нее яснее, чем от других, сквозило неприязнью и отвращением. Она и разговаривала с ним так же: ни слова сочувствия. Слова ради слов. Как-то он попытался было отследить график дежурств, чтобы хотя бы знать, когда нужно собираться с силами, но из-за постоянных изменений отказался от этой идеи.

Он лежал здесь уже три месяца. Сначала его вывозили в холл по вечерам, пытались вовлечь в жизнь пансионата, но он ненавидел это выставление себя напоказ в качестве героя фильма ужасов. Он хотел быть один. Наедине со своими мыслями.

Очнувшись после случившегося, он испытал шок от собственного уродства, но при этом не знал, что именно произошло. Однажды где-то между многочисленными операциями он подслушал разговор врачей, которые обсуждали, как необъяснимая утечка бензина могла привести к взрыву газонокосилки. Сам он помнил только, как зашел в гараж, чтобы починить двигатель Бриггс Страттон, и в тот момент, когда наклонился над газонокосилкой, все вокруг почернело. Лишь после перевода в пансионат ему пришло в голову, что взрыв вовсе не был несчастным случаем. Не проходило и дня, чтобы он не ломал себе голову, пытаясь понять, кто и зачем это сделал, но единственное, в чем он был уверен, — его не пытались убить. Наказанием было не то, что произошло полгода назад в гараже. Его наказывали сейчас каждым болезненным вздохом. И наказание будет длиться до тех пор, пока однажды его силы не иссякнут.

Глава 4

Бергер Фалк осторожно стряхнул еще немного земли со скелета, присел и внимательно рассмотрел грудную клетку погибшего. Ни одной целой кости. Конечно, можно объяснить подобные травмы падением, склон в этом месте был весьма крутым, но что-то подсказывало офицеру, что это совсем не так, к тому же на черепе не было никаких повреждений. Не бей по лицу, не оставляй следов там, где другие могут их увидеть.

Останки поплыли перед глазами, и перед Фалком предстало лицо человека, которого он хотел бы забыть навсегда. Улыбка редко появлялась на нем, но даже когда внешне он выглядел беззаботным и радостным, скрытая ненависть сквозила в его чертах. Полжизни Фалк пытался найти ответ на вопрос, за что, но в итоге смирился с тем, что причины он никогда не узнает. Он вытянул левую ладонь. Два пальца были искривлены, переломы срослись неправильно. Последний привет от отца, оставшийся на всю жизнь. От отца, который так никогда и не ответил за свои злодеяния.

Домой Фалк попал уже затемно. Стая бездомных кошек бросилась врассыпную с лестницы, когда он завернул за угол дома, а затем, убедившись, что это именно он, замерла в ожидании. Офицер знал, что не успеет он закрыть за собой дверь, как все эти создания снова разместятся на лестнице. Знал он и то, что ему не будет покоя, пока он их не покормит. Правда, у добродушия была и своя цена. В его скромном садике пахло далеко не сиренью. Бездомные кошки были давней проблемой Рейне. И все меньше людей стремились им помогать. Возможно, именно поэтому возле дверей Фалка кошек становилось все больше.

Он принял душ, стараясь согреться. Улав Рист доставил к месту находки ленсмана, и при помощи криминалистов останки были осторожно извлечены из земли. Теперь дело оставалось за судмедэкспертами, которые должны были составить заключение. Фалк поделился своим предчувствием с ленсманом, но не нашел понимания, тот склонялся к версии о кладбище, на котором можно найти и не такое, если поискать.

Возможно, и все же не так. Это был ребенок. Искалеченный ребенок.

Фалк приготовил себе самый простой ужин, яичница-глазунья на куске хлеба, и поел прямо перед компьютером. Иконка в правом углу экрана подмигивала и сообщала, что у него есть новое сообщение. Как и ожидалось, оно было от Ольги. Опасаясь и одновременно предвкушая, он

открыл письмо и по какой-то причине представил себе единственную Ольгу, которую он знал, — злобную дылду из Сёрвогена. Но в этот раз Ольга приложила свою фотографию. Он поспешил открыть приложение, надеясь, что она будет совсем не похожа на болтуню из Сёрвогена, но в то же время ее красота не прогонит прочь сказку, которая еще толком и не началась. Она оказалась вовсе не такой, какой он себе ее представлял, и он осознал, что на самом деле мечтал, чтобы женщина оказалась похожей на Кристину.

Фалк понимал, что большинство мужчин назвали бы Ольгу симпатичной, сам же он решил, что у нее чересчур яркие черты лица, поэтому первое впечатление было неоднозначным. Он прочитал письмо и признал, что впереди ждало что-то необычное. Сразу же в голову пришла мысль, что события развиваются слишком быстро, и он тут же пожалел о том, что дал себя уговорить. По правде, Сандра могла подбить его и не на такое. Фалк боготворил свою дочь, можно даже сказать, жил только ею, возможно, именно поэтому она настаивала, чтобы он нашел себе женщину. Тогда она смогла бы жить своей жизнью. Он нажал кнопку ответа, но слова исчезли. Исчез и голод, и он отодвинул от себя тарелку. Он правда этого хочет? Он попытался настроиться, но в мыслях была только Кристина.

Фалк неоднократно обследовал место, где машина съехала в кювет. Свободное падение с высоты пятнадцати метров не оставляло шансов выжить. Никакие другие машины в аврии не участвовали, вскрытие не показало никаких нарушений в организме. Это вынуждало его пересматривать последние годы их совместной жизни и отчаянно выискивать какое-нибудь упущение, нечто, подтверждавшее, что не все было так, как он себе представлял. За полгода он еще глубже ушел в депрессию, но затем попытался успокоить себя мыслью о том, что иногда случайности все-таки встречаются. И все же в глубине души он так и не смирился с обстоятельствами смерти жены.

Фалк зашел в кабинет, шкаф в котором от пола до потолка был заполнен папками. В детстве он любил лежать, прижавшись ухом к радиоприемнику во время спортивных передач, и заполнять страницы результатами и показателями. И хотя он уже давно нашел себе более обычное хобби, он все еще собирал то, что вряд ли когда-нибудь кому-нибудь понадобится. Случалось, что по вечерам он доставал одну из папок и пробуждал воспоминания о событиях, которые ощущались на удивление недавними.

Но идиллии пришел конец.

Фалк бросил взгляд на рисунок, который прикрепил к стене в углу.

Зачем он его там повесил, он и сам не знал, ну разве что затем, что тот тоже служил отголоском прошлого. Однажды весной его вызвали в гараж неподалеку от дома, там произошел несчастный случай. Даже описание пострадавшего производило сильное впечатление, но запахи оставили неизгладимый след. Так как начальник пожарной службы признал, что причиной пожара стал взрыв газонокосилки, дело тут же закрыли. И все же кое-что заставило Фалка сомневаться. На одной из стен, почерневших от сильнейшего дыма, висел этот рисунок — прямо под крышей. На листе было изображено уродливое лицо, оно заставило офицера вспомнить то, что он долгие годы пытался забыть. Он незаметно снял рисунок со стены и забрал с собой, с тех пор тот и висел здесь. Не проходило и дня, чтобы Фалк не вглядывался в него, пытаясь понять его значение. На него смотрело лицо, нарисованное грубыми мазками, резкими контрастными красками. Оно было недружелюбным и недобрым. Он был уверен, что рисунок нарисовал ребенок, к тому же это скорее была маска, а не лицо. Застывшие черты, черные злые глаза, кроваво-красные зрачки. Это была маска, которая кричала о страдании. В детстве он и сам рисовал что-то похожее и мог прекрасно почувствовать сквозившую боль. Взгляд маски почти гипнотизировал его. Что же такого увидели эти кроваво-красные глаза? Что пришлось пережить человеку, который спрятался за маской? Фалк знал, что о происшествии в гараже он точно не забудет.

Глава 5

Мужчина наблюдал за ней через окно. Она сидела в гостиной и смотрела телевизор. Ее лицо по-прежнему ничего не выражало, казалось, она не была способна чувствовать ни радость, ни горе. Но ему было виднее.

Она горевала.

Она встала, он перевел взгляд на следующее окно. Через мгновение она оказалась на кухне, где, как ему показалось, приготовила себе пару бутербродов. Двигалась она медленно и размеренно, будто проживая жизнь в замедленном темпе. И, возможно, так оно и было: она жила медленно.

На ней была желтая блузка. Он давно уже заметил четкий график — определенная одежда на каждый день недели. Сегодня был понедельник. И желтый цвет. Она достала поднос из нижнего ящика кухонного шкафа и пошла обратно в гостиную. Он снова удивился, как она может есть всухомятку. Неважно, что именно она ела: полноценный обед или перекус, правило было одним и тем же: стакан молока через десять минут после еды. Ему захотелось пить от одной мысли об этом. И вот она сидит в гостиной, уставившись в телевизор, ни разу не переключив канал. Ему и это казалось весьма странным. На какой бы канал она ни попала, включив телевизор, весь вечер она смотрела только его. Пустая жизнь.

Он еще немного побыл у нее. Затем свернул подстилку, которую связала ему мать, и ушел. Следующей остановкой был пансионат. Он старался держаться склонов у дороги, чтобы никто не заметил его ночных блужданий. Местность была покрыта порослью травы, так что он двигался мягко и осторожно. Вечер и ночь были его временем. Никакого шума от машин и лодок, лишь легкий плеск волн, а если ветер усиливался, то слышались тяжелые удары морской воды о скалы и валуны. Миновав Райнехалсен, он спустился к морю, чтобы не попасть в свет дорожных фонарей. Он шел по кромке воды, пока не дошел до деревни. Перешел дорогу в самой затемненной части и почти сразу же оказался в кустах возле пансионата. Взглянул на часы. Без четверти одиннадцать. Через пятнадцать минут погасят свет. Он не понимал, зачем его вообще включают. Для пациента в палате 211 ночь была вечной.

Проверив дважды, что за окном никого не было, он достал маленькую лестницу, спрятанную в траве. Быстро добрался до оранжевого здания, бесшумно приставил лестницу к стене. Четыре ступеньки, и он достиг окна

палаты 211. Монстр лежал на спине — как обычно. Глаза закрыты, точнее, веки слиплись и стали похожи на окаменевшие слезы в глазницах. Остальное лицо покрывали пятна обгоревшей кожи, более светлые участки, видимо, пересажены. Наверное, его лишенный кожи затылок нещадно потел. На шее и на груди так же виднелись явные следы пламени, как и на той части тела, которая торчала из-под одеяла. Его сильно поджарили...

Такова судьба, она злопамятна и воздает за деяния. Лежи и вспоминай о том, как ты жил до пожара — задолго до пожара. Подумать только, сколько же боли ты причинил! Дверь в палату отворилась, и он поспешил спрятаться. Они всегда заходили к пациенту с ожогами перед тем, как выключить свет, чтобы удостовериться, что тот все еще дышит. Прошло не больше минуты, и свет погас. Он попробовал снова взглянуть в окно, но шторы были задернуты.

Обратно он пошел той же дорогой, держался кромки воды, уверенно перешагивая по покрытым растительностью камням. Пахло водорослями и соленым морем, а позже, когда он протиснулся между столбами пристани, его настиг запах рыбы и просмоленного дерева. Этот запах был знакомым и надежным. До дома он добирался час, а если бы пошел по шоссе, то дошел бы за двадцать минут.

Покосившийся домик находился в самой отдаленной части Рейне, притом что большая часть деревни прижималась к подножию гор. Он был зажат между большими и малыми валунами на склоне в паре сотен метров от остальных зданий. Могучие камни никогда не казались ему опасными. Они защищали от непогоды и ветра и олицетворяли одиночество и безопасность. Он достал ключ из потайного места за обшивкой дома. Они с мамой договорились, что, уходя, он всегда будет запирать дверь, так как она не смогла бы прогнать непрошенных гостей. Запах объял его сразу же, как только он переступил порог, сильный, но вовсе не неприятный. Это был запах дома Шура Симскара. Его дома. Он расправил загнутый коврик и прошел на кухню.

— Дома! — крикнул он и повесил куртку на спинку стула. Похоже, у нее все хорошо.

Комок в груди рассосался, и ему нравилось чувствовать, что слова снова текут свободно, как всегда, когда он говорил с мамой. Он открыл холодильник и глотнул молока прямо из пакета. Оно было кислым, ужасно кислым. Он проверил срок годности. На пять дней просрочено. Ему скоро придется сходить в магазин, ничего не поделаешь. Старая привычка. Когда-то он откладывал поход в магазин до тех пор, пока не начинал действительно голодать. Но не сейчас. Когда до магазинов Рейне добралась

система самообслуживания, он стал свободен. Теперь можно наконец забыть о семи годах школьного ада. Он выбирал именно те продукты, которые хотел купить, а не те, которые умел произносить. Например, молоко. Сколько раз он стоял у прилавка, а делящаяся вечность «ММММ» не давала ему вздохнуть. Старушка Вален его понимала, а вот еще одна продавщица смотрела вопросительно и даже не пыталась скрыть удовольствие от его паники, от стремительно краснеющего лица. От воспоминаний сердце забило чаще. Больше пятидесяти лет слова застревали в горле. Только от одной мысли об этом внутри все сжималось. Но теперь он был в безопасности. Дома. Дома с мамой.

Глава 6

Фалку приснился отец. Он давно уже не был главным героем его снов, но вот появился снова, и еще отчетливее, чем раньше.

Скованность от этого сна все еще ощущалась в теле, хотя была уже половина одиннадцатого утра. Фалк сидел за столом с первой за сегодняшний день чашкой кофе. Кофе остыл, остыл уже давно. Офицеру позвонили почти сразу же, как он зашел в кабинет. Звонил Дрейер, ленсман из Лекнеса, чтобы сообщить, что отчет судмедэксперта готов. Насильственная смерть, сказал он. Теперь мы знаем.

Теперь мы знаем.

С той секунды, как Фалк поднял с земли сломанные фаланги пальцев, он знал это. Он уже пытался связаться с патологоанатомом, но его попросили перезвонить после десяти. Он снова набрал номер, который записал на листочке, и попросил соединить его с мужчиной, который, судя по имени, был этническим немцем. Женщина в телефон произнесла имя немного по-другому, и через пару секунд эксперт взял трубку.

— Хертцхайм, — голос звучал на удивление норвежским.

Офицер представился и объяснил, по какому поводу звонит.

— Мы руководствуемся сухими фактами, — сказал патологоанатом, а затем продолжил, вздохнув. — Но ведь и у нас есть чувства. Мы делаем свои выводы.

— Насилие?

— Хм. Повреждения не могут быть вызваны падением, это точно. Для того чтобы раздробить кости до такой степени, нужно упасть с очень большой высоты...

Фалк почувствовал, что холодеет.

— ... К тому же при падении были бы сильнее повреждены крупные кости.

— Значит ли это, что нет переломов.

— Я сказал, сильнее. Боюсь, что в данном случае мы говорим об одном сплошном переломе. У парня нет практически ни одной целой кости.

Фалк прижался к трубке.

— Я видел много переломов от падений. Все они похожи друг на друга. Боюсь, что этот случай выдающийся. Я как профессионал прихожу к заключению, что мальчику нанесли эти травмы при жизни, хотя все мое нутро отказывается в это верить. И в то же время у меня нет никаких

сомнений: травмы привели к смерти. При этом за все тридцать два года практики я никогда не видел ничего подобного.

Фалк смог оторваться от трубки, лишь когда гудки заполнили его голову. Именно сейчас в этой какофонии он осознал, что возненавидел отца с первого удара, и эта ненависть до сих пор жила в нем. Отец не только украл у него детство, он отобрал и значительный кусок взрослой жизни. Фалк почувствовал, как подкатывают слезы, и, даже понимая, что, дав им пролиться, в очередной раз окажется проигравшим, не смог их сдержать.

Глава 7

Около недели назад ему в голову пришла мысль. Конечно, это была последняя соломинка, тонкая и хрупкая, но попробовать все же стоило. Он услышал звук из коридора, всего на несколько секунд, пока медсестры открывали дверь, но сразу же узнал его. Стук клавиш. Общий компьютер для местных обитателей. Его круг общения всегда был очень узким, но, возможно, он смог бы кинуть электронный призыв на помощь Йоару, своему другу по переписке, который, как он надеялся, удивился, когда общение прервалось. Он ведь лежал здесь, обожженный до неузнаваемости, немой и слепой. Как только в нем поселилась искра надежды, ему с трудом удавалось переключиться на что-то другое. Нужно выжить. Сначала надо узнать, где именно в коридоре стоит компьютер. Затем понять, как войти в систему, и, наконец, выяснить, какая почтовая программа там установлена. Место расположения он определил довольно быстро — прямо у стены напротив — в середине коридора. Следующий шаг был сложнее — намного сложнее, он понял, что ему нужно, чтобы к нему заходили чаще именно в те моменты, когда кто-то пользовался компьютером. Когда медсестры оставляли дверь нараспашку, он мог бы что-то уловить. Он стал нажимать на кнопку вызова каждый раз, когда слышал, что кто-то садится за компьютер. Не реагируя на вопросы медсестер, он пытался сконцентрироваться на словах из коридора. Он уже заметил, что один из мужчин скорее рычал, чем говорил, его голос было хорошо слышно. Даже здесь, в палате. После десятка вызовов — все они были ровно в тот момент, когда кто-то пользовался компьютером — и многочисленных попыток персонала поправить подушки, проверить температуру, задать вопросы, он убедился в том, что все иконки программ были размещены на рабочем столе, а компьютер включен с утра до вечера. Очевидно, никто из старичков не освоил переход на электронную почту, так что ему пришлось поменять стратегию. Он поднимал руку и делал отвергающий жест, как только кто-то из медсестер входил в палату. Но сначала его послание не понимали. Именно Йориль первой обратила внимание и попыталась выяснить, что он хочет сказать. Затем пригодился язык пальцев, которому его обучали терапевты, и в конце концов ему удалось объяснить, что он хочет выбраться из комнаты. После отвергающего жеста на предложенную Йориль гостиную и последовавших за этим нескольких попыток угадать, которые явно доставили ей

удовольствие, она наконец поняла, что он хочет просто попасть в коридор напротив палаты. Йориль очень извинялась за свою недогадливость, и он слышал, как позже она передавала его просьбу другим медсестрам.

Уже на следующий вечер перемена места дала свои результаты. Одна из женщин-обитателей пожаловалась на то, что ей не хватает общения с внуками, и рычащий мужчина — которого, как он узнал, звали Коре — показал ей возможности интернета. Хотмэйл. Иконка почти в самом низу. Итак, основное готово. Теперь оставалось сделать не просто сложное, а то, для чего нужна была помощь свыше: отправить письмо. Конечно, можно жестами попросить Йориль опять помочь ему, но она уже разнесла по всему пансионату радостную новость о его желании выйти из комнаты и вряд ли сохранит его интерес к компьютеру в тайне. Так что, конечно, узнает и она — Дьявол.

Глава 8

Проснувшись, Рино Карлсен сразу же почувствовал запах. Запах старого дома и старой хозяйки. Потом ощутил, как затекли у него бедра и плечи. Он уж и вспомнить не мог, когда последний раз спал на одноместном надувном матрасе. Рино сел и опустил ноги на холодный дощатый пол. Знал ли он, на что соглашается? Вряд ли. Он, конечно, испытывал ностальгию, но это уже было слишком. Объявление по внутренней почте сразу же его заинтересовало — пятимесячная командировка на идиллические Лофотенские острова, напарник для офицера полиции. К тому же Иоаким — его четырнадцатилетний сын — решил какое-то время пожить с матерью, хотя до этого несколько лет жил по очереди с каждым из родителей. Сначала Рино глубоко обидел выбор сына, но позже ему пришлось признать, что бесконечные перемены места плохо действовали на ребенка и такое решение было лучшим для всех. Теперь он мог пригласить сына на выходные сюда, сходить с ним на рыбалку, ну, в общем, поделаться вместе что-то интересное, а не только смотреть телевизор.

Тетушка разрешила ему пожить в доме бесплатно, а взамен он обещал сделать ремонт, который, безусловно, давно уже был необходим. Несколько месяцев назад старушка переехала в пансионат для престарелых и собиралась продать дом после того, как Рино приведет его в порядок. Тогда сделка казалась весьма выгодной, но теперь он уже не был в этом так уверен. Он посмотрел на список заданий, который был прикреплен к одному из шкафчиков. Длинный. И внушительный. И это только про кухню. Списков было много, очень много. Рино признавал, что ожидания тетушки намного превосходили его возможности.

Сегодня был первый рабочий день Карлсена в новом участке, и он нервничал. Вчера Рино целый день провел в управлении в Лекнесе, и встреча прошла совсем не так, как он рассчитывал. Участок в Рейне планировали закрыть, так как офицер Бергер Фалк, прослуживший здесь уполномоченным тридцать пять лет, подал в отставку. Через полгода Фалку исполнялось шестьдесят два года, так что отставка была вполне логичной. Но все-таки это было неправильно. Ленсман не скрывал, что в последнее время уполномоченный был не в себе. Забывчивость, сомнительные приоритеты. Ленсман попытался наладить работу и сам несколько раз в неделю приезжал в Рейне, но ситуация обострилась несколько недель

назад, когда сразу же после обнаружения останков человека Фалк без предупреждения покинул участок и даже не запер за собой дверь. Его нашли дома практически безучастным ко всему на свете и вынудили взять больничный. Сейчас офицер вернулся на службу, по его собственным словам, «в полном здравии», но ленсман явно считал иначе. Именно поэтому ему нужен был напарник для Фалка на последние несколько месяцев, ну и помимо этого найденные останки представлялись весьма необычным делом.

Рино вкратце рассказали о том, как оползень вынес на поверхность земли скелет мальчика-подростка, что была произведена экспертиза и что судмедэксперт с большой долей вероятности установил, что ребенка жестоко избили. Дело крайне заинтересовало Рино, но предстоящая встреча с Фалком его не радовала, не хотелось ему встречаться взглядом с тем, кто, конечно, слишком хорошо понимал, с какой целью прислали новопривывшего напарника.

Полицейский участок был не только старым и покосившимся, но и намного меньше, чем представлял себе Рино, на выделенном ему рабочем столе едва поместился компьютер. За вторым столом сидел тот, за кем Карлсену надлежало приглядывать. Фалк устало поприветствовал своего напарника. Ленсман предупредил, что у офицера оформлен частичный больничный, так что тот мог уходить и приходить по своему желанию. Ну вот сейчас было чуть больше восьми утра, Фалк сидел на месте, явно готовый к работе. Что бы там Фалк ни думал насчет присланного надсмотрщика, он ничего не сказал. Рино показалось, что тот встретил его с ощущением усталой покорности, как будто у него не было сил ни на что больше, кроме как смириться с происходящим. Первые минуты встречи были посвящены вежливым приветствиям, а затем Карлсен повернул разговор на обнаруженные останки. Он сказал, что получил лишь общую информацию от ленсмана и хотел бы лично ознакомиться с отчетами специалистов. Фалк, не торопясь, достал папку с бумагами и положил на стол.

— Я сначала все печатаю на машинке. А затем, когда появляется время, переношу в компьютер. Отчет судмедэксперта уже там, — он ударил рукой по папке. — Яснее ясного. Парня забили до смерти.

— Мы знаем, кто это?

Фалк покачал головой.

— Я нашел это вместе с останками, — он выложил на стол нечто похожее на вязанный из толстой пряжи носок, на который были нашиты глаза и нос. — Я смыл с него грязь.

— Какая-то мягкая игрушка.

— Похоже на то.

— Рейне — деревня небольшая, — сказал Рино, который едва мог припомнить пару поездок сюда летом в детстве.

— Его нашли у фьорда. В Винстаде.

— Там еще меньше народу живет?

Фалк посмотрел на него ничего не выражающим взглядом.

— Там никто не живет. Разве что одна несговорчивая дамочка, вот и все.

— Но те, кто оттуда уехал, они же где-то живут.

— Очевидно.

— Кто-то должен что-то знать.

— Кто-то должен, — Фалк залпом допил кофе и коротко добавил: — Я был на больничном.

— Да, я слышал, — пытаюсь разрядить обстановку, Рино подвинул к себе папку и начал пролистывать машинописные листы. Ошибок было полно, и Карлсен подумал, что программа проверки орфографии наверняка выручала Фалка, когда тот подавал официальные рапорты. В бумагах не было ничего нового, помимо того, что уже рассказал ленсман, но Рино обратил внимание, что офицер достаточно подробно описал позу скелета.

— Там живет Альвильде Хенриксен, но она слишком молода, чтобы помнить события тех лет, — Фалк встал и подошел к единственному в участке окну.

— Вы опросили ее?

— Драйер, ленсман, говорил с ней.

— Удивительно, что никто ничего не знает, особенно учитывая, что там никогда много народу и не жило.

— В старые времена в Винстаде проживало около ста человек.

— Ну, немного.

Фалк пожал плечами.

— В отчете эксперта... есть информация о том, сколько времени останки пролежали в земле?

— Это предварительный отчет. В нем много неточностей. Но дело было где-то в середине прошлого столетия.

— Вот как!

Фалк глубоко вздохнул.

— Бедному парню было совсем немного лет.

— Маловероятно, что.

— Все фаланги перебиты, — Фалк сжал кулаки так, что кожа на них

побледнела.

Рино решил сменить тему и кивнул на рисунок, висевший на стене за полками.

— Это ваши внуки нарисовали?

— Нет, что вы, вовсе нет, — Фалк внимательно посмотрел на рисунок. — Он провисел у меня дома несколько месяцев. Я принес его сюда всего несколько дней назад. Мне казалось, я смогу разгадать его смысл, но я не уверен.

— То есть?

— Я нашел этот рисунок весной на пожарище. С тех пор он мне покоя не дает.

Рино вопросительно посмотрел на офицера.

— Взрыв газонокосилки, то есть бензобака. Чудо, что бедняга выжил. А в гараже, где все произошло, висел вот этот рисунок.

— Вы спрашивали об этом пострадавшего?

Фалк покачал головой.

— Он не может говорить. По-моему, он даже есть нормально не может.

— Может быть, это рисунок его детей или внуков. Я хочу сказать, если ему нравилось работать в гараже, почему бы не повесить там рисунок?

— Прямо под крышей? — Фалк встал. — Ладно, пойду домой, — сказал он. Взгляд казался отрешенным, а лицо побледнело.

Глава 9

Следующие несколько недель он пытался запомнить то, что ему удавалось уловить. Йориль дала четкие инструкции медсестрам, каждый день они вывозили его в коридор, там он мог сидеть столько, насколько хватит сил и желания. Он чувствовал, что далеко не всем обитателям пансионата нравится видеть его, и было несложно понять, почему. Он попытался ощупать свое лицо, но пальцы почти полностью утратили чувствительность. Он понимал, что представляет собой весьма жалкое зрелище, сознавал, что остальные смотрят на него с отвращением. И, тем не менее, он сидел там, прислушивался к разговорам, настораживаясь сразу же, как только кто-то подсаживался к компьютеру. Он владел слепым методом печати и довольно скоро выучил меню регистрации и количество кликов мышкой, которые нужно сделать, чтобы ввести адрес электронной почты и пароль. Он знал, что у него нет права на ошибку. Дьявол увеличила дозировку, так что жить ему оставалось не больше нескольких недель.

Дни сливались в одно монотонное выживание, но он понял, что наступила осень, это подтвердил ледяной воздух, проникающий в палату во время проветривания. Ему удавалось следить за сменой дня и ночи благодаря тому, что рутинные процедуры соблюдались довольно точно. Поэтому, даже лежа в постели, он знал, что примерно через десять минут погасят свет.

Сидеть несколько часов подряд ему было нелегко. Все тело содрогалось от пульсирующей в такт сердцу боли. Еще несколько дней, чтобы отбросить последние сомнения, и он будет готов. Ему не терпелось рассказать Йоару о том, что случилось, о том, как кто-то умышленно сломал его жизнь, о том, что издевательство продолжается и здесь, в пансионате. Ему не терпелось рассказать о Дьяволе в обличье медсестры, о том, как она ежедневно вливала ему в горло кислоту, с каждой каплей которой утекала его жизнь. Вопрос был не только в том, сколько кислоты выдержит его тело. Но и в том, как долго он сможет терпеть ее последствия: боль от открытых язв в горле, невозможность глубоко вдохнуть.

Сначала казалось, что тело восстанавливается после каждой дозы, но постепенно появились боли в животе, температура, и все чаще он опасался, что захлебнется рвотой. Он уже несколько раз об этом думал, а что, если задержать дыхание, позволить легким еще немного гореть, что если.

От запаха, который не спутать ни с чем, зашевелились волоски на шее. Это была она. Шум вентиляции подтвердил, что дверь распахнулась. Очевидно, она стояла и наслаждалась тем, как его окутывает страх. Она знала, что он боится, хотя ужас не отражался ни в его глазах, ни на изуродованном лице. И все же она заметила, как съежилось тело от предстоящей боли, от боли, которая с каждой каплей становилась все сильнее. Дверь закрылась, запах усилился. Она подошла к постели. Он изо всех сил сжал рот, он всегда так делал, но в этот раз он поклялся себе не поддаться.

Хотя его кожа утратила чувствительность, он все же ощущал покалывание от ее присутствия. Где-то в глубине своего страха он просто хотел, чтобы это закончилось, чтобы она грубо и жестоко разжала ему челюсть и влила очередные капли, которые разъедят ему горло. Но смысл был в другом. Страх играл важнейшую роль в наказании. А это было именно наказание. И он полагал, что знал, за что. Где-то в тумане что-то всплывало. Проказы мальчика-подростка. Он проанализировал всю свою жизнь до тех времен, которые только мог вспомнить, пытаясь отыскать что-то, что могло бы оправдать такую жестокость. Должно быть, это оно. Игра, которая однажды зашла слишком далеко.

Он почувствовал, как она наклонилась над ним, и вздрогнул. Даже сквозь непроглядную тьму он ощутил ее улыбку. Вливай свой проклятый яд, пусть это закончится! Из глубины живота вырвался стон и превратился в едва слышное шипение, он открыл рот. Боль уже была в его голове, волна захлестнула все его тело и превзошла то, что мог поглотить мозг. Но в горло никаких капель не попало, и скоро он заметил, что запах вдруг утратил отчетливость. Он все еще висел в воздухе, но было понятно, что она вышла из комнаты.

Ждать больше нельзя. Он аккуратно вытянул руки из-под одеяла и нащупал давным-давно припрятанный предмет. Коктейльная соломинка. К большой радости Йориль, он согласился выпить немного супа, однако на самом деле хотел только завладеть соломинкой. Пару раз она сидела рядом с ним, но на третий ему повезло. Она положила поднос с обедом ему на колени, и, когда ее срочно вызвали в коридор, ему наконец удалось умыкнуть соломинку. И сейчас он вытащил ее из штанов. Подождал, пока звуки в коридоре утихнут, перекатился на бок. Осторожно упал на пол. Казалось, что на его тело натянута кожа мальчика, но, зная, каковы ставки в этой игре, он заставил себя подняться. Держась за кровать, он досчитал до десяти. Боль прилиwała волнами, но он не обращал на нее внимания, и она утихла. К счастью, пламя не добралось до стоп, и он хорошо чувствовал,

куда наступает. Сетчатка была оплавлена огнем, но изображение комнаты было загружено в его левое полушарие мозга. Ему понадобилось несколько дней, чтобы составить общее представление, а потом он лишь добавлял детали, так что сейчас видел комнату перед собой достаточно точно. Он шел маленькими шажками, чувствовал, как натягивается кожа на бедрах и пояснице. Спина — в меньшей степени поврежденная огнем — была мокрая от пота. Он двинулся к стене и через несколько шагов коснулся двери. Он открыл ее плечом и едва смог удержаться на ногах, шагнув в коридор. Единственным звуком было легкое бурчание, по всей видимости, холодильника. Хотя его шажки были не больше мышинных, он просчитал, что до компьютера идти не дальше трех метров, и двинулся вперед. Поднял правую руку так высоко, как только мог, пусть и всего на середину тела, но этого оказалось достаточно, чтобы дотронуться до стола. Держась одной рукой за спинку стула, он попытался согнуть колени. Обожженная кожа натягивалась и саднила, и ему пришлось плюхнуться на стул.

От боли он забыл о том, где находится и что происходит вокруг, закружилась голова, но он сумел совладать с собой. Он знал, что близок к обмороку, и постарался дышать глубоко и ровно. От напряжения его затошнило, но он не поддался. Вместо этого он выпрямился. Нижняя кнопка справа. Едва слышный писк подтвердил, что экран включился. Загрузка занимала всего несколько секунд, но он прождал достаточно долго, пока не убедился, что клавиатура подключилась. Еще немного подготовки, проследить, чтобы курсор находился в углу экрана. Двинув мышкой, он понадеялся, что нажал кнопку «Старт». Еще немного подвинул мышь, два раза кликнул. Возможно, ему удалось открыть почту, а может быть, и нет. Он старался держать руку так, чтобы курсор находился в нижнем левом углу. Поднес левую руку к краю экрана, чтобы почувствовать его размер, затем двинул правой рукой. Немного правее, к центру, повыше. Он полностью сосредоточился на странице электронной почты, которую представил себе. Что-то подсказало ему, что курсор был слишком низко, он немного сдвинул его, а затем кликнул на то, что, как он надеялся, было адресной строкой. Стрельба вслепую. Промахнулся он на полсантиметра, и все пропало. Он отпустил мышку, поднял руки над клавиатурой и приготовился. Возможно, последний пользователь не вышел из почтовой программы, так что ему пришлось бы запустить ее заново, но он должен был воспользоваться шансом. Три ряда вверх, семь клавиш внутрь — клик. Вот и буква Н. Так он продолжал до тех пор, пока не добрался до значка «собачка». Коре возмущался, что клавиша «shift» залипает, так что ему пришлось нажать сразу три клавиши. Найти их было

легко, но вот синхронизировать действия пальцев, лишенных чувствительности, было совсем непросто. Поэтому он воспользовался соломинкой. Действуя ею, он попытался зажать все три клавиши, но губы превратились в жесткие ремни из обгоревшей кожи, соломинка выпала изо рта. Он наклонился ниже, но тонкая пластмасса закатилась между клавишами. Он попытался снова, но правый указательный палец отказывал, и на него нахлынула волна безнадежности. На что он надеялся? На чудо? С тем же успехом можно было попробовать прогуляться по воде. И все же он должен был попытаться. Без надежды он умрет до того, как первые снежинки коснутся его окна. Он снова попытался нажать на клавиши, но пальцы казались еще бесчувственнее обычного. Шаги приближались, он понял, что медсестра повернет за угол через секунду.

Кнопка выключения, где она, черт возьми?!

— Так-так, Герой!

Он сполз со стула, зацепив рукой шнур от компьютера. Из последних сил он попытался выдернуть его из розетки.

Глава 10

Рино поднялся с пола и отряхнул грязь с брюк. Участок был маленький, но места на полу для его ежедневной порции скручиваний вполне хватало. Хотя, пожалуй, считать эти порции ежедневными было бы преувеличением, пусть он и запланировал избавиться от пивного животика, когда переехал сюда. Он представлял себе регулярные занятия скалолазанием, но для того, чтобы покорять горы, нужны были веревка и оборудование. Так что для начала он занялся скручиваниями. По крайней мере, усевшись за папку с делом об останках, дышал он так же, как после скалолазания. Первую половину дня Рино посвятил тому, чтобы перечитать все отчеты, которые, в принципе, сводились к тому же, что рассказал Фалк. В отчете судмедэксперта отмечалось, что мальчику было примерно тринадцать-четырнадцать лет. Ровесник Иоакима, который после долгих споров между родителями весной все-таки начал принимать риталин^[3]. Именно Рино выступал против применения препарата, не желая признавать, что поведение мальчика объясняется не только подростковыми гормонами. Но в конце концов согласился попробовать лечение на пару месяцев. С тех пор прошло полгода. Иоаким стал другим, более спокойным, но далеко не забитым и безразличным. Как и большинство родителей, они хотели только лучшего для своего ребенка. Хотя бывают и исключения, возможно, мальчик в могиле был жертвой именно такого родителя. Судмедэксперт сделал абсолютно четкое заключение: избиение с особой жестокостью. Рино пообщался с ленсманом в Лекнесе, и тот рассказал, что ни из одного муниципалитета на Лофотенских островах заявлений о пропавших детях не поступало. Объяснить это можно по-разному: с одной стороны, останки могли быть очень старыми, а с другой — реестры могли вестись очень небрежно. Еще один вариант — парень был не из этих мест, тогда раскрытие дела казалось, в общем-то, невозможным. Рино посмотрел на часы. Через пятнадцать минут уходит паром. Вообще-то он хотел, чтобы Фалк поехал с ним, но готовящийся к пенсии полицейский оказался еще более странным и безразличным, чем ему рассказывали, так что инспектор пока не решил, как именно выстраивать с ним взаимоотношения.

По дороге он заехал на бензоколонку и по старой привычке надел свою обворожительную улыбку, когда заметил, что за прилавком стояла женщина.

— Три Б, пожалуйста, — сказал он, встретившись взглядом с продавщицей.

— Что?

— Банан, булочки и бекон обжаренный, — последний пункт заказа Рино придумал только для того, чтобы поддержать шутку.

— Ах так! — румянец залил круглые щечки продавщицы. — Ну и, наверное, бензин, чтобы стало четыре Б?

— Именно! — сказал Рино и сделал из ладони пистолет.

— Только что переехали? — продавщица ловко укладывала покупки в пакет.

— Да, решил на несколько месяцев заделаться лофотенцем. Точнее, до февраля.

Передавая ему пакет, женщина — ей было лет тридцать пять — до ушей залилась краской.

Через несколько минут он ступил на старый причал, где пахло морской солью и водорослями, а еще смоляной пропиткой. Только отполированный морем настил и заржавевшие перила напоминали о славных днях этого места.

Паром оказался совсем не тем древним деревянным суденышком, какое представлял себе Рино, и, к его величайшему удивлению, он был единственным пассажиром.

— Холодает, — шкипер Улав Рист выглядел загорелым, хотя лето в Северной Норвегии не такое уж и длинное, а солнце в последний раз выглядывало много недель назад. Температура теперь будет только падать, — добавил он, отвязывая канат. — Новенький?

Рино кивнул. Вряд ли кто-то из местных не замечал, что Фалк в последнее время слегка не в себе, так что составить выводы было несложно.

— Дело о скелете? — Рист криво усмехнулся, понимая, что Рино вряд ли собирается болтать о находке, в последнее время занимавшей умы жителей всех окрестных деревень.

Рино еще раз кивнул, поднял воротник куртки и сел на палубе. Судно медленно выходило из бухты в форме подковы, Рейне на одной стороне, Марка и Боллхауген — на другой, Рейнехалсен на самом изгибе. Очень скоро они миновали первый из мостов, соединяющих Рейне с материком, повернули налево, и перед ними предстал фьорд. Осенний воздух стал более колючим, как только судно набрало скорость, но после того, как они взяли курс на фьорд, похожий по форме на кеглю, Рино позабыл, что

замерз. Платформы, которые когда-то сформировали дикие и прекрасные горы, явно двигались с большим рвением. А после того, как вершины избавились от остатков ледникового периода, в местности вряд ли можно было отыскать более отвесные скалы. На половине дороги Рино решил погреться; поднявшись, он провел рукой по борту гребной лодки, которая лежала на боку, подпертая какой-то палкой.

— Мое изобретение, — Рист высунул голову из окна рубки. — Между прочим, мне тогда было всего двадцать лет. Согласитесь, гениально!

Рино не видел абсолютно ничего гениального.

— Бочки за вами, — Рист кивнул головой, — работают как спасательные шлюпки. Простейшая мысль, но, когда в беду попадешь, легко растеряться и напугаться. Бочки легко отвязать. Вот эта, — снова кивок головой, — может дрейфовать свободно, ничего делать не нужно. Легким нажатием открываем крюк, а дальше дело за силой выталкивания.

Возможно, в этом и было нечто гениальное, и Рино подумал, что в случае крушения он просто вцепился бы в одну из бочек.

Через несколько минут судно направилось в Киркефьорд, который с обеих сторон клином сжимали горы. Очень скоро они миновали пять-шесть домов, у каждого была своя пристань. Рино подумал, что раз уж были созданы такие пристани, то соседи вряд ли плотно общались. В конце фьорда их встречала одинокая фигура.

— Единственный постоянный житель, — Рист вздохнул. Возможно, он сожалел, что его привычный образ жизни постепенно разрушается.

— Но ведь не во всем фьорде?

— Один здесь, один в Вестланде.

Мужчина стоял, заложив руки за спину, и следил за ними. Главное событие дня, — подумал Рино, когда судно преодолело последние метры до причала. Рист вышел на палубу и выдавил из себя несколько вежливых фраз, а затем попрощался, подняв руку. Мужчина, на вид лет семидесяти, стоял неподвижно. Тонкие волосы развевались на ветру, и Рино невольно подумал, что бедняге, одетому лишь в хлопковую рубашку и джинсы на несколько размеров больше, должно быть ужасно холодно.

— Я обязан следовать маршруту, — сказал Рист, выходя из рубки. — Хотя это совершенно бессмысленно.

Горный хребет разделял два фьорда, и скоро судно отправилось в сторону Винстада. Последние метры пути Рино провел на палубе, разглядывал груды земли и камней. Где-то тут в разломе пролежал все это время мальчик. Позабытый всеми до тех пор, пока не вмещались силы природы.

— Что вы хотите найти? Фалк сюда уже трижды наведывался, — Рист достал щепотку табака из кожаного мешочка и скрутил папиросу. Так как туристический сезон был закончен, шкипер предложил подождать своего единственного пассажира.

— Предчувствие.

Спустившись на берег, Рино почувствовал, как переносится на машине времени на пятьдесят лет назад. В лучшие годы здесь проживало около ста человек, но сейчас сложно было поверить, что в Винстаде когда-то действительно кипела жизнь. То там, то сям виднелись домики, но не более того.

Когда он осторожно спускался к месту разлома, ветер дул ему в лицо. Он миновал здание — судя по всему, старую школу — и пошел дальше по грунтовой дороге, которая не заросла полностью только благодаря активным летним туристам. Пустые окна покосившихся от ветра домов смотрели на него, в них отражались горы и небо. А ведь однажды, наверное, в них отразился и тот, кто отправил на тот свет бедного мальчика.

Место, где нашли останки, было обозначено металлическим шестом. Ближайший дом находился неподалеку. Достаточно близко, чтобы слышать стук лопаты о землю. Он подумал, что нужно спросить Фалка, кто жил в этом доме и были ли у них дети. Это ведь самый простой вариант. Он поднял взгляд на гору за домом, на нагромождение острых грубых камней. Валуны, вызвавшие оползень, по всей видимости, были крупными, очень крупными, и вгрызлись вглубь склона на несколько метров. Теперь они навеки почили где-то на глубине фьорда. Но на своем пути они вытащили на свет божий ужасное преступление, как будто еще при сотворении Земли было предreshено, что все тайное когда-либо станет явным.

Горы тому свидетели.

Через полчаса, когда Рино вернулся, Рист сидел на палубе и курил. По его позе было понятно, что у него бездна свободного времени.

— Вы будете заходить в Киркефьорд на обратном пути?

— Осмунд Микальсен с ума сойдет. Мой маршрут — его часы.

— Было бы неплохо перекинуться с ним парой слов.

— Можно было и раньше с ним поговорить.

— Извините. Мне только что пришло это в голову.

Рист одобритительно улыбнулся.

— Включу это в счет.

Через четверть часа Рино подошел к маленькому, выкрашенному в

серый домишке, на который указал Рист. На первый взгляд дом казался заброшенным. Калитка заржавела и покосилась, а садик у дома слился с заросшими окрестностями. Старик склонился над точильным камнем на заднем дворе. Он был все так же одет в хлопковую рубашку, хотя ветер значительно усилился. Заметив Рино, он вздрогнул и озадаченно посмотрел на паром.

— Можно с вами поговорить?

— О чем?

— Скелет из Винстада, — Рино решил сразу же перейти к делу, рассудив, что полицейская форма говорит сама за себя.

— Ничего об этом не знаю, — Микальсен беззвучно сплюнул.

— Останки принадлежат мальчику.

Старик посмотрел ему прямо в глаза.

— Слышал.

— Здесь, во фьорде, деревни маленькие.

— Мне уже много лет. — Микальсен, по рукам и лицу которого ясно было, что всю свою жизнь он проработал в море, почесал заросший щетиной подбородок, — но с головой у меня все в полном порядке.

— Мне кажется странным, что о пропаже мальчика никто не сообщил. Конечно, возможно, он был неместный, но все-таки. Если кто-то здесь, во фьорде, исчезнет, это ведь сразу заметят.

Старик воткнул нож в рамку точильного камня.

— У Винстада свои секреты, но скелет.

— Не похоже на них, да?

Микальсен покачал головой.

— Был там один мальчик, — сказал он, присев на сломанный стул, прислоненный к стене. — Он утонул. Ему было лет четырнадцать или пятнадцать. Это было давно, полжизни назад, ну, конечно, если вы пожили с мое.

Он снова сплюнул.

— Бедный парень не умел плавать. Калека. Ну, он не единственный, кто закончил свою жизнь во фьорде.

— Что случилось?

— Боюсь, мы никогда этого не узнаем.

Глава 11

Он очнулся от приступа рвоты. Сразу же вспомнил, где находится и что случилось. Они занесли его в палату и разместили на кровати. Он заметил, что среди них была Йориль, она плакала. Видимо, оплакивала ту жизнь, которую он вынужден был вести, те возможности, которых он лишен. Например, возможность общаться с внешним миром. Он слышал, как она говорила: «Я бы с радостью ему помогла. Если бы понимала его».

Ему удалось уловить лишь обрывки разговора медсестер, но по их словам он понял, что ему удалось лишь включить компьютер, но не зайти в систему. Слабое утешение в минуту поражения. Он вытащил свой единственный козырь и проиграл.

Прошло, наверное, около получаса, как дверь открылась, и он снова почувствовал этот запах. Дьявол вернулась и смотрела на него. Она, конечно, слышала о его попытке воспользоваться компьютером и уж точно была не такой наивной, как Йориль. Дьявол все поняла. Из коридора донесся чей-то голос. Это была заведующая пансионатом, она встречала его при переводе из больницы. После этого регулярно его навещала, говорила какие-то общие приветственные фразы. Но и она не сочувствовала ему так, как Йориль. Заведующая была женщиной холодной, но в данный момент он очень обрадовался, услышав ее гнусавый голос. Она обратилась к Дьяволу и, явно сдерживаясь изо всех сил, отчитала ее. Одной из медсестер нужна была помощь, заведующая просила Дьявола срочно пройти в ту палату. Затем она поспешила дальше, но Дьявол не двинулась с места. Видимо, пыталась понять, успеет ли влить в него каплю-другую яда.

— Спишь? — прошептала она от двери.

Он изо всех сил притворился, что спит.

— Да ну.

Она видела его насквозь.

— Хотела просто сообщить тебе, что мы немного поменяли график. Я специально попросила, чтобы меня отрядили дежурить у тебя — здорово, правда? Нам действительно нужно получше следить за тобой. То, что произошло сегодня вечером... больше никогда не повторится.

Он сглотнул.

— И зачем тебе нужен был компьютер?

Шаги по линолеуму, а затем хруст — она наступила на коктейльную соломинку.

— Спи, Герой, теперь уж я с тебя глаз не спущу.

Он заснул. И поэтому не смог понять, сколько прошло времени до тех пор, как очередная капля кислоты попала в глотку. Может быть, десять минут. А может быть, несколько часов. От шока он резко проснулся. Такой боли он еще никогда, ни разу в жизни не испытывал.

Глава 12

— Мне тогда было чуть за двадцать, и я на время переехал в Сволвер. Сволвер в то время активно развивался, а я не хотел быть рыбаком, как мой отец. Как же мы иногда ошибаемся.

Осмунд Микальсен мечтательно взглянул на светло-серое небо.

— Это случилось в один из осенних штормов, как с большинством затонувших кораблей и утопленников здесь, в Москенесе. С погодой у нас не шутят, море много дает, и забирает не меньше, — старик вздрогнул. — В выходные я обычно сидел дома. Ну а эти стали особенными. Калека. Мы все жалели беднягу.

— Что с ним было?

— Я помню только, что его повсюду возили в коляске. Он жил с отцом и братом. Мать я не припомню. Думаю, она умерла, когда мальчики были еще крохами. Старший жил за двоих, по крайней мере в том, что касается хулиганства. Он был местной знаменитостью, крал как хитрый лис, лаялся со всеми, ну и всякое такое. Как и отец в его годы. Отец был, — Микальсен замер, — беспробудный пьяница, ни больше ни меньше. Не мог удержаться ни на одной работе, человек, на которого в рыболовный сезон и положиться было нельзя. Многие из нас из-за него лишились заказов.

Старик покачал головой, чтобы подчеркнуть, что достиг кульминации рассказа.

— Ходили слухи, будто он избивает мальчишек, и калеку тоже. Злые языки даже поговаривали, что парень стал таким именно из-за издевательств отца. Так это или нет, я не знаю.

Рино понял, что трагедия оставила след в душе рыбака.

— Но это неважно, парень погиб в ту осеннюю ночь, разделив свою судьбу с отцом, которого нашли на следующее утро под обрывом скалы. Может, и кстати, что он тогда подох. Многие хотели свести с ним счеты.

— А второй брат?

— Да, да, — Микальсен наморщил красноватый нос. — Я не все хорошо помню, столько лет прошло. Но мне кажется, этот дикарь сбежал незадолго до смерти отца и брата. Но уж в чем я уверен, так это в том, что в ту ночь его брат утонул.

— Как это произошло?

— Точно никто не знает, но фьорд бездонный. Тех, кто тонет, никогда не находят. Никогда, — старик взглянул на пристань. — Знаете, я рыбаку

уже больше сорока лет, выхожу в море почти в любую погоду, тонуть, неправда, что так умирать не больно. Неправда. Зимой вода в море не больше трех-четырёх градусов. Можно пытаться глотать ее до потери сознания. Успеешь понять, что больно. Нет уж, я хочу умереть, чувствуя твердую землю под ногами. Неважно, как именно, но только не там.

Легкая тень пробежала по высушенному непогодой лицу.

— Слышали сагу об Утрёсте?

Рино не скрывал скуки.

— Остров к западу от Рёста, затонул много тысячелетий назад, он всплывает, когда кто-то терпит бедствие.

— Так тот мальчик, — у Рино не было ни времени, ни желания слушать старую сказку. — Он утонул?

Лишь на мгновение на лице Микальсена промелькнула обида, но потом он кивнул.

— Я нечасто бывал в Винстаде в то время, но помню инвалидную коляску. Она страшно дребезжала. Парень сидел на крыльце дома или на пристани. В те времена жизнь на фьорде была другая, и именно на пристани все и случилось. Он сидел там, колени укутаны пледом, худое бледное создание, — Микальсен снова взглянул на море, как будто оглядывался на побежденного врага, будучи не вполне уверенным, что соперник не восстанет с новыми силами. — В тот вечер бушевал шторм, на фьорде потом еще несколько дней белая пена была. Взбудораженное море бурлит долго, — Микальсен почесал спину, — на следующее утро нашли коляску. Вы же там только что были, так?

Рино кивнул.

— Ну тогда сами знаете. У берега глубина пара метров, не больше, а вот в открытом море в два раза глубже.

Она лежала там, прямо у одного из столбов. Парень скатился с причала и утонул.

Микальсен встал и посмотрел на горы.

— Конечно, поползли слухи. Мол, отец утопил сына, а потом покончил с собой. Другие говорили, что это брат вернулся, чтобы расправиться с обоими. Я не знаю, но если парень утонул не сам, то я скорее скажу, что это сделал отец. Бить своего собственного сына, особенно калеку, ну кем надо быть?

— Сумасшедшим.

— Я скажу — чудовищем.

— Когда это случилось?

— В шестьдесят третьем. Тысяча девятьсот шестьдесят третьем.

- Мальчику было около четырнадцати?
- Да, что-то типа того.
- Вы рассказывали об этом Фалку? — Рино подразумевал, что его коллега уже поговорил с единственным обитателем Киркефьорда.
- Он был здесь, да. Спрашивал о скелете.
- И вы рассказали об утонувшем мальчике?
- Да мне не нужно было ничего рассказывать. Фалк учился с ним в одной школе.

Глава 13

Еще в начальной школе мама говорила ему, что он должен бросить вызов своему страху. Потому что, только взглянув ему прямо в глаза, он сможет победить. У него никогда не хватало духа последовать ее совету. Челюсти и горло сводило только от одной мысли. Вместо этого он боялся, делал все возможное, чтобы избегать своего мучителя, а позже и ситуаций, напоминающих о нем.

Побег длиною в жизнь.

Он и сегодня чувствовал то облегчение, которое наступило в последний школьный день. Никто больше не будет над ним смеяться, никто не будет заставлять его читать вслух, пока класс катается по полу от смеха. Свободен! Возможно, радость была недолгой, но тот момент в его жизни казался высшей точкой счастья. Он поступил на работу на одну из рыбных фабрик, но и там ему пришлось осознать, что ему никогда полностью не избавиться от мучений. Заикание навсегда лишило его возможности жить полноценной жизнью.

С годами он мастерски освоил обходные маневры и лишь изредка натыкался на кого-то, кто вновь заставлял его испытывать страх. Страх, который вырос на почве его уязвимости. С тех пор, как ему исполнилось девять лет, он почти ни с кем не разговаривал, лишь изредка произнося отрывистые слова. Только с мамой. Когда он говорил с ней, звуки сливались в слова плавно, без сопротивления, даже без намека на сопротивление. Ты должен противостоять своему страху. Все эти годы она постоянно повторяла ему это, никогда не переставая надеяться, что сын обретет свободу. Теперь ему уже было за шестьдесят. Она была очень спокойной. Он открыл дверь в ее спальню, почувствовал, как ее запах проникает в ноздри. Она отрешенно смотрела на него.

— Сегодня я это сделаю, — сказал он. — Сегодня я противостояю своему страху.

Ему показалось, он уловил улыбку, пусть легкую и отстраненную.

— Сегодня я встречу с ним лицом к лицу.

Глава 14

— Да, я учился здесь в школе. А потом перешел в старшую школу в Рейне.

Фалк сидел на узкой металлической лестнице возле входной двери. На большинстве ступенек стояли миски с засохшим кошачьим кормом.

— Теперь в Винстаде нет школы. Да и здесь, — Фалк махнул рукой, — культура победила. Школа стала культурным центром, как будто выставка или литературный фестиваль важнее, чем базовое образование.

— А что с учениками?

— Переведены в школу в Сёрвогене.

Сёрвоген — ближайшая деревушка к облюбованному туристами местечку, знаменитому более своим именем, чем идиллическими пейзажами.

— Но вы все-таки выросли здесь, в Винстаде?

Фалк покачал головой.

— В Теннесе, деревушке на той стороне пролива. По прямой совсем недалеко, но добраться без лодки невозможно.

— Когда вы переехали в Рейне?

— Когда пошел там в школу. Мне было около тринадцати.

— Вы переехали, когда утонул мальчик в инвалидной коляске? — Рино уже рассказал напарнику о разговоре с Осмундом Микальсеном.

Фалк взглянул на него ничего не выражающим взглядом.

— Думаю, да.

— Вы помните, что произошло?

— Помню, мои родители говорили об этом.

— Старший мальчик пропал незадолго до того скорбного осеннего дня.

— Пропал...

— Странно, что об этом никто не заявил.

— Время было другое.

— Вы помните мальчиков?

Фалк опустил взгляд.

— Плохо.

— По словам Осмунда Микальсена, отец был с ними жесток и доставалось обоим.

Фалк сжал кулаки.

— И ведь наверняка издевательства были гораздо хуже, чем об этом знали окружающие, — продолжил Рино.

— Что вы хотите сказать?

— Это исчезновение. Возможно, вы нашли именно пропавшего брата. А может быть, второго. Но история о двух братьях — это все, что у нас есть. И так как вы ходили с ними в одну школу, я надеялся, вы сможете что-то вспомнить.

— Это было почти пятьдесят лет назад.

— Да.

Видно было, что мысли Фалка бродили где-то далеко.

— В школе должны были остаться архивы, может быть, даже фотографии. Думаю, мы можем начать оттуда. Школа в Винстаде. как вы думаете, бумаги могли остаться там?

Фалк встал и отодвинул одну из мисок.

— Школу закрыли в восьмидесятые, насколько я помню. Учеников перевели в Рейне.

— А потом уже в Сёрвоген?

Фалк кивнул.

— А архив?

— Думаю, книги и бумаги сначала перевезли сюда, в Рейне.

— А потом, наверное, переслали в Сёрвоген?

— Наверное.

— Кто-то должен знать точно.

Фалк поманил тощего кота, который осторожно выглядывал из-за куста.

— Хальвард Тофтен долгое время был здесь директором. Он наверняка знает.

— И он жив и здоров?

— Не знаю, насколько крепко его здоровье, но он жив.

— Покажете дорогу?

Фалк помолчал.

— Это самое малое, что я могу для вас сделать.

— Кстати, — Рино остановился посреди лестницы, — прямо возле разлома стоит дом, кто там жил?

— Вдова, нелюдима и нервная. Имени я не помню.

— У нее были дети?

Фалк покачал головой.

— Она овдовела через несколько дней после замужества. Чертову фьорду понадобились жертвы. И она осталась бездетной.

Через пять минут Рино уже парковался возле ухоженного дома, построенного в пятидесятые. Его удивило, что Фалк не задавал больше вопросов о мальчиках, лишь абсолютно безучастно показал дорогу к дому бывшего директора школы. Депрессия просачивалась сквозь жесты и взгляды, опасения ленсмана все больше и больше оправдывались.

Дверь открыла жена Тофтена. Она сказала, что супруг подвязывает розы на заднем дворе. Они обнаружили его между двумя кустами. Согнувшись в три погибели, он отрезал длинную веревку. Увидев направляющихся к нему мужчин, он выпрямился, кивком поприветствовал Фалка и слегка неуверенно подал руку Рино.

— Мне сказали, что вы много лет были директором школы, — сказал Рино, представившись.

— Слишком долго, как казалось некоторым родителям, — Тофтен состроил серьезную мину, возможно, чтобы подчеркнуть, что он был директором старой закалки.

— Я ищу сведения о мальчиках из Винстада, может быть, архивы перевезли сюда, когда школу в деревне закрыли? Тофтен взглянул на Фалка, накручивая веревку на катушку.

— Школу в Винстаде закрыли в 1982-м. И да, все архивы перевезли сюда.

— И они все еще здесь? — с надеждой спросил Рино.

— Вам везет. Администрация муниципалитета несколько лет назад решила закрыть здесь школу. Но жизнь в Рейне продолжается. Туризм растет, новые дома появляются на каждом мысе. Сейчас особенно активно стараются возвращать молодежь. Но вот школы для них здесь нет, понимай, как хочешь, — директор покачал головой. — Безумие.

Рино ждал продолжения, пока Тофтен проверял, хорошо ли веревка держала розовый куст.

— Когда школу закрыли, сначала хотели, чтобы архивы хранились в управлении муниципалитета. Но там было забито. Последнее, что я помню, шли разговоры, чтобы перевести все необходимые документы в дальний архив, но, кажется, до дела так и не дошло. Бумаги лежат там, куда их положили. Честно говоря, это абсолютное безобразие, но я перестал переживать о том, что не могу изменить.

— С кем можно поговорить, чтобы попасть туда?

— А вы еще не поняли, что там проходной двор? Выставка там, выставка сям, — Тофтен раздраженно махнул рукой. — Как вы думаете, кто позаботился о том, чтобы собрать все ключи в тот день, когда школу

закрыли навсегда?

— Вы? — попытал удачу Рино.

— Никто. Сегодня никто ни за что не отвечает. Я уже двенадцать лет не директор, а вот ключи у меня есть. Входную дверь, правда, поменяли, но замок от подвала все тот же.

— А вы могли бы меня туда пустить?

Тофтен внимательно изучал мужчину, стоявшего перед ним.

— Прямо сейчас?

— Пожалуй, да.

— Знаете, я мог бы прямо сейчас пройти несколько метров до школы, зайти внутрь, проникнуть в подвал, и никто бровью бы не повел, но я все-таки человек порядочный. Я не буду ничего открывать без разрешения.

— Чьего?

Тофтен пожал плечами.

— Такие решения принимает директор.

— А мы можем ему позвонить?

— Ей. А мы — это значит я?

— Если это не слишком вас затруднит.

— На вас полицейская форма, и вы проявляете столько усердия. Я в состоянии сделать выводы. Но я такой старый человек, что пользуюсь только домашним телефоном, так что мне нужно зайти в дом, чтобы позвонить.

Через пять минут Тофтен вернулся.

— Вы так и будете там стоять как вкопанные?

Здание школы состояло из новой и старой частей, современная пристройка хорошо подходила к классическому двухэтажному строению.

— Ты здесь учился, Бергер? — спросил Тофтен, спускаясь в подвал.

Фалк внимательно разглядывал стены и потолок.

— В старшей школе.

Винтовая лестница поскрипывала под их шагами, некоторые ступеньки немного проседали.

— Как же тут грязно, — простонал Тофтен, и Рино почувствовал, как что-то шуршит под ногами.

— Как же я не подумал! — Тофтен дергал выключатель, но лампочка над головой так и не зажигалась. — Видимо, такая же разруха и в самом подвале.

С легким сопротивлением дверь поддалась. Тофтен вслепую пошарил по стене, и вдруг подвал осветился мягким желтым светом.

— Парадокс, вам не кажется? Здесь стоят коробки с папками, заполненными четким каллиграфическим почерком, а новому поколению наплевать на аккуратность: все выброшено и забыто, — Тофтен, близоруко щурясь, водил пальцем по корешкам папок. — Винстад внезапно стал популярен, как я понимаю.

Продолжение повисло в воздухе, и полицейские поняли, что бывший директор прекрасно понял, в чем цель их визита.

— Вот они. Здесь несколько архивов. Вас какой-то конкретный год интересует?

Рино, весь в пыли, переглянулся с Фалком.

— Середина пятидесятых или около того.

Какое-то время Тофтен перелистывал папку в тишине и вдруг замер и пригляделся.

— А вот и ты, Бергер. Выпуск 1957-го. Вас было всего пятеро в классе?

Фалк был слегка удивлен.

— Кажется, да.

— Я ищу информацию о мальчиках, которые поступили в школу на год или два раньше. Один был прикован к инвалидной коляске.

Тофтен поднял глаза от папки.

— Случается, что кто-то из учеников навсегда остается в твоей памяти, как и в системе. Именно таким был и мальчик в коляске, наверное, из-за того, что он единственный инвалид, с которым я был лично знаком. Бедняга. Ему приходилось нелегко, это было очевидно с первого взгляда.

— Почему?

— Его ущербность была на виду, но дело не только в этом: он был глубоко несчастным. Многим в те времена приходилось довольствоваться малым, но все же совсем нищими были далеко не все. А эта семья как раз подходила под эту категорию. Помню, парень рос с отцом, пьяницей и дебоширом. Мать я не помню.

— А брата?

Тофтен остановился и посмотрел вверх.

— Да, у него был брат, но о нем я ничего не могу сказать.

Рино взглянул на Фалка, который все так же был не заинтересован в происходящем.

— Годом раньше, посмотрим. Семь учеников... Двое по фамилии Стрём. Руалы... кажется, именно так и звали того мальчика? Да, именно: Руаль Стрём.

— Мальчики были двойняшками, раз они ходили в один класс?

— Нет, двойняшек я бы запомнил. Что думаешь, Бергер?

Фалк пожал плечами.

— Возможно, он год проболел, — Тофтен говорил уверенно.

— А как звали второго брата?

— Оддвар.

— Есть фотография мальчиков?

— Наверняка, только искать нужно в другом месте.

Неуверенными движениями Тофтен начал доставать папки с полок. Несколько раз он останавливался передохнуть, успокоить шатающиеся ноги, но было видно, что он увлекся поиском.

— Фотографии. Господи, как они пожелтели с годами! Конечно, лежать здесь в этой пыли. Смотри-ка, даже красавица Сёльви выглядит так, словно ей за пятьдесят.

Рино наклонился поближе, то же самое сделал Фалк, наконец проявив толику интереса.

— Это учителя. Я помню Сёльви. ангел во плоти. Ученики ее боготворили. Она была доброй и заботливой, редкость в те времена. Тогда учителя были строгими — я тоже. Но Сёльви относилась к ним, как мать. Если им хотелось с кем-то поделиться, они доверялись только ей. Ну хватит об этом, посмотрим дальше. вот и ученики.

Тофтен листал фотографии медленно и внимательно.

— Вот он, — семеро детей осторожно улыбались фотографу, даже мальчик с левого края, сидящий в простом инвалидном кресле. — Руаль Стрём, да. Помню его.

Мальчик выглядел худым и нескладным, как и трое его одноклассников. Но в нем проглядывала особая хрупкость.

— Ходили слухи, что отец его избивал, — сказал Рино.

— Совершенно не удивлен.

— Но вы точно не знаете?

Тофтен покачал головой.

— Я никогда там не преподавал, а здесь они проучились очень недолго.

— А который из них второй брат?

Еще до того, как Фалк неуверенно указал пальцем на мальчика, стоявшего, уперев руки в боки, Рино заметил сходство. Этот парень излучал жесткость. Самопровозглашенный глава класса.

— Вспомнили его? — спросил Рино.

Фалк забрал бумаги и поднес их ближе к свету.

— Кресло, — прошептал он, слегка дрожащим голосом. — На правом

подлокотнике.

Рино наклонился над фотографией. И увидел. К подлокотнику был привязан вязаный носок с пришитыми глазками и носиком.

Глава 15

Он с трудом отличал сон от бодрствования. Раньше, когда ему удавалось отвлечь мозг — во сне или в мечтах о том, как Дьявола раскроют, — тошнота и самая страшная боль проходили. Больше этого не случалось. Боль присутствовала постоянно, хуже того, она захватила новую территорию — помимо горла и легких распространилась на уши. Теперь, когда пансионат просыпался, звуки поступали к нему как будто из глубокой металлической трубы. Он понимал, что это значит: скоро он потеряет слух. Он так долго боролся, пытался быть сильным, что сейчас резко почувствовал себя слабее и беспомощнее, чем когда бы то ни было. Он стал плакать, лишенный глаз и слезных каналов, он плакал. Он знал, что жить ему осталось очень недолго, и против собственной воли смирился с этим. Но он не хотел умирать так, страдая до последней минуты и зная, что убийца останется безнаказанным. Внезапно он осознал, что кто-то стоит возле кровати. А ведь шума вентиляции он не слышит. Может быть, он уже не в состоянии его услышать?

— Уже утро.

От ее голоса у него подскочил пульс.

— Ты проспал целый день.

Целый день? Ему казалось, что он глаз не сомкнул.

— Надеюсь, ты хорошо себя чувствуешь. Ты заставил нас поволноваться!

Он больше не мог выносить эту пытку.

— Кстати, к тебе пришли. С восьми часов ждет. Вы, видимо, старые знакомые, по крайней мере, так он написал на листочке.

Это мог быть только Йоар, но в такое совпадение было трудно поверить, к тому же зачем ему писать свое имя на листке?

— Не знаю уж, что выйдет из этой встречи, но, может, и неплохо будет повидаться. Пригласить его войти? Или хочешь сначала провести утренний туалет?

Он кивнул изо всех сил.

— Пригласить?

Он снова кивнул.

— Хорошо, но у вас будет всего десять минут на первый раз. Пусть лучше зайдет еще.

Он слышал ее голос в коридоре, затем дверь открылась. Судя по

шуршанию вентиляции, ее открыли медленно, как будто входящий сомневался, стоит ли это делать. Он сначала обрадовался, что все еще мог различать, как открывалась и закрывалась дверь, но потом ему стало не по себе, что-то было не так. Йоар закричал бы в ужасе, увидев его в таком состоянии, стало быть, он понятия не имел, кто к нему пришел. Комнату заполонила отвратительная вонь. Пахло старостью, и гнилью, и еще чем-то, чего он не мог распознать. Звук неуверенных шагов, гость изучал его, подходя поближе. Больше всего на свете ему хотелось накрыться одеялом с головой, но что-то подсказывало, что Дьявол была права — посетитель его знает. Он слышал его дыхание, быстрое и неровное, слышал, как тот открыл рот, как язык шлепал по небу, затем последовали короткие вздохи — и он понял, что гость не мог произнести ни слова. Сначала он решил, что тот лишился дара речи, увидев, в каком он состоянии, но потом внезапно понял, почему слова так и не появились. И зачем посетитель к нему пришел. Заика. За опознанием всплыл самый темный глубокий ужас, и скоро стук его сердца заглушил звероподобные звуки, которые издавал гость. Рука зажала рот и нос, и до того, как остановился приток кислорода, он успел подумать, что рука пахнет чем-то кислым.

Глава 16

Когда телефон зазвонил, Рино как раз занимался исполнением первого пункта из списка тетушки: перевернув кухонный стол, он решил разобраться, почему тот качается.

— Че это ты там делаешь? — пометавшись между двумя тембрами, голос Иоакима все-таки успокоился и стал на октаву ниже.

— Ну, я тут.

— Ты стонешь, как свинья.

— Это потому, что я стою на коленях между двумя чертовыми ножками стола!

— Че?

— Пытаюсь починить кухонный стол.

— Ты? — Иоаким хорошо знал, что отец был абсолютно безруким в том, что казалось практического домашнего хозяйства.

— Что за.

— Дерьмо?

— Дерьмо, да. Этому столу сто лет в обед, и чего она не купит себе новый?!

— Может, именно поэтому.

— Да это не чертов антиквариат, а.

— Дерьмо?

Рино встал и стукнул ногой по столу.

— Да пошел он, стол этот. Как дела?

— Хорошо.

— По шкале от одного до десяти?

— Шесть.

— А чего не восемь?

— Потому что тебя тут нет.

— Окей, считай, я купился. Но я вернусь через неделю-другую. А может, ты приедешь?

— В Рейне?

Это прозвучало, как будто Рино находился на одной из планет соседней галактики.

— Ну, было бы странно приехать куда-то еще, если я пока здесь.

— А там есть чем заняться?

— Мы могли бы съездить на рыбалку.

- No, thanks^[4].
- Что-нибудь придумаем.
- Конечно. Знаешь что?
- А?
- У мамы кое-кто появился.
- Да ну.

Рино хотел, чтобы это прозвучало как самая естественная ситуация на свете, но все-таки почувствовал укол ревности.

— Он тебе не нравится? — спросил Рино, так как с другой стороны трубки никакого ответа не последовало.

- Да нет.
- Но.
- Новые правила.
- Приходится приспособливаться, — Рино почувствовал, что начинает заводиться.
- Она стала такой стервой.
- А он?
- Да нет, Рон прикольный.
- Рон?
- Да, он из Голландии.
- И ведь маме никогда не нравились мои деревянные башмаки.
- Че?
- Шучу.
- Отключусь. Сообщение пришло.
- Срочное?
- Ага. Рене. Перезвоню.

Разговор оставил неприятное послевкусие, Рино захотелось поехать на бензоколонку, чтобы свободно пофлиртовать с продавщицей, но он удержался. Вместо этого он взглянул на сабо, которые валялись прямо посреди пола. И ведь именно над этой обувью она много лет посмеивалась. А теперь, значит, у нее голландец. Ирония судьбы, мать ее.

Рино вполсилы попытался исполнить еще несколько пунктов из тетушкиного списка, но добился лишь того, что разозлился еще больше. Мысли постоянно возвращались к больному мальчику, и в первую очередь к вопросу о том, почему же его братец решил навсегда исчезнуть из семьи за несколько недель до трагических событий. Загадкой оставалось и то, почему никто не сообщил в полицию о его исчезновении. Рино пометил себе, что нужно обязательно спросить у Фалка, не переезжало ли

управление полиции. При переезде, возможно, бумаги просто потерялись.

Первая мысль, которая возникла у инспектора, когда он услышал историю этой семьи, была, конечно, что тот самый отморозок вернулся в Винстад и лишил жизни брата и отца. И ведь если эта мысль пришла в голову через пятьдесят лет ему, то наверняка в те времена должны были ходить слухи. Удивительно, что Фалк, живший совсем рядом с местом событий, едва их вспомнил! Особенно учитывая, что он все-таки стал полицейским в этом самом районе.

Фалк.

Сначала Рино подумал, что безразличие коллеги объясняется усталостью от жизни отшельника-полицейского и что он считал дни, когда наконец пополнит ряды пенсионеров. Но сейчас он был вынужден признать, что ситуация гораздо сложнее, потому что Фалк не просто погружен в себя, он выглядит отстраненным и явно подавленным. Что-то его тяготит.

Очень сильно.

Благодаря фотографии в школьном альбоме они смогли установить личность мальчика, найденного в могиле. Очевидно, коляску выбросили в море, чтобы сбить полицию со следа, а само тело убийца закопал там, где, как ему казалось, его никогда никто не найдет. То, что на упокой вместе с ребенком оправили и его домашнюю игрушку, возможно, говорило о некоем раскаянии, которое почувствовал преступник.

Носок, привязанный к ручке кресла, прочно засел в память Рино. Иоаким давно вырос из мягких игрушек, но и у него были какие-то вещи-утешители. И несмотря на то, что иногда парень испытывал терпение родителей, Рино ни разу не поднял на него руку. Иоаким все еще оставался ребенком. И хотя дело об останках можно было считать раскрытым, Рино знал, что ему нужно составить полное представление об этой несчастной семье и надеяться, что что-нибудь наведет его на причину, по которой кто-то мог совершить такое чудовищное преступление. Оставить все так было бы, прямо сказать, предательством мальчика.

Тяжелые тучи напоззли с моря и на время стерли из вида крутые горные махины. Без неба и без открытого моря казалось, что поселение съезжилось, Рейне превратился в крошечный кармашек, пристроенный к краешку Лофотенских островов. Все дикое и загадочное исчезло, и Рино, спускаясь к пансионату, вспомнил, что идет по вымирающей рыболовецкой деревушке. Прежде чем войти, он взглянул на свое отражение в одном из окон и решил, что ему пора бы исследовать местный рынок

парикмахерских услуг. Его прическа, промокшая от морозящего дождя, с трудом напоминала привычный маллет^[5].

Он пришел сюда не для того, чтобы навестить тетушку, но прекрасно понимал, что избежать этого не удастся. Поэтому сначала решил покончить с обязательной частью программы. Он услышал ее голос еще до того, как ему показали, как пройти в гостиную. Она сидела в углу, окруженная дряхлыми товарками, и, как понял Рино, их поддерживающие разговор кивки скорее объяснялись проблемами с нервной системой, чем согласием с ее высказываниями. Он подождал, пока она заметит его, и в этот самый момент свита перестала для нее существовать.

— О, Рино, как приятно! — сказала она, пристально разглядывая его руки.

— Зашел поздороваться.

— Как тебе дом? — она не сводила взгляда с его рук.

— Отлично, — соврал он.

— Ты тщательно моешь руки, — она ехидно подморгнула ему. — Пятен краски не видно, — добавила она, поняв, что он не уловил ее мысль.

— Неееет. — он зачем-то тоже оглядел свои руки.

— Я подумала, что ты уже покрасил коридор.

Рино вспомнил. Покраска коридора была первым пунктом списка.

— Я ведь только что заехал, — извиняющимся тоном пояснил он. — Но я починил кухонный стол. Думаю, теперь с ним все будет в порядке.

— Ооо, как здорово! — она по-королевски величественно всплеснула руками. — Весной я вернусь домой.

Но скоро приеду тебя навестить. Так интересно посмотреть, как все изменилось!

Рино осознал, что заключил договор с сатаной.

— Дай мне немного времени, — сказал он и подумал, что ему как можно скорее нужно нанять кого-нибудь рукастого.

— Главное, закончить к Рождеству, — она дружелюбно улыбнулась товаркам, те безразлично посмотрели на нее.

— Мне нужно поговорить с заведующей, — сказал Рино и огляделся. Он насчитал восемь постояльцев, за исключением одного всем им было за восемьдесят.

— Зачем она тебе? — напрямую спросила тетка.

— По работе, — Рино постарался улыбнуться, но не смог выдавить улыбку.

— Мой племянник полицейский, — в этот раз тетка обратилась ко всем обитателям гостиной, хотя реакции при этом также не последовало.

Наиболее сообразительные из постояльцев уже давно приметили его форму.

— Ее зовут Ингрид Эйде, — сказала тетка.

— У нее же есть какой-нибудь кабинет?

— Да, дальше по коридору.

— Попробую ее найти.

— Уже уходишь?

— Я лишь заскочил на минутку. Навещу тебя по-настоящему в следующий раз.

— Заскочил. — тетушка хвастливо взглянула на сидящую рядом женщину, как будто краткий визит, которым ее одарили, был большой редкостью в этом доме.

Рино поспешил вырваться, пока тетушка не нашла новую тему для разговора, и направился в коридор. Медсестра, приветливо улыбаясь, показала ему, как найти кабинет заведующей.

Женщине, которая встала из-за стола и подошла поприветствовать его, было слегка за пятьдесят. Своим крепким телосложением она напоминала восточноевропейскую метательницу ядра. Рука, которую она протянула для рукопожатия, по размеру не уступала руке Рино. Представившись и ответив на обязательные вежливые вопросы о том, как ему нравится в Рейне, инспектор перешел к делу.

— Я ищу сведения о человеке, который умер около пятидесяти лет назад.

— Ой. Для меня это далековато.

— Я подумал, что, возможно, кто-нибудь из ваших постояльцев его знал.

— А как его звали?

— Мужчину звали Стрём, он жил в Винстаде. Он упал со скалы в одну из штормовых ночей в 1963 году.

Женщина — она казалась твердой и строгой, как и полагается заведующей подобным заведением, наморщила лоб.

— Так, кто бы мог вам помочь? Единственный житель Рейнефьорда у нас — Карстен Круг, но он жил в Киркефьорде. Это деревня на другой стороне фьорда.

— Надо в любом случае попробовать.

— Единственная проблема, — заведующая закусила нижнюю губу, — Карстен не совсем в себе, я бы так сказала. Не так уж просто жить, когда тебе за девяносто.

— Но он вменяемый?

— Он периодически уходит в свой мир, но да, мы считаем его дееспособным.

— Могу я с ним переговорить?

— Конечно, мы не имеем ничего против.

Заведующая постаралась улыбнуться, явно давая понять, что все, чего бы они хотели, это чтобы Рино оставил старика в покое.

— Но я бы на вашем месте не ждала многого от этого разговора. Либо он ничего не вспомнит, либо вспомнит то, чего никогда и не было.

— Богатое воображение?

— Бывает по-всякому, знаете ли. Я бы, в любом случае, не очень доверяла тому, что он рассказывает. У нас тут ходит много разных легенд.

Рино представил свою тетюшку и не мог не согласиться с заведующей.

— Буду иметь это в виду, — сказал он.

Заведующая проводила его в одну из палат, на двери которой висела написанная от руки табличка с именем ее обитателя. Постоянных табличек не было. Очевидно, постояльцы менялись довольно часто. Карстен Круг сидел в старом кресле. Видимо, мебель перевезли сюда вместе с обитателем палаты. В свои лучшие годы Круг, очевидно, весил около девяноста килограммов, но сейчас в нем было не больше шестидесяти. Руки толщиной не превышали колбаску для жарки, рубашка висела на теле, как плащ-палатка. Заведующая прошептала что-то на ухо старику, Круг вытянул шею и посмотрел на посетителя. Она ласково провела рукой по щеке мужчины, поправила ему рубашку и вышла из палаты.

Рино протянул руку для приветствия, Круг ответил слабым пожатием. Взгляд отрешенный и невидящий, рот приоткрыт.

— Вы жили в Киркефьорде? — спросил Рино, присаживаясь в другое кресло.

Круг поклонился.

— И выросли там, да?

Снова поклон, свидетельствующий о глубоком уважении к авторитету властей.

Рино снял куртку, надеясь, что так будет не видно полицейского значка.

— Вы помните Стрёма из Винстада?

Лицо по-прежнему ничего не выражало.

— У него было два сына. Один на инвалидной коляске.

Старик медленно кивнул, но Рино был не совсем уверен, значило ли это, что тот его понял.

— Он упал со скалы и разбился.

Снова кивок.

— Вы помните этого мужчину?

Несколько секунд старик молчал, потом облизал кончиком языка пересохшие губы.

— Стрём?

Голос был хриплым. Очевидно, после осенней простуды в легком и горле еще скапливалась мокрота.

— Да, Стрём.

— Да.

Это прозвучало вполне убедительно, Рино ждал продолжения.

— Вы его родственник?

— Нет, — Рино улыбнулся. Круг явно не собирался противодействовать представителю закона.

— Его у нас все знали.

— Да, я уже понял.

— Алкоголь, — Круг наморщил нос, как будто вспомнив запах плохого самогона. — И драки. Где бы ни была вечеринка, он обязательно там всплывал и устраивал побоище.

— У него было два сына, — Рино попытался направить разговор в нужное ему русло.

Старик отрешенно смотрел в потолок. Возможно, перед его глазами все еще стояли картинки деревенских праздников прошлого.

— Вы их помните? Один был болен, сидел в инвалидном кресле.

— Кресло, да. Помню.

— Его звали Руаль.

— Руалы...

— А его брата — Оддвар. Около года разницы.

— Боа?

— Оддвар, — Рино попробовал снова.

— Если мы говорим о сыне Элдара Стрёма, все звали его Боа.

— Как мне рассказывали, тот еще сорванец?

Круг перевел на инспектора заинтересованный взгляд.

— Боа был подонком.

— Вы его помните?

Старик кивнул.

— Шастал везде. И в Киркефьорде тоже. У меня была маленькая ферма, — Круг снова наморщил нос. — Однажды утром все двери оказались нараспашку, все загоны открыты. Коровы умные, они стояли на месте, а вот за овцами мне пришлось побегать.

— Это сделал он?
— Так говорили.
— Но он не признался?
— Признался, он этим и промышлял. Где бы он ни появлялся, тут же всплывала какая-нибудь дьявольщина.
— Вы с отцом пытались поговорить?
— Другие, еще до меня, пытались. Ему было плевать.
— Этот Боа пропал за несколько недель до той штормовой ночи, когда погиб отец.
— Пропал? — Круг был искренне удивлен.
— Так говорят.
— Он шастал повсюду. Наверняка промышлял каким-нибудь очередным воровством.
— Вы что-нибудь помните о той ночи?
— По ночам часто штормит, — Круг одернул рубашку. — Живешь в Киркефьорде, привыкай к непогоде.
— Мальчик в инвалидном кресле тоже погиб в эту ночь.
Старик снова оживился.
— Я помню, — сказал он. — Он скатился в море и утонул.
У Рино были другие сведения, но он решил оставить Кругу ту версию истории, с которой он прожил больше пятидесяти лет.
— Да. Но его брат — этот Боа — он так и не появился.
— Правда?
Рино снова удивился тому, что исчезновение мальчика не вызвало никаких разговоров или слухов:
— Да, Руаля так и не нашли, Оддвар навсегда исчез.
— Думаю, никто о нем особо не скучал. О Боа. Может быть. Люди, очевидно, подустали от этого хулигана.
— Вы знаете что-нибудь о том, что отец жестоко обращался с сыновьями?
Круг снова облизал губы.
— Пожалуй, так.
— Мне говорили, что особенно тяжело приходилось Руалю. Кто-то даже утверждает, что именно из-за этого мальчик оказался в инвалидной коляске, из-за многолетних избиений со стороны отца.
— Когда речь идет об этом отребье, я ничему не удивляюсь.
— Но точно вы не знаете?
Круг протянул руку и поднял ко рту пустой стакан.
— Попросите Йориль принести мне воды, пожалуйста.

— Медсестру?

— Золотые волосы. Йориль хорошая, — голос задрожал.

— Сейчас.

Рино нашел первую попавшуюся медсестру, судя по цвету волос, это была именно Йориль. Старик осторожно сделал два глотка, а затем продолжил.

— Люди говорили, да. Что он бил мальчиков. Боа точно этого заслуживал, но избивать калеку...

Крог взглянул на свое инвалидное кресло, стоявшее между кроватью и шкафом.

— Да, я помню. Люди в Винстаде говорили, что отец жестоко обращался с мальчиком. Вы говорите, его тело так и не нашли?

На глазах старика появилась пелена.

— Унесло течением, — соврал Рино, подумав, что от правды сейчас толку не будет. Рано или поздно она все равно всплывет.

— Это точно сделал Боа.

— Сделал что?

— Убил их.

— Почему вы так решили?

— Если бы вы его знали, вы бы тоже так думали.

Рино проголодался и выбрал самый простой вариант: заправка. Как обычно, заходя в магазин или на заправку, он проглядел стойку с компакт-дисками. Краем глаза он заметил, как оживилась продавщица, увидев его. Неудивительно, что он ей понравился. Рино всегда привлекал внимание, бывшая жена гордилась этим, но и ругалась. Инспектор взглянул на свои сабо и решил, что пришло время от них избавиться. Деревянные ботинки годятся только для голландцев. Он разыскал сборник классиков тяжелого рока в новой обработке и со скидкой. Большинство из этих песен были у него в оригинале еще на кассетах, но так как ничто другое из предложенного не годилось восьмидесятым и в подметки, подошло и это.

— И бургер, — сказал он, положив диск на прилавок.

— Придерживаетесь буквы Б?

— В смысле?

— Три Б. Помните?

Она улыбнулась, как будто у них была общая приятная тайна.

— В этот раз чистое совпадение.

— Булка пшеничная или ржаная? — она подчеркнула звук «б» в слове «булка», очевидно, не уловив, что шутка уже устарела.

— Ладно. Пусть будет ржаная, — скручиваям для прессы нужно было подкрепление.

— Вы живете в Рейне?

Рино понял, что улыбка с прошлого флирта зашла слишком далеко, пожалуй, он нажил себе проблему.

— Да, за поворотом.

— Один?

— Один, пока, — Рино тут же понял, что ответ прозвучал двусмысленно, а по выражению ее лица увидел, что она истолковала его наихудшим образом.

— Может стать одиноко, — продавщица чуть не проглотила бургер, передавая его Рино. — С вас ровно 120 крон.

Очевидно, это должно было означать, что она сделала ему большую скидку, но переспросить он не решился. Он провел карточкой, сделал прощальный жест рукой с бургером и уступил место мальчику в очереди. На всем пути до входной двери он чувствовал спиной ее взгляд, чувствовал его и дальше, спускаясь к причалу.

Рино почти не пользовался своим старым 240-м «Вольво» с тех пор, как приехал сюда. Рейне в общем-то представлял собой разросшуюся деревушку, все было в шаговой доступности — только супермаркет «Кооп» находился на другой стороне бухты. Рино прошел пару сотен метров до участка мимо здания, которое намекало, что когда-то здесь царили князьки. А вот сам участок вовсе не годился для князьков, он находился в подвале одноэтажного здания, но Рино уже чувствовал там себя как дома.

Он снова не обнаружил за письменным столом Фалка. Частичный больничный явно доходил до стопроцентного. Рино сел и взгляделся в рисунок, который Фалк прикрепил к одной из полок. Инспектор все еще считал, что его нарисовал ребенок. Разозлившийся ребенок? Пару лет назад Рино уже расследовал дело, в котором преступник оставлял «визитную карточку» в виде детских рисунков. Поэтому он не собирался отказываться от этой версии. Лицо или, точнее, маску явно нарисовали со всей злостью. Большие черные глаза с кроваво-красными зрачками, гримаса ненависти. И зачем кому-то вешать такой рисунок? И даже если так, зачем вешать его под потолком, почему не на высоте лица?

Чем дальше Рино смотрел на рисунок, тем более неприятным становилось его предчувствие. Не просто так Фалк забрал его с места преступления домой и хранил там столько времени. Он что-то значит. Но тот, кто мог бы это объяснить, был обожжен до неузнаваемости и не мог донести свою мысль.

И тут Рино вспомнил. Пострадавший был постояльцем пансионата. То есть в результате несчастного случая он был травмирован дважды, так как теперь ему приходилось соседствовать с тетушкой.

Взглянув на часы, Рино понял, что до конца рабочего дня осталось всего пятнадцать минут. Он набрал номер телефона администрации муниципалитета Москенес и попросил соединить его с начальником пожарной охраны, хотя, очевидно, дойти до здания администрации было бы намного быстрее. Пара минут ожидания, и трубку взял Астор Виик. По голосу было слышно, что дым пожарного не пощадил. Либо в Рейне частенько что-нибудь горит, либо Виик — заядлый курильщик.

— Я и сам все думаю о том происшествии, — сказал Виик после того, как Рино представился и объяснил ход своих мыслей.

— Почему?

— Сам не знаю. Газонокосилку проверили, но причину взрыва так и не установили. По словам производителя, раньше такого никогда не происходило. Они, кстати, тоже попросили разрешения осмотреть косилку после того, как наши люди закончат работу. Они настаивали на том, что взрыв произошел снаружи, но, конечно, они смотрят на это дело через призму денег, так что нельзя ничего утверждать.

— Мог ли этот несчастный случай быть подстроен?

— Мог ли, мог ли. Нет, не думаю. Если кто-то хотел сделать что-то плохое этому мужику, существуют гораздо более простые варианты. Думаю, он неосторожно обращался с бензином и открытым огнем, вот и все. Меня удивляют масштабы повреждений. Ведь несчастный, насколько я знаю, оказался прикован к постели.

— Видимо, взрыв был сильнейший.

— Вот это меня и смущает. В газонокосилку влезает не больше литра бензина, но взорвалась еще и канистра, так что мы говорим в целом о шести литрах. От такого возникнет приличный костер.

— Но с вашей стороны дело закрыто?

— Закрыто, да, но не в моей голове. Как будто бы здесь, ой, не знаю.

— Как будто бы что?

— Я служу пожарным больше двадцати лет, знаю свое дело хорошо. Я уверен, что провел тщательное расследование там, в гараже, в тот день, но что-то с этим происшествием определенно не так.

Рино встретился взглядом с кроваво-красными зрачками маски. *Что-то здесь определенно не так.*

Глава 17

Ольга не отличалась терпением. А может быть, наоборот, именно им-то она и отличалась, потому что продолжала настаивать на общении, несмотря на безразличие с его стороны. Каждый день она отправляла ему новое письмо, хотя еще не получила ответ на предыдущее. По правде говоря, для него дни слились в один.

Фалк отбросил воспоминания об отце на много лет, загнал их на самое дно памяти, но мальчик с переломанными пальцами оживил этот образ, и ненависть загорелась с новой силой. Где-то в центре этой ненависти усилилась тоска по Кристине, и каждый раз, открывая письмо от своей интернет-знакомой, Бергер чувствовал, что предает свою почившую жену.

Ольга хотела напомнить о путешествии в Сволвер, и еще она снова приложила свою фотографию. Не помогло. Она по-прежнему выглядела уверенной в себе, жесткой, в ней не было мягкости Кристины, она оставалась той, кого он никогда не полюбит. Фалк выключил компьютер и массирует виски до тех пор, пока в глазах не потемнело. Пока он сидел так, склонив голову, а образ Ольги медленно таял в воздухе, воспоминания о том дне предстали перед ним.

Рейнефьорд, 1961 год. Несмотря на то что их разделял фьорд, дикаря прекрасно было видно. Он медленно прогуливался по причалу, словно подыскивая новую подходящую жертву. Когда его взгляд остановился на мальчике из Теннеса, фьорд будто бы вздрогнул. В глубине души Бергер знал. Однажды он придет за ним. Между ними протянулась телепатическая нить, и без слов стало понятно, что охотник выбрал свою жертву, начался гон. Все чаще тот, второй, усаживался на краю причала и пристально смотрел на мальчика. Берегись. Я скоро приду. Так и вышло.

Глава 18

Рука зажимала ему рот всего несколько секунд, затем его мягко отпустили. Лишь после того, как посетитель ушел, он понял, что означало это действие. Заикание. Слова, разбитые на кусочки, а причиной всему тот самый мальчик из прошлого. Последний привет. И «здравствуй!» Снова подступили слезы. Если бы гость не убрал руку, все было бы кончено. Никакого больше яда, нечеловеческой боли, лишь вечный беззаботный сон. Он хотел этого, как никогда.

К счастью, утренними процедурами занималась Йориль. Она была мягче и осторожнее, чем обычно. Она ухаживала за ним, как за ребенком, со всей заботой и участием. Это придавало ему сил. Ради Йориль, которая раз за разом повторяла, что готова помочь ему воспользоваться компьютером, стоило жить. Он уже почти поверил, что сообщение об изменении графика дежурств было лишь пустой угрозой, как вдруг Йориль срочно вызвали к заведующей, она даже не успела закончить утренние процедуры. Через полминуты дверь снова открылась, запах подсказал ему, кто пришел.

Дьявол.

Он ждал, что Йориль вернется, хотя бы чтобы извиниться за то, что ее отозвали с дежурства, но она так и не появилась, на нее это было не похоже. Так что пришло время Дьявола.

При каждом движении, добровольном ли или возникающем по воле Дьявола, он чувствовал, как кожу вращают или растягивают до предела. Она проводила процедуры холодными механическими движениями, ее безразличие даже несколько удивляло его. Наслаждалась ли она контрастом между добром и злом? Дать надежду, чтобы тут же разбить ее. Он попытался наострить все органы чувств, уловить сигналы, которые все еще были его слабыми проводниками во внешний мир, но ничего не получалось. Иногда ему казалось, что походка Дьявола становилась легче, а иногда — что шаги тяжелели, как будто она тащила громадный рюкзак на спине. И он понял, что остатки чувствительности медленно исчезают.

Глава 19

Дом тетушки дышал старостью. Часы с ходиками и стихи в рамках на стенах, втиснутые между вышитыми копиями знаменитых пейзажей. Всевозможные безделушки и сувениры — абсолютная безвкусица, к тому же казалось, что даже стены и мебель с годами впитали в себя запах тетушки и теперь щедро делились им с теми, кто входил в дом. Мало того, списки дел, развешанные на уровне глаз на дверях и стенах, постоянно напоминали Рино, что покоя ему не будет.

Как только он уселся на старую повидавшую виды софу, твердую как асфальт под тончайшим покрывалом, раздался звук пришедшего на телефон сообщения. Номер был незнакомый, но автор сообщил свое имя и место работы, а так как в Рейне была только одна заправка, все сразу же стало понятно. Рино приглашали на экскурсию — осмотреть Берег, Буйки и Баркасы, буква Б была выделена. Он отбросил телефон и выругался. Когда же он выучит свой урок! Флирт был всего лишь его способом проявить дружелюбие, не более. Лишь пробный шар, посмотреть, что будет дальше. Но он и женщина с заправки?! Ну уж нет!

Рино встал и сорвал со стены один из списков тетушки. Сразу же полегчало. Он перечитал сообщение, понял, что не может оставить его без ответа. Ответ он обдумывал долго, несколько раз исправлял и стирал, пока не был абсолютно им доволен. Получилось твердое «да»... в другой раз. Он рассердился на самого себя за необдуманый поступок, но решил, что в следующий раз будет умнее. Всего через несколько секунд после того, как он отправил сообщение, из телефона раздался классический хит AC/DC^[6]. Снова обругав себя за шарм, применяемый к месту и не к месту, Рино неохотно взял трубку. К счастью, звонили из пансионата.

— Это вы заходили к Карстену Крогу сегодня днем? — спросила медсестра, представившись.

— Так точно.

— Понимаете, он настаивает на том, что ему нужно срочно с вами поговорить. Я пыталась объяснить, что рабочий день закончен, но.

— Без проблем. Он хочет, чтобы я приехал прямо сейчас?

— Последний час он только об этом и говорит. Мы бы никогда не побеспокоили вас в свободное время.

Рино взглянул на скомканный список, лежавший на полу. Со свободным временем в последнее время напряженка.

— Буду через пять минут, — сказал он.

Как только Рино открыл дверь в палату, он сразу же встретился взглядом со стариком. Было видно, что тому не терпится что-то рассказать.

— Вы хотели чем-то поделиться? — сказал Рино, присаживаясь.

Прошло несколько секунд, прежде чем Круг ответил.

— Да, — сказал он. — Про Боа.

— Что же?

— Боа однажды чуть не убил одного паренька.

— Кого?

Старик покачал головой.

— Ровесника.

— Что случилось?

— Это было дьявольское отродье до мозга костей.

Это Рино уже успел понять.

— И был один парень, он плохо говорил.

— Заика?

— Да, именно, — Круг вытер слюну в углу рта. — Ходили слухи, что сначала все было не так уж и плохо. ну, заикание. Но Боа преследовал его повсюду, приставал и издевался, и в конце концов тот совсем онемел.

— Но ему помогли? — спросил Рино.

Круг снова покачал головой.

— То есть он никогда больше не заговорил?

— Никогда.

Рино не ждал ничего особенного от рассказа старика, и эта новость его поразила.

— Над ним все время потешались. Знаете, всегда найдется тот, кто воспользуется чужими недостатками.

— То есть в заикании виноват Боа?

— Мальчишка немного заикался с самого начала, но именно из-за Боа он стал практически немым.

— Этот, заика, он еще жив?

Круг, казалось, задумался на какое-то время, а потом кивнул.

— Последний раз, когда я о нем слышал, он был жив.

— Если он ровесник Боа, то сейчас ему около шестидесяти?

Круг молча согласился.

Рино не мог предположить, сыграет ли эта история какую-нибудь роль в расследовании. Если брата и отца убил именно Боа, который потом бесследно исчез, то будет совершенно невозможно его разыскать. Пятьдесят лет — это долго. Слишком долго. И даже если Боа издевался над

ровесником в свое время, по сравнению с тем, в чем его подозревали, это была лишь незначительная деталь.

— Спасибо, что рассказали, — Рино постарался скрыть свое разочарование. — Пожалуй, я с ним поговорю.

И тут же услышал, как глупо это прозвучало. Ведь Круг только что объяснил, что мужчина всю свою взрослую жизнь был немым.

— Я вот еще подумал, когда вы уехали, — Круг сделал паузу, тяжело и шумно дыша. — Кое-что, что Аслак. он давно умер. — Взмах рукой, чтобы подчеркнуть, что этот самый Аслак давным-давно отошел к праотцам. — Однажды он кое-что сказал. Он жил в Винстаде. Такой упрямец, отказался переезжать, пока его в прямом смысле слова не вывезли оттуда вперед ногами. Ну, так вот, однажды он упомянул о женщине, которая приезжала в Винстад и спрашивала об обстоятельствах смерти Стрёмов. Ему это показалось странным. Никто много лет не вспоминал об Элдаре Стрёме и его детях, а тут вдруг появляется эта женщина и начинает раскапывать, что произошло.

— Он не говорил, кто она такая?

Круг покачала головой.

— Не помню.

— Странно.

— Как и то, что вы сегодня здесь.

Старик явно потратил все свои силы, поэтому Рино поблагодарил за информацию и попрощался. Он уже почти принял решение, что с заикой можно будет разобраться попозже, как напоролся в коридоре на одну из медсестер. Это была та же женщина, которую он встретил днем, и Рино, не сдержавшись, спросил, не знает ли она мужчину, который сначала заикался, а потом онемел.

— Вы о Шуре Симскаре?

Рино пожал плечами.

— А что, у вас тут много заик?

— Должно быть, о Шуре. Так жаль его, — лицо медсестры стало печальным. Возможно, она думала, что в ее профессиональные обязанности входит сочувствие всем и вся. — Кстати, он был здесь сегодня утром.

— Здесь, в пансионате?

— Я никогда раньше его здесь не видела, мне кажется, он был тут впервые. Он навещал Героя, нашего самого тяжелого постояльца, у него обширные ожоги.

Впервые за сегодняшний день Рино почувствовал предвкушение. Он

принципиально не верил в совпадения.

— Странная, должно быть, это была встреча, — медсестра грустно улыбнулась. — Ведь ни один из них не может говорить. Насколько я поняла, он пробыл здесь не больше пяти минут. Они, видимо, старые знакомые.

— Этот Симскар живет где-то поблизости?

— В Боллхаугене. Сразу над проливом.

То есть дойти туда можно всего за четверть часа.

— А этот Герой, как вы его называете, — в голове у Рино возникла ассоциация с лошадью одного из героев старого комикса, который он иногда почитывал. — Он в состоянии как-то общаться?

— У него обожжено все тело. Изредка нам удается получить ответы на наши вопросы, чаще всего в форме кивка или поднятого пальца. Но обычно он лежит неподвижно, как будто и вовсе не хочет или не может общаться с нами.

В голове у Рино всплыли слова начальника пожарной инспекции. *С этим происшествием что-то определенно не так.*

— А можно мне взглянуть на него на минутку? Мы как раз заканчиваем отчет о происшествии. Рино солгал, но медсестру такое объяснение вполне устроило, она указала инспектору на палату напротив.

— Думаю, он спит, — прошептала она, прижимая палец ко рту и открывая дверь.

В комнате царил полумрак, свет лишь слегка проглядывал из-за закрытых штор. Рино сразу же обратил внимание на запах — смесь духов и дезинфицирующих средств. Он мог различить лишь контуры того, кто лежал на кровати. С того места, где он стоял, лицо пациента казалось наполовину стертым, похожим на маску забальзамированных фараонов. Дверь закрылась, он остался наедине с обитателем палаты. Запах усилился. Врываться вот так в чужой дом было крайне неприятно, и все же Рино подошел поближе к кровати. Слабый шуршащий звук подсказал ему, что пострадавший спит. Инспектор знал, что мужчина был сильно обожжен, однако на деле увечья, вызванные взрывом газонокосилки и нескольких литров бензина, оказались намного хуже, чем он себе представлял. Вместо глаз остались лишь застывшие после пламени ямы. От ушей сохранились только кусочки хрящей и кожи, а нос. Рино затошнило, он отвернулся. Замерев от отвращения, инспектор почувствовал какое-то движение за своей спиной. Он одолел рвотный инстинкт и обернулся. Пострадавший был все так же неподвижен. Может быть, он просто вздрогнул во сне? Или все же заметил, что в палате кто-то есть? Рино медленно отошел от

кровати. Возможно, из-за недостатка освещения инспектор не мог отделаться от мысли, что обожженное лицо напоминало ему маску. Не хватало только кроваво-красных зрачков.

Глава 20

Бергер Фалк завязывал шнурки, стоя на лестнице. Он задумал сходить на работу, помочь новому инспектору, которого явно заинтересовало дело о найденных останках. Дело, конечно, выеденного яйца не стоит: погибший был мальчиком на инвалидном кресле, который вовсе не утонул, как все вокруг думали на протяжении этих десятилетий. Известно же, что отец его избивал, видимо, однажды он перестарался и, чтобы скрыть свое преступление, сбросил кресло в море. Отцы-садисты зачастую мастера прятать свои злодеяния. Даже в слепой ярости внутренний голос шепчет им, что нужно бить только там, где синяков не будет видно. И при всех обстоятельствах они внимательно следят за тем, чтобы казаться любящими и заботливыми.

При мысли об отце, который на людях всегда мило улыбался и по-дружески похлопывал его по плечу, Фалк изо всех сил потянул за шнурки. И в этот миг, склонившись над левым ботинком, он отчетливо увидел перед собой мальчика. Фалк моргнул, стараясь избавиться от видения, но вместо металлической лестницы и мисок с засохшим кошачьим кормом он увидел самого себя, сидящего на бетонных ступеньках. Сквозь зеленоватый отсвет он разглядел мальчишку, тот стоял к нему вполборота и с ухмылкой наблюдал за ним через плечо.

Фалк все так же стоял, пытаясь вспомнить все детали. Он сидел на ступеньках, пристально наблюдая, как тот, другой, идет по тропинке от дома, возле которого он сидел. Мальчик улыбнулся ему, хотя друзьями они никогда не были. Где же это было? Фалк зашел в дом, отыскал фотоальбом размером с газету, куда он клеивал черно-белые фотографии из прошлого. Какие-то родственники, умершие еще до его рождения, а вот — маленький Бергер. Фалк внимательно перелистывал альбом, и наконец на одной из последних страниц увидел ту самую лестницу из видения. Дверь была распахнута настежь, а вела она в землю обетованную всех детишек в Рейне — в продуктовую лавку. Постепенно все всплывало в памяти. Отец в очередной попытке откупиться от своей совести дал ему какую-то мелочь. Он заполучил ложку с жженым сахаром и, хотя в карманах теперь было почти пусто, чувствовал себя богачом, потому что у него были те самые кристально-коричневые бриллианты, на которые он часами любовался в витрине магазина. К тому же в этот раз денег хватило на кое-что еще. Он купил бутылку колы! Маленькую бутылочку из зеленого стекла. Он

отпивал из нее раз за разом и через стекло видел взгляд другого мальчика. Удивительно, но он был счастлив, что тот обратил на него внимание. Несмотря на то, что произошло пару лет назад.

Глава 21

Наконец он сделал то, о чем мама просила его все эти годы: бросил вызов своему страху. Но все прошло совсем не так, как он себе представлял. Ведь у того, кто лежал в постели, не было глаз, в которые можно было бы взглянуть. И нельзя было убедиться, раскаивается он или нет. Но все-таки в каждом тяжелом вздохе обожженного он почувствовал мольбу о прощении. Ну, хоть что-то.

Шур вышел из палаты опустошенный и теперь сидел на кухне и размышлял, что, в общем-то, никогда ему особо не давалось. Он избавился от страха? Или нет? Шур взглянул в окно и сразу же заметил фигуру, которая повернула на тропинку к дому. Еще через пару секунд он понял, что человек одет в полицейскую форму.

Он рванул в коридор и на секунду замер в панике. Затем открыл дверь в спальню матери. Мельком попрощался с ней, и лишь через полминуты, спрыгнув в траву позади дома, осознал, что попрощался навсегда. Он никогда больше не увидит свою маму. И тогда он понял, что только что произнес последнее слово в своей жизни.

Глава 22

Рино решил идти вдоль бухты, дорога там прорезалась сквозь отвесные скалы грубой горизонтальной царапиной. Скромная растительность цеплялась за склон, ведущий к морю, туда, где влажный мох покрывал суровые валуны. Здесь находились дома и заброшенные пристани. Хватило бы самого небольшого оползня с горного хребта, обрамлявшего строения, чтобы стереть их все с лица земли.

Рино пытался закрыться от усилившегося ветра, напоминавшего о неминуемо приближавшейся зиме. Навстречу инспектору от одной из пристаней осторожными шагами шел старик, и Рино вдруг понял, что Рейне — сообщество пожилых, и деревня вымрет, как только сегодняшние старики покинут этот мир. Инспектор спросил, где живет Шур Симскар, старик показал рукой и подробно объяснил, как туда пройти.

Рино свернул налево и стал пробираться к заброшенной грунтовой дороге. Большинство домов были очень старыми, многие давно покинуты. И вот прямо у подножия горы, там, где еще оставались следы древних селей, он увидел развалюху, обшитую старым сайдингом.

Плотная стена зарослей покрывала то, что, как понял Рино, когда-то было оградой. Возле лестницы стояли ржавые сани, а разбросанные повсюду пластиковые пакеты и другой мусор заранее намекали на то, что именно ожидает посетителя внутри этих стен. Возможно, именно поэтому, поднимаясь по лестнице, Рино уловил какой-то неприятный запах. Ни звонка, ни вывески. Через дверное окошко можно было бы заглянуть внутрь, вот только снаружи оно заросло чем-то склизким, а изнутри было закрыто занавеской. Рино на всякий случай постучал, а затем попытался открыть дверь. Сначала она немного застряла, но после осторожного толчка поддалась. Тот запах, который снаружи казался едва заметным, теперь обрушился на инспектора со всей мощью. Рино показалось, что он нырнул прямо в яму с гнильем. Похоже, Шур Симскар жил в куче мусора.

Рино постучал и в следующую дверь, но не стал ждать и сразу же вошел. Обстановка была похожа на тетушкину, в стиле предыдущего поколения, но, в отличие от дома тетки, здесь царил полнейший хаос. Стопки газет и журналов, груды пластмассовых ведер, в которых когда-то держали варенье, валялись на полках и на полу. Кто-то явно предпочитал только один вид начинки для сэндвичей. Рино крикнул: «Есть кто-нибудь дома?», но ответа не последовало. На кухне срочно требовалась уборка,

здесь тоже валялись груды пластмассовых баночек. Но откуда же этот запах? Рино уже почти привык к нему, запах ослаб, но подташнивало все так же. Рино постучал в стену, пытаясь установить контакт с Симскарром, но никто не ответил. Дверь была не заперта, значит, он был где-то рядом.

Может быть, спрятался? А может, заметил в окно человека в полицейской форме и решил, что новый инспектор не знал о его проблемах с речью?

— Я знаю, что вам трудно говорить. Все в порядке! — прокричал Рино и услышал, как его голос эхом отразился и на чердаке, и в подвале. Он замер, но единственное, что было слышно, это тихое бурчание холодильника.

Рино прошел в гостиную. В разохшемся полу зияла глубокая трещина, горсть засохших мух валялась на подоконнике. Повсюду лежали стопки журналов. Он снова вышел в коридор и постучал в первую из двух дверей. Подождал пять минут, прежде чем открыть ее. Простая спальня с незаправленной кроватью. Ему показалось, что запах усилился, в постельном белье он заметил копошащихся насекомых. Еще до того, как постучаться во вторую комнату, Рино понял, что запах шел именно оттуда. Не успел он полностью распахнуть дверь, как вонь ударила ему в нос, отвратительная, невыносимая вонь. Он наклонил голову и попытался вдохнуть, казалось, будто плотная масса заполнила легкие. То, что он увидел, решившись наконец поднять взгляд, сгодились бы для самого жуткого фильма ужасов.

Глава 23

Ветер с трудом протискивался сквозь скалы и обретал свою полную силу на открытой местности. Он подгонял бушующее море, осыпал моросью пенящиеся волны, заставлял тяжело подпрыгивать привязанные к причалам лодки.

«Северо-западный вихрь» — сказал кто-то из стариков, когда Рино во второй раз поднимался к дому Шура Симскара. Он мог бы отвернуться от ветра, но вместо этого, наоборот, подставил лицо под него, раскрыл нос и рот шторму, надеясь, что выветрится все еще ощущавшаяся вонь, от которой померкли все самые ужасные впечатления. Рино понадобилось несколько секунд, чтобы осознать, что именно он видит перед собой. И только после этого его накрыла тошнота.

Рино не был экспертом в вопросе разложения трупов, не захороненных в земле, но все-таки понял, что тот, кто лежит на постели, был мертв очень давно. Он сдержал приступ рвоты и сплюнул по ветру.

— И никто ничего не заподозрил, — сказал он.

Фалк стоял рядом, руки в боки, как турист, остановившийся полюбоваться пейзажем.

— Она редко выходила из дома, — тихо сказал он.

— Вряд ли кто-то к нему заходил. Я почувствовал запах еще до того, как открыл дверь.

— С Шуром никто не общается.

— Из-за заикания?

Фалк кивнул.

— Но кто-то же знал его мать. Кто-то должен был заметить, что общение прервалось.

Фалк потупил взгляд, возможно, он чувствовал себя виноватым в том, что упустил смерть этой женщины.

— Она была старой, очень старой. Те, с кем она общалась, сами давно умерли.

Возможно.

В этот момент из дома на лестницу вышел фельдшер скорой помощи. Он перегнулся через перила, и его несколько раз стошнило, потом он снова вошел в дом. Затем появился единственный врач в Рейне, датчанин с непомерно высокой зарплатой, чье присутствие здесь объяснялось нежеланием норвежских врачей вести частную практику в вымирающих

прибрежных поселениях. Его нос и рот закрывал плотный шарф, он снял его, только приблизившись к полицейским.

— Вы можете предположить, как давно она мертва?

Худой низкорослый врач покачал головой:

— Еще снег лежал.

То есть не меньше полугода. Сын, конечно, постепенно привыкал к запаху, но все-таки в какой-то момент это должно было стать невыносимым. И все же он оставил ее дома, никому не сообщил о ее смерти.

— Может быть, он никому ничего не сказал, потому что заикается?

Фалк пригладил редкую шевелюру.

— Он общается записками.

— Или дело в пенсии? Он далеко не первый, кто посягает на пособия умерших родственников.

— Мы, конечно, проведем вскрытие, — врач повернулся к дому, к дверям аккуратно подъезжала машина скорой помощи. Затем вынесли носилки. Останки хорошо прикрыли, но лица фельдшеров выражали сильнейшее потрясение.

— Как я уже сказал, она мертва уже очень давно, — врач попрощался и сел в единственный в Рейне «Рэндж Ровер».

— Вы говорите, он общается записками.

Фалк кивнул.

— По крайней мере раньше так делал. В магазине, на почте. Большинство местных знают о его проблеме и стараются не мучить его.

— То есть, когда я буду с ним разговаривать, он будет писать мне в ответ?

Фалк пожал плечами.

— Скорее всего.

— Есть какие-нибудь мысли о том, где он может быть?

Фалк посмотрел на необъятный горный хребет и покачал головой.

— Мало знакомых?

— Пожалуй, слишком мало.

— Но ведь рано или поздно ему понадобится попасть домой.

Рино пытался пристроить на место челку, которой играл все усиливавшийся ветер.

— Нужно открыть все окна. При таком ветрище дом быстро продует.

Запах плотной пеленой окутал их, как только они ступили в коридор, Рино сосредоточился на том, чтобы дышать через рот. Окно в спальне уже было распахнуто, поэтому Рино открыл все другие окна и позволил северо-

западному ветру привольно разгуливать по комнатам. Старые оконные петли гудели, а грязные шторы развевались как флаги.

— Осмотрите чердак, а я займусь подвалом.

Фалк находился в центре гостиной и вообще-то давно мог спуститься в подвал.

Наверх и вниз вела одна и та же лестница, так что Рино пришлось пригибаться, чтобы не удариться о верхние ступеньки. На маленьких полках стояли ряды старых банок с вареньем, погребенных под пылью и паутиной. Полоска света освещала подвал. Спустившись, Рино увидел, что источником света была распахнутая дверь.

В подвале не было ни перегородок, ни мебели, только холодные голые стены вокруг груды мусора. Рино направился к двери из подвала, из-за сильного сквозняка запах немного ослаб. Очевидно, Симскар удрал именно этим путем, затем пробрался к подножию гор и где-то спрятался. Потом он поймет, что побег был необдуманным поступком, и постарается проникнуть домой. Попытаться его разыскать абсолютно безнадежно, к тому же все в доме указывало на то, что обнаруженное тело — объект личной трагедии, а не преступления.

В то же время подсознание упорно посылало тревожные сигналы. Симскар, жертва многолетних издевательств, зачем-то навестил обожженного, хотя ни один из них не мог произнести ни слова. Кроме того, как будто было недостаточно только этого, в несчастном случае с газонокосилкой явно прослеживались черты преднамеренного преступления. И вот теперь еще труп, по всей видимости, матери Симскара, пролежавший в доме несколько месяцев. Неудивительно, что Симскар сбежал. У него земля под ногами горела.

Когда Рино поднялся обратно в гостиную, Фалк стоял и отрешенно смотрел на горы банок от варенья.

— Нашли что-нибудь? — спросил инспектор.

— Грязь и хлам.

— И вы понятия не имеете, где он мог спрятаться?

— Он ночной бродяга. Люди постоянно видят его на улицах после наступления темноты.

— Вы знаете, что он знаком с пострадавшим при пожаре?

— С Овесеном?

— Его так зовут?

— Сигурд Овесен.

— Симскар навещал его сегодня утром в пансионате.

Взгляд Фалка выражал искреннее удивление.

- Шур был в пансионате?
- Так утверждает одна из медсестер.
- Шур сторонится людей.
- И тем не менее, он там появился с запиской в руке.

Прищурившись, Фалк рассматривал настенный календарь, на котором была отмечена дата пару недель назад.

- Шур вряд ли сделал бы что-то подобное без острой необходимости.

Рино поразила одна мысль. Зажав рукой рот, он вошел в комнату, где скончалась мать Симскара. Матрас пожелтел от многомесячного разложения, к своему ужасу, Рино даже заметил какие-то останки. Он подавил рвотный рефлекс и направился к комоду. Аккуратно сложенное белье лежало в верхних ящиках. В нижнем опрятными стопками располагались вышитые скатерти, а в углу — газетные вырезки. Инспектор достал верхнюю: газета «Лофотенпостен» от 13 апреля. Пожар в гараже. Не главной новостью, кризис в рыболовной отрасли считался важнее. Еще одна вырезка — следующий день. До редакции наконец дошел масштаб происшествия, поэтому большая часть страницы посвящена именно случившейся трагедии. Рино насчитал восемь вырезок, включая три из газеты «Лофот-Тиденде» и одну из «Ависа Нурланд». Без сомнения, Симскар интересовался пожаром, и Рино догадывался, почему именно.

Глава 24

Он чувствовал, как кислота разрушает его. От каждого вдоха легкие пронзала колющая боль, постоянно ноющие почки изо всех сил пытались отфильтровать отходы. Живот сводило спазмами, температура скакала, пару раз медсестры упоминали о кале с кровью. Раньше он метался между надеждой и отчаяньем, но после неудавшейся попытки отправить письмо единственное, о чем он мечтал, — умереть поскорее.

Он все еще надеялся, что Йоар придет к нему на помощь, замирал при звуке тяжелых шагов в коридоре, но в глубине души знал, что впереди его ждет только неминуемый конец. Время на исходе.

Дни после несчастного случая тянулись очень медленно, но в этот раз вечер наступил неожиданно быстро, как будто в преддверии конца время ускорило. Почувствовав знакомый запах духов, он позволил надежде воспарить. Он кожей ощущал ее присутствие, физически чувствовал, как она наклонилась над ним. Угадав приближение ее руки, он изо всех сил сжал губы, твердо решив не позволить ей их разомкнуть. Проходили секунды, а она ничего не предпринимала, и он понял, что она решила взять его измором, подождать, когда у него кончатся силы. Ну тогда ей придется ждать долго, потому что он решил бороться до последнего вдоха. Но Дьявол проявила изобретательность, боль настигла его с невероятной силой. От невыносимого шока он хотел вырваться из скорлупы, которая держала его на этой земле, сбросить с себя кожу и убежать в ночь, но все, на что он был способен, это свернуться в клубок от спазмов. Она вставила трубку в нос, чтобы кислота смогла проесть себе путь к его мозгу.

Глава 25

Рино знал, что ему не стоило соглашаться: не было ни времени, ни желания. Но приглашение его ошеломило, и, так и не сумев придумать какого-либо достоверного оправдания, он все-таки пошел на коротенький пикник. Рино решил дать женщине с заправки час, хотя, судя по заготовленным продуктам, она явно рассчитывала продлить удовольствие. Они поехали на остров Хамней, который раньше был ключевым пунктом в паромном сообщении с Рейне, теперь же туда можно было добраться всего за пять минут благодаря двум мостам, которые связали деревню с материком.

Она показала дорогу к причалу, недалеко от старой паромной пристани. На разошедшихся досках они расстелили плед. Легкий бриз принес с собой запах водорослей с примесью креозота и дизеля. Рино украдкой взглянул на часы, когда она начала доставать припасы из плетеной корзины, приобретенной, к его опасению, именно для этой поездки.

— Багеты, — она озорно улыбнулась и сделала театральную паузу перед тем, как достать следующий предмет. — Безалкогольная газировка. Я не решилась взять что-нибудь покрепче, ты ведь на работе.

Улыбка стала откровенно флиртующей, когда она выложила перед ним связку бананов. За фруктами последовали разные виды сыров, о которых Рино никогда и не слышал, все они назывались по-французски и начинались на «б». А когда она в конце концов призналась, что ее зовут Бутиль, то рассмеялась абсолютно сумасшедшим смехом, который напомнил Рино о Хелене, вот уже три года являвшейся его бывшей женой.

Они развелись вполне мирно, хотя отношения были далеко не безоблачными. С некоторыми чертами ее характера Рино так и не смирился: потребность все держать под контролем, раздражающая терпимость. Но сидя здесь, среди тщательно отобранных продуктов для пикника, Рино вопреки собственному желанию признал, что эти особенности Хелены были совсем незначительными. И все-таки, подумав о ней, он почувствовал злость. На кой черт ей сдался этот голландец? Он представил себе тощего неуклюжего мужика, приклеившегося к телевизору во время соревнований по конькобежному спорту, и решил, что она, определенно, выбрала самое худшее из возможных зол.

После нескольких неловких минут в начале пикника, когда Бутиль

постаралась устроить шоу с раскладыванием продуктов, разговор потек более естественно. И Рино пришлось признать, что, в общем-то, он получал удовольствие от ее компании. Сначала он решил, что ей немного за тридцать, но, скорее всего, несколько лет ей прибавляли лишние килограммы. У него была привычка оценивать женщин, с которыми общался, по шкале от 1 до 10. Бутиль с натяжкой получила пятерку. Чистое милое лицо было лишено характера и шарма. Стрижка, очевидно, была сделана самостоятельно, а одежду она носила скорее удобную, чем стильную. В целом, ему нравились обычные земные женщины, но только если они хотя бы иногда смотрелись в зеркало.

Он выбросил последний кусочек багета в море, и всего через несколько секунд стая чаек уже дралась за крошки.

— Они медленно умирают от голода, — сказала она и тоже бросила птицам булку. — Раньше в море можно было выбрасывать рыбу-требуху. А сейчас по закону это запрещено. О чайках никто и не думает.

Рино бросил в море кусочек шоколада, чайки снова сошлись в битве.

— Фьорд-то практически бездонный, как мне говорили.

Она пожала плечами.

— Мой прадед здесь утонул.

— Его нашли?

— Нет. Мне говорили, что они с братом отправились на рыбалку, но их застиг шторм. Лодку тоже не нашли.

От мысли, что чьей-то могилой стало морское дно, Рино содрогнулся. Возможно, именно благодаря таким событиям и возникли рыбацкие легенды. Об островах, возникающих в море, когда кто-то терпит бедствие.

— А у мамы подруга во фьорде погибла. Лодка затонула и утащила ее за собой. Ее мужа нашли на следующее утро, истощенного, но живого. Ему удалось доплыть до берега. Они только что поженились и все такое. Лодку в восьмидесятые нашли дайверы-любители, так что фьорд не настолько глубок, как кажется.

— В восьмидесятые? То есть это случилось раньше?

— В шестидесятые.

Рино оглядел горный склон, перед его глазами возникла сцена смертельной битвы в бурлящих волнах, отполированные до гладкости валуны были единственным средством спасения. В Рейне, конечно, было очень красиво. Но природа жалости не знает.

Как по заказу, ветер переменился, похолодало, и через час пикник был закончен. Рино сделал вид, что не заметил намек на скорую встречу, и

снова направился в участок.

Недопитая чашка кофе, стоящая между газетными вырезками Симскара, свидетельствовала о том, что заходил Фалк. Найденный труп произвел на него более сильное впечатление, чем он показывал. Симскар, замкнувшийся в своей немоте, ведущий жизнь отшельника, но при этом, очевидно, желающий отомстить тому, кто виноват в несчастьях его жизни, внезапно предстал весьма интересной фигурой. Целая пачка газетных вырезок о пожаре в гараже свидетельствовала о крайней заинтересованности в этом событии, как и то, что он подготовился и в открытую посетил пострадавшего. Поэтому Рино решил побольше разузнать о том, кто переехал в Рейне в конце зимы.

Для начала он зашел на страницу Государственного бюро статистики, где, к своему большому удивлению, обнаружил всего трех человек по имени Сигурд Овесен. Затем он позвонил в местное отделение Управления труда и социального обеспечения, чтобы проверить сведения о пособии по нетрудоспособности, назначенном Сигурду Овесену. С неприкрытым раздражением женщина на другом конце провода перекидывала его с одного внутреннего телефона на другой, а потом сообщила, что не может отыскать в местной системе никого с таким именем. Звонок в реестр населения подтвердил то же самое: в муниципалитете Москенес никакого Сигурда Овесена не проживало. Повинуясь внезапному желанию, Рино набрал в строке поиска слово «маска». Как он и предполагал, количество найденных страниц было огромным, и он начал их пролистывать. Здесь была информация о ритуальных масках, божественных и демонических, и вдруг, открыв явно непрофессионально сделанную страницу, Рино увидел почти точную копию той маски, которая висела на полке перед его глазами. Она символизировала совсем не то, что ожидал инспектор.

Глава 26

Новые дома появились на предгорье, они были выше, чем когда-то строили рыбаки, и просто служили укрытием для тех, кто хотел на себе почувствовать, как жили в древние времена. Старую лавку давно отреставрировали, сейчас здесь размещался знаменитый ресторан. Фалк пару раз обедал здесь, но каждый раз возмущался ценами, явно рассчитанными на немецких туристов с их толстыми кошельками и солидными пенсиями. Туристический сезон был давно закончен, так что ему удалось осмотреть красный домик с двумя пристройками, напоминающими скворечники, и не привлечь к себе ненужного внимания. После обеда у лавки всегда было оживленно, в том числе потому, что мальчишки надеялись, что им перепадет конфетка-другая от пьяных рыбаков. Поверх старой лестницы был установлен деревянный помост. Значит, здесь-то он и сидел, поглядывая на смутьяна и наслаждаясь колой. Он не допил напиток до конца, когда получил беззвучное приглашение — в обмен на пару глотков. Несмотря на то что он ненавидел того, другого, и никогда не смог бы простить ему то, что тот сделал, он все-таки протянул ему бутылку. И смутьян выпил — причем не глоток, а все до конца. Затем кивнул, мол, пойдём со мной, как будто во время того самого садистского поступка завладел мальчишкой. И тут Бергер сделал невообразимое: он поднялся со ступенек и сел на багажник велосипеда. Сидя там, глядя в спину перед собой, он почувствовал себя заложником. Воспоминание о злодеянии снова всплыло перед глазами, более реалистичное, чем когда бы то ни было.

Это случилось, когда он еще жил в Теннесе на краешке мыса, казавшегося островком в открытом море. Мать отправилась за покупками в Рейне, отец вышел на рыбалку. Обычно ему нравилось оставаться одному, но на этот раз не успел он помахать матери на прощание, как все лампочки системы безопасности в его голове тревожно замигали. Он решил остаться дома, но у того, другого, видимо, был какой-то встроенный радар, сигнализовавший ему о любой предоставляющейся возможности. Из окна Бергер увидел, как в море вышла дряхлая лодка, которую не смолили черт знает сколько лет. Уже через несколько гребков веслами стало понятно, куда именно она направляется. Лодка причалила, при этом тот, второй, даже не взглянул на дом семейства Фалков. Он знал, что мальчик дома один и что у него море времени. Медленно и размеренно он поднялся

к дому, в ожидании остановился у входной двери, как будто уверенный, что жертва придет к нему добровольно. Так и случилось. Бергер Фалк не смог усидеть дома, избежав неминуемого. Он вышел из дома. *Ты один. Сам знаешь, когда женщина выбирается на материк, это надолго.* Не спеша. Взгляд и жесты того, кто все контролирует. *Тут нечем особо заняться. Я часто вижу тебя на побережье.*

В этот момент он все понял. Он украдкой взглянул на море, надеялся увидеть лодку, направляющуюся к берегу. Но парень лишь скалился шире. *Я ведь сказал: женщины никогда не устают от покупок.*

В свое время, чтобы отпустить дочь, Фалку пришлось сделать над собой невероятное усилие. Кристине замечала тревожные сигналы. Связь между отцом и дочерью была слишком крепкой. И вот он не видел ее уже неделю, так что сейчас он с легким сердцем поднимался к дому на самой верхушке холма, откуда открывался лучший вид на рыбацкую деревню. Она мыла посуду, натянув резиновые перчатки до локтя.

— Ой, это ты? Я и не слышала, как ты вошел!

— Да, меня не сразу заметишь.

— Да, да, — она стряхнула пену с перчаток и сняла их. — Слышала, ты иногда бываешь на работе.

Он пожал плечами.

— Когда врач выписывает тебе больничный, это обычно означает, что тебе не стоит работать.

— Ну, не знаю.

— Это скелет не дает тебе сидеть дома?

— Возможно.

— А новый инспектор, разве он не занимается этим делом?

— Да, конечно.

— Вы поладили?

Она ласково взглянула на него.

— Да, все в порядке.

Взгляд уже скользнул на доску из пробкового дерева, висящую на стене кухни. К ней были прикреплены многочисленные рисунки. Почти инстинктивно он пытался отыскать среди детских работ неприятные лица, хотя знал, что Сандра любящая и заботливая мать.

— Вы разберетесь с этим делом? Ходят разные слухи.

— И какие же?

— Убийство, — она легонько надавила пальцем ему на нос. Рука пахла резиной.

— Именно это мы и пытаемся выяснить.

— Ты на больничном, не забывай!

— Частично.

— Ты что-то хотел? — она занялась приготовлением кофе.

— Хотел тебя кое о чем спросить.

— Спрашивай.

— О том, как мы жили до смерти твоей матери.

На секунду она замерла, но потом продолжила молотить кофейные зерна.

— Семь лет прошло.

По голосу было понятно, что она давно все пережила и очень хотела, чтобы и он смог пережить.

— Ты ничего не замечала?

Она провела ладонью по подбородку.

— Что-то я позабыла. Две ложки или три?

Она пересыпала кофе обратно в коробку и стала молотить заново.

— Мы тысячу раз обсуждали это, папа. Ты ведь знаешь, что я тогда жила в Будё и реже общалась мамой. Конечно, мы разговаривали по телефону, но с ней все-таки реже, чем с тобой.

Это звучало не как упрек, просто констатация факта.

— Но ничего такого ты не замечала?

— Не знаю, почему ты об этом думаешь, — первые признаки раздражения. — Это был несчастный случай. Так бывает, к сожалению, так случилось с мамой. Зачем ты мучаешь себя все эти годы?

— Не знаю.

— Что ты хочешь услышать? Что она умышленно съехала в кювет? Мама была счастлива.

— Правда?

Строгий взгляд, а потом она погладила его по щеке.

— У нее был лучший в мире муж. Я знаю, она была с тобой счастлива, знаю, что она не хотела прощаться ни с тобой, ни со своей жизнью.

Он задумчиво кивнул.

— Почему ты не можешь смириться с тем, что это несчастный случай?

— Не знаю, Сандра, правда, не знаю. Я уже сто раз осмотрел место происшествия. Там просто невозможно потерять управление.

Сандра всплеснула руками.

— Может быть, было скользко.

— Нет.

— Она могла.

— Вскрытие ничего не показало.

- Иногда достаточно отвлечься на секунду.
- Да...
- Что такое, папа? — спросила она, помолчав.
- Я тебя очень люблю, Сандра.
- Я знаю, — ответила она.

Глава 27

Боль и тошнота отвлекли на себя все внимание. От легкого недомогания до прожигающего пламени, которое постепенно его убивало. Он уже смирился с тем, что его поражение окончательно. Он вслепую добрался до компьютера, но для того, чтобы победить, ему не хватило каких-то миллиметров. Попытка была обречена. Он умрет мучительной медленной смертью. Глаз за глаз.

Дверь отворилась, послышались быстрые шаги в сторону кровати. Пульс взлетел в небеса, а потом прозвучал голос.

— Это я, — прошептала Йориль и погладила его по щеке.

Он наслаждался этим прикосновением, хотя кожа скорее напоминала мертвую ракушку. В нем было столько ласки, что ему захотелось остановить мгновение навсегда.

— Вас переводят, Герой!

Он не мог поверить ее словам. Переводят. Неужели кому-то удалось доказать заведующей, что его здесь пытаются? Но тогда зачем переводить его — а не медсестру? Может быть, они не знали, кто именно его мучил? И не хотели рисковать его жизнью, пока не разберутся, кто именно это делал? Конечно. Именно так. Йориль плакала, последнее время она часто была в слезах, и если бы он мог, то заплакал бы вместе с ней.

Слезами радости.

Одним весенним утром Бог оставил его и вот наконец услышал его молитвы.

— Я постараюсь навещать вас. Но это будет непросто.

Значит, его переводят далеко. Подальше от Дьявола.

— Думаю, они уже идут.

Поцелуй в щеку, золотые кудряшки коснулись его лица.

Лишь расставание с Йориль немного приглушало тот восторг, который он ощущал. Конечно, он будет скучать по ней, но однажды, когда весь этот кошмар закончится, они встретятся.

Через несколько секунд дверь снова открылась. Вошли два человека и, не говоря ни слова, сняли кровать с тормоза и куда-то покатали. Быстро и эффективно. Прощаясь со своей палатой, он вдруг понял, что третий человек придерживал дверь. Они замедлились, осторожно пронесли его через дверь. И в тот момент, когда он возблагодарил высшие силы, он почувствовал запах. Запах Дьявола.

Глава 28

Рино еще ни разу не видел такого маленького гаража. Он стоял на тяжелых столбах, утопленных в склон, уходящий прямо в море. Если бы автомобиль провалился сквозь пол, то проскользил бы напрямик по скале и упокоился во фьорде, на пятиметровой глубине. Инспектор открыл боковую дверь, закрытую на простой крючок, и вошел внутрь. Солнечный свет с трудом просачивался сквозь обшивку и трещины в разошедшихся стенах. Рино показалось, что от массивного деревянного пола пахло гарью, но, конечно, спустя столько времени запах, скорее всего, был лишь плодом его воображения. Выключателя он не нашел, но предусмотрительно захватил с собой фонарик. В гараже почти ничего не было, только старый верстак и несколько цветочных горшков. Рино предположил, что доски, которыми были покрыты стены, когда-то служили покрытием пристани или заброшенного рыбного цеха. Они были черными от гари, но, видимо, их серьезная толщина не позволила им загореться. Рино поднял фонарь и отметил, что от огня почти все планки гофрированной стали потемнели. Пожар, очевидно, начался возле одной из стен, по ней это было хорошо видно. Чистая случайность и удача, что тот несчастный, который в данный момент лежит в пансионате, вообще выжил.

Может быть, обожженный — это Боа? Тот самый юноша, терроризировавший всех, кто попадался ему на пути? Может быть, он инсценировал свое исчезновение, чтобы полвека спустя воскреснуть из ниоткуда? И могла ли одна из жертв его юности отомстить ему за мучения и представить преступление как несчастный случай? Рино осветил фонариком угол, в котором нашли рисунок. Горящий от ненависти взгляд был свидетелем отчаянной борьбы с пламенем. Он подошел поближе и в тот момент, когда поток света превратился в маленький кружок, понял.

Инициалы.

Настолько очевидно, что даже не пришло ему в голову. Конечно же, его коллега волновался совсем не напрасно.

Едва войдя в участок, Рино достал отчет о пожаре. В приложенном документе содержалось то, что он искал: имя сдававшей дом с гаражом хозяйки. Инспектор отыскал адрес и номер телефона и решил навестить эту женщину. В этот раз ему пришлось воспользоваться «Вольво», голубым предметом гордости из времен, когда шведы еще производили

великолепные машины. Через десять минут он остановился возле единственного продуктового магазина в Сёрвогене. Какая-то женщина указала ему на дом, в котором жила Олине Ульсен. Свернув к нему, Рино отметил, что двухэтажный ярко-красный дом вполне мог служить маяком для терпящих бедствие лодок.

Подъезд к дому был выложен щебенкой цвета мрамора, совершенно не соответствующей по стилю ни самому дому, ни его окружению. Рино решил не звонить в звонок, а сразу же подойти и постучать в кухонную дверь. Прошло немного времени, затем раздалось осторожное «войдите». Но когда он открыл дверь, его встретила улыбчивая дружелюбная женщина лет восьмидесяти. Цвет ее волос совпадал с цветом щебенки во дворе, а кудряшки напоминали шерсть королевского пуделя. Весила она не больше пятидесяти килограммов даже с тяжелыми сандалиями на ногах. Рино представился и спросил о доме в Рейне, который она сдавала.

— Это дом моего детства, — женщина наклонила голову, как будто недоумевая, почему у нее на пороге возник полицейский.

— Я по поводу пожара в гараже.

— Ох, да. Ужас-то какой, лишиться жизни из-за какой-то газонокосилки.

Олине Ульсен присела на старенький деревянный табурет.

— Я хотела съездить в пансионат навестить его, но говорят, он не в состоянии общаться.

— Вы говорите о Сигурде Овесене?

— Ну а о ком же еще?

— Вы его знали? Помимо того, что он снимал у вас дом?

— Нет, но ведь он чуть не закончил свою жизнь в моем гараже, это, знаете ли, что-то значит. Нынешнему арендатору гараж не нужен, ну и хорошо. Я хочу вообще закрыть его навсегда.

Рино подвинул стул и сел.

— Когда он въехал?

— Так, — женщина взглянула в окно, — в начале марта.

— Вы знаете, откуда он приехал?

Она зажала ладони между коленями и покачала головой.

— Он ничего не говорил?

— Нет, не говорил.

— Мне казалось, арендаторы о таком сообщают.

— Нет, — повторила она. — Может, он и говорил, но, я не помню.

— Какое у вас сложилось впечатление о нем?

— Платил он аккуратно.

— А кроме этого?

— Ну, впечатление.

— Например, как именно он платил?

— Как?

— Банковским переводом или.

— Нет, наличными.

Большая редкость в нашем тысячелетии.

— Как это происходило? Он приезжал к вам и передавал деньги лично в руки?

Неожиданно для инспектора женщина кивнула.

— Он приезжал сюда, в Сёрвоген, и передавал деньги за аренду лично вам?

— Он приезжал автобусом в два часа дня по пятницам в конце месяца. Ну, платеж-то был всего один, так что.

— Вы не спрашивали его, почему он предпочитал платить наличными?

— Кстати, да, — она по-прежнему зажимала ладони коленями. — А почему вы об этом спрашиваете?

Рино решил ограничиться полуправдой.

— Потому что никто не знает, кто он и откуда приехал. Возможно, у него есть близкие, которые его разыскивают.

— Я об этом не подумала.

Двумя пальцами она коснулась нижней губы.

— Он сказал, что придерживается старых порядков и не любит банковские карты и всякое такое.

Да уж, если ты не любишь банки, ты точно предпочитаешь старые порядки, подумал Рино, и повторил вопрос о впечатлении, которое производил Овесен.

— Он казался очень порядочным человеком. Может быть, немного медлительным.

— Медлительным?

Она втянула голову в костлявые плечи.

— Обстоятельным?

— Слегка.

— Больше ничего особенного?

— Он умер? — внезапно спросила она.

— Вчера, когда я к нему заходил, он был жив.

— Ну, вы меня тут допрашиваете, — сказала она.

Рино уехал от Олине Ульсен полностью уверенным в том, что

пострадавший — не кто иной, как Оддвар Стрём. Он просто поменял местами свои инициалы и придумал псевдоним.

Уже в участке ему в голову пришла еще одна мысль. Он снова перелистал отчет Фалка о пожаре и отыскал номер телефона и название поставщика газонокосилки, который проверял ее после несчастного случая. Через мгновение у него на проводе был некий Мелвик.

— Я думал, дело закрыто, — недовольно протянул тот.

— Честно говоря, так оно и есть. Я просто хотел узнать, насколько вы уверены в том, что косилка не могла взорваться сама собой.

— Вам нужен честный ответ?

— Да.

— Тогда я скажу вам, что мы уверены на 100 %. Мы обсудили этот случай с производителем в Ипсуиче. И я готов заложить и жену, и собаку, косилка не могла взорваться сама собой. Это просто невозможно.

Глава 29

Он сидел под дождем, спрятавшись в маленькой березовой рощице. В рюкзаке, который он схватил, когда удирал, были, по крайней мере, одна упаковка печенья и несколько бананов. Пару дней он продержится, если не больше. Он понимал, что за домом наблюдают, так что о том, чтобы в ближайшее время туда попасть, можно забыть. К тому же он твердо знал, что бесполезно пытаться все объяснить. Полицейских заинтересует только пенсия, которая продолжала капать все семь месяцев после смерти мамы, хотя к деньгам он не притрагивался и был готов вернуть их в любой момент. Никто не смог бы понять, что значила для него мама, что без нее слова застряли бы внутри навсегда.

Он всегда знал, что его жизнь потеряна. Поэтому гораздо важнее было убедиться, что у нее все в порядке. И так и было. По ее виду, по ее движениям он всегда знал, хочет ли она есть и нужно ли ей что-нибудь. Достаточно отвлечься на секунду, и случится беда, что она и пережила одним осенним днем пятьдесят лет назад. С того дня он посвятил всю жизнь тому, чтобы оберегать ее.

Когда он отправился к пансионату, дождь перестал. По правде говоря, было недостаточно темно, но после потери мамы ненависть закипела в нем сильнее, чем когда-либо. Он был неосторожен, он знал это, но ему хотелось снова взглянуть на того, кто сломал ему жизнь и вот наконец получил заслуженное воздаяние.

Он приставил к стене шаткую лестницу и поднялся на несколько ступенек. Боа лежал, как всегда, на спине, лишенный губ рот был приоткрыт. Лишь редкие движения позволяли убедиться в том, что он все еще жив. Если все пойдет так, как хотел Шур, Боа проживет еще очень долго. Он заслужил страдание, заслужил сполна. Пока Шур стоял там и наблюдал за тем, кто превратил его жизнь в ад, он почувствовал, как сжимается горло. И все-таки он чувствовал удовлетворение. Посещение прошло совсем не так, как ему хотелось. Злость никуда не делась.

И вдруг в палате включился свет. Он свернулся в клубок и затаился. Приглушенные голоса, какое-то движение, и все стихло. Когда он снова взглянул в палату, она была пуста.

Боа исчез.

Глава 30

Злая маска. И не просто злая маска, если верить тому, что Рино разузнал в интернете. Это способ проработки травм с помощью рисования, маска — часть терапии. Женщина, автор сайта в интернете, сообщила, что она слабовидящая, именно поэтому на сайте используется крупный жирный шрифт. Рино отправил ей письмо и спросил о маске, она ответила, что этот рисунок она сделала в качестве упражнения в одном из центров для слепых и слабовидящих. Контрастные цвета облегчают восприятие контуров. С 1958 по 1970 год она несколько раз училась в школе для слепых Хюсебю в Осло, именно там один из учителей применил методику рисования масок, для каждого настроения создавалась своя маска. Кроме того, она рассказала, что слепые чаще подвергаются насилию, чем здоровые люди, поэтому у них чаще возникает потребность в проработке различных травм. Цель злой маски в том, чтобы вытащить наружу непрожитую злость, но, насколько помнила женщина, подобные упражнения не входят в общую программу обучения. Скорее, это просто эксперимент.

Узнав все это, Рино еще больше утвердился в мысли, что пожар был подстроен, хотя прямой связи между маской и Шуром Симскараром он пока выстроить не мог. Конечно, можно было найти сходство в самом наличии травмы, и он пометил себе, что нужно уточнить, ходил ли Симскар в какую-нибудь специальную школу и проводились ли там подобные эксперименты.

Тем не менее было понятно, что нужно срочно поговорить с Шуром Симскараром. Поговорив с управлением в Лекнесе, они решили в тот же вечер объявить его в розыск. Конечно, подобное мероприятие по результативности можно было бы сравнить с попыткой найти бутылку в Вестфьорде, но попытаться стоило.

Рино позвонил Фалку узнать, не хочет ли тот поучаствовать в поисковой операции, и, к его большому удивлению, тот с готовностью согласился. Они договорились встретиться в участке в одиннадцать часов, и Рино решил побаловать себя быстрым ужином на заправке. К своему облегчению, он увидел, что за прилавком стоял мужчина, и от радости инспектор решил сделать кое-что, что позволял себе крайне редко, — сыграть в тотализатор. Алименты стали частью его расходов совсем недавно, так что быстрые деньги пришлось бы весьма кстати. Рино взял

бланк со ставками на Лигу Чемпионов, хотя это было и неважно. Он был готов сделать выбор наобум, но вдруг заметил, что первый матч должен был состояться между Норвегией и Нидерландами. Понимая, что голландцы, конечно, прекрасно себя чувствуют даже в чужих владениях, Рино с такой силой поставил крестик в графе с названием местного чемпиона, что прорвал бумагу. Он скомкал бланк и достал следующий, но не успел он снова отметить чемпиона Норвегии, как зазвонил телефон. Это был Иоаким.

— Привет, мой первый сын!

— Первый и единственный, — Иоаким почему-то говорил шепотом.

— А что так тихо?

— Я уже лег.

Рино взглянул на часы. Без четверти десять.

— А не рано ли?

— Пришлось.

— Новые правила?

На другом конце провода промолчали, Рино представил себе, как Иоаким пожал плечами.

— Вообще-то это не видеосвязь, Иоаким.

— Маме захотелось побыть с Роном наедине.

Рино скомкал бланк.

— Это она так сказала?

— Ну, не совсем. Пап!

— Слушаю.

— Можно я пойду с Рене на концерт?

— Прямо сейчас?

— Нет. В четверг.

— Об этом надо маму спросить. Она принимает решения, когда ты живешь с ней, а я — когда со мной.

— В таком случае, почти всегда решает она.

— Такова жизнь, Иоаким.

— Она сказала «нет».

— То есть ты уже спрашивал.

— Мама совсем с катушек слетела. Все ей не так.

— А что за концерт?

— Йоддски^[7].

— О боже ж ты мой, что это за имя? Он что, йойк^[8] поет?

— Ты че? Ты не знаешь, кто такой Йоддски?!

- Как-то мимо меня прошло. И, видимо, к счастью.
- Йоддски крутой.
- И не сомневаюсь, вот только маме виднее.
- Мама вообще сейчас неадекват!
- Так, полегче, Иоаким. Мама ради тебя так поступает.
- Ради меня мне лучше сидеть дома, вместо того чтобы идти на концерт Йоддски?
- Насколько я знаю твой вкус, да.
- Черт!
- Ладно тебе, Иоаким, взбодрись!
- Мне даже Йоддски послушать нельзя — какая уж тут бодрость!

Звонок прервался. В первый раз в жизни Иоаким бросил трубку, Рино это не понравилось. Сын очень изменился с тех пор, как начал принимать риталин, и кем бы ни был этот Йоддски, но из-за него в мальчике пробудился характер прежнего Иоакима. Поэтому Рино тут же возненавидел этого певца.

На часах было четверть двенадцатого, когда пятеро мужчин отправились в ночной розыск. Фалк был уверен, что Симскар спрятался где-то в горах, так как он практически самый одинокий волк на всю Рейне. Поэтому все согласились, что проверять стоит только заброшенные дома, все гаражи и сараи. Ленсман с одним из своих офицеров отправились исследовать разросшуюся деревню, которая и составляла Рейне, а все остальные сосредоточились на постройках на другой стороне бухты. Они договорились встретиться в участке в пять часов. И, если Симскара до тех пор не найдут, снова начать розыск, как только рассветет. Рино прекрасно понимал, что все это мероприятие — выстрел вслепую, потому что, хотя Рейне был невелик, здесь было несметное количество закоулков и местечек, где Симскар мог бы укрыться. Надежда была только на то, что когда он поймет, что полицейские ищут его, то испугается и сдастся сам.

Целый час Рино без отдыха чавкал по непролазной грязи, в свете фонарика виднелись только камни и жухлая осенняя трава. Инспектор решил сыграть ва-банк. Погасив фонарь, он направился к дому Шура Симскара. Как и ожидалось, дом был пуст. И все-таки Рино решил подождать, надеясь, что беглец вернется домой.

Совершенно очевидно, что Симскар удирал без подготовки, так что очень скоро ему потребуется одежда и еда. А для того, кто не может говорить, да еще и опасается людей, единственным вариантом остается свой собственный дом.

Рино решил залечь в засаду возле дома, так как из-за запаха внутри

находиться было невозможно. Он спрятался за одним из валунов, откуда отлично просматривался вход. Он заранее закрыл дверь в подвал и все окна — так что Симскар пришлось бы воспользоваться основным входом.

В третьем часу ночи Симскар так и не появился, еще через час ленсман сообщил, что в Рейне его не было. И все отправились отдыхать. Рино решил еще немного подождать. В своем укрытии он был защищен от сильного ветра, и, тем не менее, холод постепенно проникал под одежду. Симскар должен был промерзнуть до бесчувствия, если, конечно, он не нашел себе настоящее убежище.

Ночью все выглядело иначе. Высокие горы превратились в плотные сомкнувшиеся стены, контуры которых едва проступали на ночном небе. Рино повсюду окружали камни, одни огромные, высотой с дом, другие настолько поросли мхом, что едва выступали над поверхностью земли. Рино регулярно менял позу, разминал затекшие конечности. К четырем часам силуэт Симскара начал проступать в небольших валунах, но, приглядевшись, инспектор каждый раз убеждался, что рано обрадовался. Он даже задремал, и ему приснился свежесваренный кофе на столе в теплом участке, как вдруг его внимание привлек какой-то звук. Он затаился, прислушиваясь, пытаясь уловить отзвук, затем вытянул шею и постарался различить какое-нибудь движение. Лишь ветер трепал пожухлую траву. И снова звук, какой-то треск. Рино понял: Симскар разбил окно на другой стороне дома. Инспектор прокрался вперед, ползком по покрытым влажным мхом камням. Осторожно вжался в стену дома и заглянул за угол. К стене была прислонена лестница, одно из окон в гостиной было разбито. Симскар пролез внутрь.

Первым желанием Рино было вызвать подкрепление, но офицерам понадобилось бы не менее пяти минут, чтобы добраться сюда, а Симскар вряд ли собирался находиться в доме так долго. Рино быстро пробрался к входной двери. Именно он предложил оставить дверь незапертой и теперь осторожно потянул ее на себя. Приглушенный скрип, как понадеялся инспектор, утонул в шуме ветра. Пахло все так же сильно и тошнотворно, но Рино вытерпел. Пока он медленно пробирался по коридору, сердце колотилось в груди. Он слышал Симскара, но не мог понять, откуда доносился звук, только приглушенное шуршание где-то в доме. Врываться внутрь без подмоги было скорее бессмысленно, чем храбро, так что он отправил ленсману сообщение, где написал, что Симскар в доме, а сам он заходит внутрь. А затем он отключил на телефоне звук.

Следующая дверь была открыта. Рино, прижавшись к стене, двигался внутрь и вдруг заметил, что в доме стало совсем тихо. Мертвецки тихо.

Значит, Симскару известно, что в доме кто-то есть. Рино осторожно прошел в гостиную. Отражение на полу. Разбитое стекло. Он быстро огляделся, затем на цыпочках прошел в спальню Симскара. Рино и представить себе не мог, как тот мог спать в такой вони. Он осторожно достал телефон. Два неотвеченных вызова, оба от ленсмана. Они явно уже близко. Рино аккуратно коснулся ручки двери. Открывая дверь, он услышал скрип потолочной балки. Симскар был на чердаке.

Рино вернулся в коридор и по чердачной лестнице осторожно прокрался наверх. Он не видел ни ступенек, ни краев лестницы, лишь кромешную темноту впереди. На полпути он остановился, решив, что стоит дождаться подкрепления. Симскар все равно заперт на чердаке — ну разве что у него была припасена веревка и подготовлен путь побега. Рино решил испытать удачу. Он поднялся еще на несколько ступенек, однако лестница закончилась раньше, чем он ожидал, и он растянулся на полу чердака. Не успел он подняться, как почувствовал сильнейший удар в плечо. Он скатился на несколько ступенек вниз и едва поймал равновесие, как Симскар снова напал на него.

Падая с лестницы, Рино больно ударился, но успел сгруппироваться и прикрыть голову. Стены задрожали, когда он врезался в них, звериный рык наполнил весь дом. Симскар исчез в глубине дома, Рино отчаянно попытался его преследовать. Воздух пронзил луч света, и он понял, что это фары полицейского автомобиля. В этот момент одно из окон в гостиной взорвалось осколками стекла. Симскар выскочил наружу.

Рино собирался было рвануть за ним, но куски стекла все еще торчали в раме, так что он метнулся к двери. На лестнице он столкнулся со своими коллегами, которые прижали его к стене, не сразу узнав.

— Он выскочил из окна!

— Где?

— Позади дома. Скорее!

Нога болела и не слушалась, но Рино последовал за офицерами за угол дома. Темноту пробивали три луча фонарей, как в лазерной игре, возбужденные голоса разбивали ночную тишину, но Рино быстро понял, что Шур Симскар сбежал и добрался до мест, которые он знает гораздо лучше других. И у них нет никаких шансов его отыскать.

Глава 31

Его закатили в лифт. Ее запах тут же заполнил все пространство. Никто из медсестер ничего не говорил, но он знал, что их взгляды прикованы к его изуродованному лицу. Дверь лифта открылась, его вывезли наружу. Металлические детали кровати позвякивали из-за неровностей бетонного пола. На несколько блаженных секунд он поверил, что избавился от Дьявола. А оказалось, она почувствовала, как что-то назревает, и решила срочно его перевезти. Открылась дверь автомобиля, кровать закатили внутрь. Ничего не значащие вежливые слова и пожелания Герою покоя в новом доме. Дверь закрылась. По запаху он понял, что она сидит рядом. Очевидно, она что-то наврала своим коллегам и добилась его перевода из пансионата.

Когда машина отъехала, он задремал. Внезапно он увидел мать, четче, чем когда-либо. Клетчатый фартук повязан у нее на животе, волосы собраны в хвост, от этого лицо казалось более худым, чем на самом деле. Она выглядела несчастной. Он понял, что вообще не помнит, чтобы мать улыбалась или радовалась. В тот день она испекла мальчишкам булочки, булочки с повидлом. Это было что-то новенькое, и они набили животы до отвала. Еще им дали газировку, каждому по бутылке, хотя обычно такое угощение они получали только на Рождество или на день рождения. И хотя они с братом счастливо переглядывались, был какой-то привкус у этой радости, как будто в воздухе витало предчувствие трагедии. Мать казалась задумчивой, вместе с ними не ела. Когда все булочки были уничтожены, она выгнала их во двор. Слишком хороший вечер, чтобы сидеть дома.

В тот год это был самый теплый летний день, и они вернулись домой только поздно вечером. Отец был дома, взгляд его пылал от ярости, а вот матери нигде не было. В тот момент он все понял.

Дорога заняла всего несколько минут. Без каких-либо объяснений кровать выкатили из автомобиля и внесли в дом. Другие запахи и эхо подсказали ему, что потолки здесь гораздо ниже, чем бывает обычно в социальных учреждениях. Он точно все еще находился в Рейне, но где именно? Он не мог различить свет и темноту, и все же казалось, что вокруг него сгустилась вечная тьма. Колеса кровати поставили на тормоз — он приехал. Дверь открылась, ее запах исчез.

Через десять минут дверь снова открыли. Шаги были незнакомыми: тяжелые, шаркающие, из-за них кровать слегка вибрировала. Запах какой-

то неопределенный. Он слышал дыхание, тяжелое, больше похожее на сопение. Посетитель даже не пытался скрыть свое присутствие. Он лежал, не зная, чего ожидать. Его гость вел себя очень странно. Он вздрогнул, почувствовав прикосновение к шее. Он испугался, решив, что его сейчас задушат, но посетитель просто стоял и рассматривал его. Затем медленные приволакивающие шаги вокруг кровати, сопровождаемые тем же носовым дыханием, как будто человеку было важно рассмотреть его со всех сторон. И хотя ситуация определенно казалась угрожающей, что-то подсказывало ему, что тот, кто снова замер возле него, не хотел причинить ему зла.

Вдруг он понял. Это она, умственно отсталая девочка. Вот и последнее доказательство того, что все происходящее — месть. Давно задуманная месть.

Я так и не простил ее за то, что она сделала. Она пришла к выводу, что не может так больше жить, и выбрала самый простой выход. Самый простой и самый малодушный. Каждый вечер с того самого дня я говорил с ней, спрашивал ее снова и снова, почему она бросила меня. Я понимал, что ей досталось, но все равно я не хотел, чтобы она покоилась с миром. Я хотел, чтобы там, в потустороннем мире, она не находила бы себе места и мучилась чувством вины. Поэтому я продолжал обвинять и задавать вопросы: как она могла? Почему она бросила меня с ними: отцом, умеющим только ненавидеть, и братом, с которым у меня не было ничего общего? В тот вечер во мне что-то умерло, Алине. А потом постепенно вырос новый я. Тот, кем я стал.

Глава 32

Рино позволил себе появиться в участке только в десятом часу. Как и ожидалось, поиски Шура Симскара успехом не увенчались, полицейские бросили эту затею примерно через час после того, как тот улизнул. Рино, теперь уже совершенно уверенный в том, что пожар подстроили, понимал, что дело принимает новый оборот. Началось оно с останков мальчика, но теперь все было завязано на том, кто, по всей видимости, был братом убитого, на том, кто полгода назад чуть не погиб. И именно к нему этим утром собирался зайти Рино. И пусть пострадавший не может говорить или писать, все-таки можно найти способ с ним пообщаться. Что там говорила медсестра? Он изредка отвечает им с помощью жестов. Может быть, просто никто не спрашивал его о том, что его действительно волнует. Возможно, он только и ждал момента, чтобы рассказать, о несчастном случае, который вовсе не был таковым.

По дороге в пансионат у Рино от недосыпа закружилась голова. Он все еще злился, что они упустили шанс поймать Симскара. Ведь было же очевидно, что рано или поздно ему придется вернуться домой, и, если бы они тщательнее разработали план, сейчас он был бы уже в участке. А вместо этого он теперь постарается спрятаться еще надежнее.

И снова его проводили к заведующей. Когда инспектор заявил, что хотел бы навестить Сигурда Овесена, женщина озабоченно нахмурилась.

— К сожалению, мы были вынуждены перевести его в больницу в Лекнесе. Им понадобилась пара дней, чтобы подготовить для него палату, так что пока за ним ухаживает на дому одна из наших медсестер.

— Его уже перевезли?

Заведующая тяжело вздохнула.

— Вчера утром к нему заходил этот Симскар. Теперь-то я понимаю, что мы не должны были этого допускать. По словам заведующей отделением, Овесена очень расстроил этот визит, и успокоить его так и не удалось. Он так слаб, не переносит сильных впечатлений, и, посоветовавшись с медсестрами, которые за ним ухаживают, мы решили, что нам необходимо принять меры. Очевидно, Симскар сильно напугал его, и подумать только, мы позволили им находиться наедине.

Снова глубокий вздох.

— Это вынужденная мера, пока ситуация с Симскарсом не разрешится. Я слышала, он все еще в бегах?

Рино получил последнее подтверждение своим догадкам. Симскар навел свою жертву, прекрасно зная, что тот будет в ужасе от этой встречи.

— Могу ли я спросить, — Рино провел рукой по отросшей шевелюре, — насколько Овесен, Герой, как вы его тут называете, может общаться?

Заведующая пристально посмотрела на него, затем опустила сложенные лодочкой руки на стол.

— Боюсь, что совсем немного. Я сама за ним не ухаживаю, но.

Она нажала кнопку на телефоне и пригласила в кабинет одну из медсестер.

— Каспара руководит отделением, где он лежал, она лучше всех его знает, но на вашем месте я бы не ожидала слишком многого. Герой может дышать самостоятельно, но, пожалуй, это единственное, что он может делать без помощи.

В этот момент дверь открылась, вошла медсестра лет пятидесяти. По комплекции она не уступала заведующей, и, встретив ее на улице, Рино не обернулся бы. Он пожал ей руку, отметив, что женщина явно нервничает. Видимо, испытывает угрызения совести от того, что им пришлось отказаться от пациента, который так нуждался в их помощи.

Начальница повторила вопрос инспектора, и заведующая отделением грустно посмотрела на Рино.

— Не знаю, что именно он понимает. Мы постоянно разговариваем с ним, но он почти никогда не отвечает нам. Сначала мы пытались наладить какое-то общение, казалось, что он реагирует, но через несколько недель он как будто бы перестал даже пробовать объясниться. Конечно, никто не сомневается, что у него ужасные боли, и по его обожженному телу видно, какие движения ему неприятны, а какие — вообще невозможны. Больше всего ожогов у него на шее и на плечах, и когда мы его о чем-то спрашиваем, он крайне редко отвечает осторожными движениями головы, так что, честно говоря. Не думаю, что вы чего-нибудь добьетесь. Тем или иным способом.

Заведующая отделением засунула руки в карманы формы, и Рино почувствовал сильный аромат духов. А ведь он где-то читал, что сильные запахи в больницах и пансионатах запрещены!

— То есть вы хотите сказать, что не стоит и пытаться с ним пообщаться?

— Боюсь, что так.

За большой ивой в глубине сада Рино насчитал пять диких кошек, но не сомневался, что это лишь вершина айсберга. Фалк рассказывал, что все больше кошек живет у него под гаражом, просачиваясь в разные щели и дыры в фундаменте.

Рино постучал в дверь, услышал тихий ответ Фалка, вошел и застал коллегу за ноутбуком.

— Проснулись?

Фалк захлопнул крышку компьютера и растерянно посмотрел на инспектора.

— Более-менее.

— Та еще ночь выдалась.

Фалк кивнул.

— Теперь-то он надежно спрятался.

— Думаю, он подстроил пожар, — Рино впервые высказал свою мысль, в которой был уже почти уверен. — Я думаю, что Сигурд Овесен — это пресловутый Боа.

Фалк уставился на какую-то точку в полу.

— Переверните инициалы С. О. — и получите Оддвар Стрём.

— С тех пор прошло полжизни.

— И тем не менее. Я думаю, это он.

— Вы думаете?

— Я уверен на девяносто процентов. Что-то заставило его вернуться, и он был уверен, что его не узнают. Но главная жертва его издевательств ничего не забыла.

Фалк покачал головой.

— И оба они всплыли в 2011 году, сначала Оддвар, потом останки Руаля. Не знаю, не знаю.

— Маска не давала вам покоя.

— Да.

— Думаю, ее нарисовал Симскар.

— Шур. не знаю.

— Я выяснил, что она означает.

Фалк как будто застыл на месте.

— Это маска злости.

— Маска злости. — голос Фалка казался чужим.

— Именно. Метод проработки психологических травм с помощью рисунков, — Рино подвинул стул и сел. — Я поискал в интернете, как и вы.

Он кивнул на компьютер и вкратце объяснил, что именно он нашел.

— Но зачем Симскар рисовать такую маску?

— Он ведь тоже в какой-то мере стал калекой, и, конечно, у него есть психологические травмы. А вы не знаете, не ходил ли он в какую-нибудь специальную школу?

— Не слышал об этом.

— Конечно, маски — это лишь прием, придуманный каким-то учителем, но в то время в нашей стране все еще делали лоботомию, так что, можно сказать, это был безвредный эксперимент.

— Узнать, ходил ли Симскар в спецшколу, вполне возможно, но вы ведь в любом случае уверены, что преступник он, не так ли?

— На девяносто девять процентов.

— Две минуты назад было девяносто процентов.

— Я поделился своей теорией и еще сильнее убедился в ее правоте.

— Все эти годы в нем должна была жить страшная ненависть.

— Он онемел из-за издевательств Боа, так что ничего удивительного.

— Пятьдесят лет — это много.

— Еще одна версия, — Рино решил дать коллеге расследовать версию о маске дальше, если, конечно, его целиком и полностью не захватит апатия. — Если мы оттолкнемся от того, что маска когда-то использовалась в терапии в центре для слепых и слабовидящих, можете ли вы выяснить, посещал ли кто-нибудь из жителей коммуны школу Хюсебю, и если да, то кто именно?

Фалк встал и принялся бродить из угла в угол по комнате.

— Слепой или слабовидящий?

— Вряд ли тут много таких. Тут, в коммуне Москенес, и жителей-то немного.

— Можно попробовать.

Впервые с момента начала работы с напарником Рино разглядел в нем какое-то подобие заинтересованности.

— А я попытаюсь выяснить, где пропал Боа все эти годы.

— Вы правда думаете, что это он?

— Да, — Рино уверенно кивнул. — Я еще кое о чем подумал: с того времени, как исчез Боа, управление полиции наверняка переезжало?

— На моей памяти мы переезжали всего один раз. А что?

— Я все удивляюсь, что о его исчезновении никто не сообщил. И я подумал, что бумаги могли затеряться при переезде.

Заинтересованность явно была кратковременной, Фалк снова погрузился в свои мысли.

— Ведь когда пропадает тринадцатилетний парень, кто-нибудь все-таки сообщает об этом в полицию.

Фалк стоял и смотрел невидящим взглядом прямо перед собой. Помолчав полминуты, Рино вышел.

Фалк увидел ту велосипедную прогулку. Куда они поехали и что там делали, в его памяти не сохранилось, но то, что случилось двумя годами ранее, он не забыл. Мальчик излучал контроль и стоическое спокойствие. Какое-то время он просто бесцельно катался по округе, а потом быстро направился к предгорью. Бергер, вынужденный невольно следовать за ним, чувствовал себя ужасно одиноким. Как только они добрались до первых валунов, парень торжественно достал пакет с рыбьей требухой. *Хотел выбросить это чайкам, но эти неблагодарные твари вместо «спасибо» обделают все лодки.* Может, твоим котяткам отдадим? Бергер покачал головой.

Нет? И какой же ты тогда кошатник? Победная улыбка; он был богом в своей вселенной и управлял ею железной рукой. Слизкие рыбы кишки выскользнули из зажатого кулака, но он быстро подхватил их. Не сводя глаз с напуганного Бергера, он приманивал кошек, медленно, наслаждаясь, никого не боясь. Сжатый кулак мотался туда-сюда, с требухи постоянно падали кусочки. Хитрый взгляд: попробуй, останови меня! Ты никого не сможешь остановить! Бергер увидел, как первый кот с любопытством выглянул из укрытия. Мальчик тоже это заметил. Теперь он приманивал их еще более вкрадчиво, и голодные кошки сдались.

Он убил двух кошек и четырех котят. Кишки и куски требухи валялись на камнях, а в предгорье слышалось жалобное мяуканье котят, которым удалось сбежать. Мальчик подождал, не выползут ли остальные котята, потом наконец развернулся и ушел. *Увидимся!* — сказал он, вытирая окровавленные кулаки о рубашку ошеломленного Бергера, и дружески помахал ему рукой на прощание.

Глава 33

Два момента были очевидны. Все происходящее — месть за грехи прошлого. И выбраться живым из этой передряги можно, только надеясь на самого себя. Он осторожно выбрался из постели. От напряжения боль в горле и легких усилилась, но, если позволить боли одержать верх, считай, ты труп. Руки нащупали металлическую спинку кровати, но потом, промахнувшись, он рухнул на пол. Он немного полежал так, зарывшись лицом в изгиб коврика, а затем заставил себя встать на четвереньки. Колени почти не сгибались, так как кожа утратила эластичность, поэтому ему приходилось опираться на руки перед собой.

Он пополз по комнате. Его вкатили головой вперед, так что он примерно представлял себе, где находится дверь. Он быстро ее нащупал и даже смог дотянуться с четверенок до ручки. Как и ожидалось, она была заперта. Он подумал, что, скорее всего, находится в спальне, так что, очевидно, в комнате имеется окно. Найти его, с задернутыми тяжелыми шторами, оказалось несложно. Обнаружив стык между шторами, он попытался нащупать ручку. К его большому удивлению, окно открылось, но всего на несколько сантиметров, дальше что-то мешало. Он понял по звуку, что створку держит шпингалет немного выше.

Он понимал, что ему не хватит чувствительности пальцев, чтобы открыть его, но все же решился на отчаянную попытку. Обессиленный, дрожащий от напряжения он опустился на пол.

Вскоре он услышал звук шагов на верхнем этаже и двинулся обратно. Добравшись до коврика, он напоролся на что-то, по форме напоминающее кольцо. Запустив руку под грубое плетение коврика, он нащупал обод какого-то люка. И снова сверху послышались шаги. Кто-то идет к нему? Из всех сил сдерживая стон, он забрался на кровать. Когда он наконец смог улечься, его затошнило от сильной боли. Конец приближался семимильными шагами. Силы кончались.

Должно быть, он потерял сознание, так как очнулся от внезапного ощущения, что Дьявол стояла рядом с ним. Она подняла его ноги, не так осторожно, как в пансионате, и обернула их пледом.

— Как я понимаю, Астрид заходила к тебе? Бедняжка, ей всегда так тревожно в это время года. Она запирает все двери. Особенно тяжело ей становится в годовщину тех событий. Того ужаса, — Дьявол вздохнула. —

Сломать жизнь таким образом, чудовищно, и непростительно.

Глава 34

В своем «Вольво-24» Рино ехал по тысяча шестисотметровому туннелю, прорытому в самых непредсказуемых участках гор, там, где зимой чаще всего сходят лавины. Не раз машины сбрасывало с дороги вниз по крутым склонам прямо в море. В некоторых местах ему приходилось объезжать камни, лежащие прямо на дороге как предостережение о том, что быть в полной безопасности невозможно, горы намного могущественнее.

Он возвращался со встречи следственной группы в Лекнесе, где представил свои теории. К тому, в чем он убеждался все больше, ленсман отнесся весьма скептически. Пятьдесят прошедших лет, преступление, о котором давно позабыли, приглушили энтузиазм следователей. Интерес вызывал только Шур Симскар, и было решено возобновить поисковую операцию.

Он въехал на последний из двух мостов, соединяющих Рейне с материком, а на середине моста сбавил скорость. В каком-то журнале Рейне назвали самым красивым местом в Норвегии. Оно и неудивительно. Контрасты. Идиллическое и колдовское, безжалостное и жестокое.

Во время поездки у Рино созрела кое-какая идея, и он решил еще раз навестить бывшего директора школы.

И опять дверь открыла жена Тофтена, в этот раз у нее было опухшее со сна лицо. Она сказала, что супруг отдыхает после обеда, но, немного поколебавшись, попросила Рино подождать. Через пару минут в дверях показался бывший директор. Судя по выражению лица, инспектор лишил его сладкого сна.

— Снова вы, — сказал директор, явно не испытывая большой радости от новой встречи.

— Простите, не хотел вас будить.

Тофтен поднял вверх руку:

— Я так понимаю, что-то очень срочное.

— Извините еще раз, но это касается дела, которое мы с вами обсуждали.

— Мальчиков Стрём?

Рино кивнул.

— Если бы кто-нибудь проявил к ним такой же интерес пятьдесят лет назад, возможно, история бы развивалась по-другому. Что вы хотите знать?

— Та учительница, о которой вы говорили, та, что хорошо ладила с

учениками.

— Сёльви?

— Да, Сёльви.

— И что с ней?

— Правда ли, что она преподавала здесь всего несколько лет?

— Да, именно так я и сказал.

— Вы знаете, куда она переехала?

— Знаете что, вы. как там вас зовут?

— Рино Карлсен.

— Рино Карлсен... вы еще больший оптимист, чем Демелес.

— Кто такой Демелес?

— Демелес пытался сдвинуть гору силой мысли.

— Получилось?

— Вы, видимо, настолько же верующий, что тоже так смогли бы.

Простите меня, но нет, пятьдесят лет спустя я не располагаю никакими сведениями о том, где проживает Сёльви Унстад. Кстати, вряд ли ее все еще зовут Унстад. Не думаю, что такая женщина, как она, все еще не замужем.

Вернувшись в участок, Рино сразу же позвонил Фалку, который пока еще не приступил к выявлению всех слабовидящих в муниципалитете, но вяло пообещал заняться этим. Затем он набрал номер реестра населения, где ему сообщили, что Сёльви Унстад в муниципалитете не проживает, и что реестры, которые велись вручную в 1960-е и 1970-е годы, переведены в центральный архив. Женщина, которая, судя по голосу, зарегистрировала население в этом муниципалитете испокон веков, также рассказала инспектору, что она обнаружила серьезные пробелы в старых данных об изменении места жительства, поэтому на его месте она не питала бы больших надежд. Тем не менее она пообещала связаться с центральным архивом и перезвонить Рино, как только что-то узнает. В ожидании Рино поискал данные в интернет-справочнике, но ничего не нашел. Он решил скоротать время, сделав то, что постепенно становилось предметом первой необходимости, — постричься. Еще днем он обратил внимание на табличку неподалеку и рассудил, что поток клиентов вряд ли настолько велик, чтобы он не успел постричься за час.

— Просто подровнять, — сказал он несколько минут спустя, усаживаясь в кресло.

— Ну, тогда вы красавчиком-то не станете, черт подери.

Парикмахер, упитанная девушка лет двадцати, строго посмотрела на него в зеркало. Рино вопросительно кивнул, в ответ она достала ему

маленькое зеркало и подняла над его головой.

— Че, думаете это стильный причесон?

В зеркале Рино увидел проглядывающую через редкие волосы лысину.

— Очень редко кто-то смотрит на мою голову сверху.

— И вы че, никогда не наклоняетесь? По-моему, это прям страшная жуть.

Девушка, одетая в просторный черный балахон, явно скрывающий лишний вес, была яркой представительницей «северянки до мозга костей».

— И что вы предлагаете?

— Давайте сделаем из вас человека, а не какого-то занюханного слюнтяя.

Рино взглянул на себя в зеркало. Что ему терять? Он находился на окраине Лофотенских островов, и к тому времени, как командировка закончится, он успеет превратиться в самого себя.

— Окей, — сказал он, — сделайте меня красавцем.

Через полчаса «Вольво» инспектора со скоростью краба пробиралась по узкой дороге. Из зеркала заднего вида на Рино смотрел незнакомец. Маллет, с которым он не расставался с юношеских пор, исчез, но и новая прическа совершенно не добавляла ему шарма. Он остановился в небольшом закутке прямо напротив дома Фалка. Свежий ветерок охлаждал его затылок, и, поднимаясь к дому, Рино чувствовал себя голым. Постучав в дверь, он просунул внутрь голову и крикнул:

— Есть кто дома?

— В кабинете. Входите!

Он нашел Фалка в комнате, доверху набитой аккуратно расставленными и пронумерованными папками.

— Вы человек порядка!

Фалк обернулся.

— В какой-то мере. В юности был спортивным фанатом. Как вы видите, меня долго не отпускало.

Рино достал одну из папок. *Конькобежный спорт, 1969–1970.*

— Газетные вырезки?

— Да, и это тоже, но прежде всего результаты и показатели. Все это есть в папках.

— А по вам и не скажешь!

— Храню на память.

— Я приехал, чтобы узнать про слепых и слабовидящих. Вы что-нибудь выяснили?

Фалк повернулся на стуле влоборота и достал с полки какую-то бумажку.

— Сначала я позвонил в психолого-педагогический центр, там мне сразу же назвали одно имя и обещали проверить еще, но тут меня посетила одна мысль, — на лице довольно угрюмого коллеги промелькнула улыбка. — Самый простой вариант зачастую самый лучший. Я связался с Норвежским обществом слепых. Ведь они занимаются и слабовидящими, подумал я. Так и вышло. Мне назвали четыре имени, в том числе в муниципалитете Флакстад.

Муниципалитет Флакстад находился по соседству и по количеству населения совпадал с Москенесом.

— Тем не менее, я запросил все имена с 1950 года, — Фалк развернул листок бумаги. — Всего одиннадцать человек, насколько мне известно, по меньшей мере четверо уже умерли. Трое переехали, таким образом, у нас четверо, включая одного ребенка.

Фалк протянул Рино листок, на котором он отметил четыре имени.

— Двое живут во Флагстаде, двое здесь, в Москенесе. Таким образом, если нам нужны только те, кто живет здесь, то у нас два человека.

— Вы их знаете?

— Не очень хорошо. Но я по крайней мере знаю, кто это.

— И эти двое ходили в специальную школу для слепых?

— На курсы — не в школу. Но да, оба ходили на эти курсы. Но только одна из них — в Хюсебю.

Фалк достал ручку и обвел красными чернилами имя *Астрид Клевен*.

— Что вы можете рассказать о ней?

Фалк пожал плечами.

— Живет тут неподалеку.

— Молодая? Старая?

— Примерно моего возраста.

— Когда она училась в Хюсебю?

— В конце шестидесятых.

— Интересно, знакома ли она с теорией о масках злости.

— Думаю, все несколько сложнее. У нее синдром Дауна.

— Значит ли это, что она не может общаться?

— Честно говоря, я не знаю. Она мало говорит, к тому же то, что она говорит, могут понять только самые близкие.

— Вот как. Тогда, наверное, будет эффективнее сначала поговорить со школой, в первую очередь с тем учителем, который продвигал теорию масок.

— Маски злости. — Фалк как будто бы не до конца верил в символическое значение маски.

— Я думаю, если Астрид Клевен действительно училась у этого учителя, это доказывало бы, что именно она нарисовала рисунок, который вы нашли в гараже. И если учитель все еще жив, он мог бы рассказать нам, почему она его нарисовала. Суть же маски в том, чтобы проработать психологическую травму, так?

Фалк резко задвинул папку на место на полке.

— Травмы бывают разными. Сам синдром уже может быть травмой.

— Она слепая или слабовидящая?

— Она носит на лице очки размером с бутылочные донышки, так что, видимо, немного видит.

— То есть слабовидящая. Нападения на людей с ограниченными возможностями случаются чаще, чем мы думаем. Астрид Клевен не только слабовидящая, у нее еще и задержка в развитии. И если она ходила в школу Хюсебю в конце шестидесятых, значит, травма, с которой она пыталась разобраться с помощью рисования, была нанесена до этого времени.

Фалк потер виски. Заметив, что коллега погрузился, а глаза его остекленели, Рино решил сменить тему разговора.

— Хватит об этом, вы помните учительницу, о которой говорил Тофтен, пролистывая старые документы? Сёльви Унстад?

— Я помню, он упоминал ее.

— Я подумал, что надо бы ее разыскать.

— А она-то тут при чем?

— Надеюсь, ни при чем, но так как она была в то время молодой учительницей, возможно, она единственная из учителей школы в Винстаде, кто все еще жив. И я надеюсь, она сможет рассказать нам что-нибудь о братьях Стрём.

Казалось, Фалк снова углубился в свои мысли.

— Она переехала в Трумсё, — резко сказал он.

— В Трумсё?

— Как-то раз я ее встретил. Лет двадцать пять назад, не меньше. Она сама меня узнала.

— Ничего себе. Вы же были еще ребенком, когда она уехала.

— Да.

— Где вы ее встретили?

— В Сволвере. Она ждала паром.

— Трумсё. я позвоню в реестр населения, чтобы узнать, где она живет.

— Она оттуда уехала — так она сказала. Поселилась на острове

Вествогёй.

Рино почувствовал, как по спине от нетерпения побежали мурашки.

— Она сказала, где именно на острове она поселилась?

— Скорее всего сказала, только я забыл.

— Можете кое-что сделать для меня?

Фалк вопросительно взглянул на Рино.

— Войдите в компьютер и найдите номер телефона администрации на острове Вествогёй.

Через полминуты инспектор уже звонил в реестр населения и с надеждой спрашивал, проживает ли в коммуне Сёльви Унстад, прекрасно понимая, что она могла сменить имя. Ответ обрадовал и в то же время удивил его. Сёльви Унстад все еще жила на Вествогёй, так что совершенно непонятно, почему здесь о ней никто ничего не слышал с момента ее отъезда. Ведь она жила всего в часе езды.

Рино уехал от Фалка, абсолютно убежденный в том, что случившееся пятьдесят лет назад оставило неизгладимый след в душах очень многих людей.

Уже начало смеркаться, когда он въехал в туннель, ведущий на Вествогёй. Выехав в другую коммуну, он подправил зеркало заднего вида и снова увидел свой новый облик. Он был похож на прилизанного биржевого спекулянта.

Он проехал мимо административного центра в Лекнесе и поехал дальше по направлению на Сволвер. Около двадцати пяти километров от Лекнеса, сказала женщина в реестре населения, и добавила, что дом престарелых находится примерно в километре от того места, где дорога делает резкий поворот. Выкрашенный в белый цвет дом, который на вид был старше Рино, стоял в окружении елей и рябин. Рино подумал, что в таком месте было бы неплохо провести свои последние годы, медленно жить, чувствуя, как постепенно угасают силы.

Он вышел из машины и размял ноги. Муниципалитет нельзя было упрекнуть в том, что пожилых тут отправляют в глухую резервацию, ведь просто выглянув из окна, постояльцы могли любоваться всеми красотами лофотенской природы: гигантская гора, окруженная закругленными и протяженными холмами. Озеро, живописно разделяющее горный массив. И только пара длинных горных хребтов загораживала вид на море.

Войдя внутрь, Рино заметил, что, хотя муниципалитет когда-то сделал выбор в пользу благополучия и благоденствия стариков, годы дефицита бюджета не прошли незаметно. Одна из медсестер с улыбкой направилась навстречу ему.

— Кого-то ищете? — блеск ее глаз не оставлял сомнений. Хотя большую часть шевелюры Рино потерял, его шарм все еще был при нем.

— Сёльви Унстад, — сказал он, улыбаясь в ответ.

— А, Сёльви. Подождите здесь, пожалуйста.

В ожидании Рино обдумывал идею о том, чтобы провести последние годы жизни в подобном месте.

К нему вышла другая медсестра, полненькая женщина лет шестидесяти, она искренне улыбалась.

— Вы хотели поговорить с Сёльви?

Он кивнул.

— Вам придется воспользоваться нашей помощью. К сожалению, у бедняжки плоховато с речью. Инсульт, — пояснила она.

— Но она может общаться?

— Мы неплохо ее понимаем.

Его проводили в небольшую гостиную с потрепанными старыми креслами, четверо постояльцев посмотрели на него, некоторые даже с любопытством. Он сразу же понял, кто именно из них — пожилая учительница. Лицо перекосилось, но в молодости Сёльви Унстад, без сомнения, была очень красивой женщиной. Она двигалась нервно, как марионетка, и, хотя взгляд казался отрешенным, глаза излучали тепло и доброту. Понятно, почему ученики так обожали свою учительницу.

— Найдите Исаака, — сказала другая женщина — с лицом, покрытым густой сеткой морщин. Если верить убеждению, будто морщины появляются от беспокойства, в жизни этой женщине, видимо, пришлось очень нелегко.

— Исаак там совсем один, — ее тонкий голос дрожал.

Сёльви пробормотала что-то медсестре, которая пересказала ее слова:

— Исаак — это кот. Он потерялся, когда она переехала сюда.

— Найдите Исаака.

— Думаю, нам лучше перейти в палату, — медсестра помогла хрупкой женщине встать и пересесть в инвалидное кресло.

— Там мы сможем поговорить спокойно, — добавила она.

Палата, маленькая и скромно обставленная, была, однако, домашнему уютной. На одной из стен висел рисунок: три птички на камне, окруженном зеркальной гладью моря.

— Вот так. Вы в кресло сядете?

Сёльви едва заметно кивнула. Медсестра подвинула кресло к кровати и присела на ее краешек.

Рино разместился на единственном в комнате стуле.

— Я приехал, чтобы поговорить с вами о том времени, когда вы преподавали, в Винстаде.

Он сразу же заметил, как изменилось выражение ее лица.

— Вы долго там проработали?

Сёльви пробормотала что-то, что он расценил как «два года», медсестра подтвердила его догадку.

— Мне нужно поговорить с вами об этом, так как недавно там нашли скелет человека. Мы уверены, что останки принадлежат подростку, возможно, одному из ваших учеников.

— Оползень? — перебила медсестра.

Рино кивнул.

— Из-за оползня образовалась глубокая расщелина. Там и лежали останки, — он помолчал, — мы пытались выяснить, кто бы это мог быть, и мне рассказали трагическую историю о двух братьях и их отце, который обращался со своими мальчиками совсем не по-отцовски.

Рино провел рукой по свежей стрижке.

— Я исходил из того, что большинство учителей тех времен уже покинули этот мир, поэтому я был крайне удивлен, узнав, что молодая учительница, такая популярная среди учеников, живет всего в часе езды от места событий.

Медсестра с гордостью улыбнулась, но лицо Сёльви не выражало подобного восторга.

— Я говорил с Халвардом Тофтенем, бывшим директором школы в Рейне, он очень тепло о вас отзывался.

Медсестра снова улыбнулась.

— Он сказал, ученики вас обожали.

Глаза женщины наполнились слезами, очевидно, это чувство было взаимным.

— Вам нравилось там работать?

Короткое «да» не требовало перевода.

— Почему вы уехали?

В этот раз медсестре пришлось вмешаться:

— Там стало пустовато.

Рино прекрасно ее понимал.

— Вы помните братьев Стрём? Одного звали Руаль, инвалид, второго — Оддвар, я слышал, отчаянный хулиган.

Сёльви кивнула и снова пробормотала что-то, из чего он уловил лишь обрывки слов.

— Она помнит их, — сказала медсестра.

По выражению ее лица он видел, что воспоминания были не из приятных.

— Один из них утонул. Инвалидное кресло нашли в море.

— О, боже! — воскликнула медсестра.

— Вы помните, как это случилось?

Снова легкий кивок. Видимо, шея тоже пострадала от инсульта. Какое-то время она сидела молча, видимо, пытаясь подобрать слова. Из уголка рта потекла слюна, медсестра вытерла ее и перевела:

— Она хорошо помнит. Это был печальный день для всей деревни.

— Как я понимаю, в ту ночь был сильный шторм?

— Да, это так, — сказала медсестра, явно потрясенная услышанным.

Рино не следовало бы делиться своими подозрениями о том, что на самом деле никакого утопленника не было, но он решил пренебречь писаными и неписаными правилами.

— Вы удивитесь, но у нас есть основания полагать, что найденный скелет принадлежит именно Руалю Стрёму.

На перекошенном лице явно читалось удивление.

— То, что кресло нашли в море, можно считать случайностью, но все же это наводит нас на подозрения. Особенно учитывая, что его брат пропал за несколько недель до трагедии. К тому же в ту ночь погиб не только Руаль, его отца нашли мертвым у подножия горы.

Рука Рино снова коснулась свежестриженного затылка.

— Как вы понимаете, мы пытаемся восстановить ход событий. Мне кажется особенно странным тот факт, что Оддвар просто исчез, и больше его никто никогда не видел. Я думаю, неважно, что именно выяснится, и, честно говоря, вряд ли когда-нибудь мы это узнаем, но. Им, видимо, очень нелегко приходилось дома?

По лицу женщины покатились слезинки.

— Они когда-нибудь рассказывали о том, как им жилось?

— Только не Оддвар, — сказала медсестра.

— А Руаль?

Сёльви кивнула.

— Что он говорил?

Снова бормотание.

— Ему было очень плохо, — сказала медсестра.

— Как именно?

Снова Рино удалось расслышать обрывки слов.

— Его били, — сказала потрясенная медсестра и добавила: — Подумать только, бить калеку!

— Судя по останкам, он подвергался насилию — жестокому насилию.

— Боже мой! — снова медсестра.

— Чем он болел? — спросил Рино.

В этот раз медсестре с трудом удалось разобрать бормотание, пожилой учительнице пришлось несколько раз повторять свои слова.

— Юношеский артрит.

Было заметно, что Сёльви не терпит поделиться, она торопилась, перебивала медсестру.

— У него часто были сильные боли, ему почти всегда нужна была помощь.

— Но не всегда?

— Артрит бывает очень разным, — ответила медсестра, а потом продолжила перевод слов Сёльви. — Она говорит, что иногда он мог ходить самостоятельно.

— Но все-таки отец его бил?

Сёльви кивнула.

— А что вы можете рассказать об Оддваре? Насколько я понял, он держал в страхе почти весь Рейнефьорд.

Сёльви на несколько секунд прикрыла глаза. Затем заговорила, а медсестра слушала, широко распахнув глаза:

— Она говорит, что Оддвар не просто был непослушным, таких всегда много, он был воплощением зла.

— Что она помнит о самом исчезновении?

— Она говорит, что сначала все подумали, будто он в очередной раз отправился воровать, но через несколько дней отец принялся его разыскивать. Ученикам школы пришлось рассказать, что он исчез, и какое-то время одноклассники постоянно говорили, что видели Боа, так они его называли, но затем интерес угас.

— И его признали погибшим? В таком случае, проводили ли прощание?

— Она этого не помнит, — сказала медсестра.

— И вы никогда его больше не видели?

Сёльви покачала головой.

Свои подозрения о том, что Боа мог вернуться домой, Рино решил оставить при себе.

— Но Оддвар никогда не говорил вам ничего, что могло бы объяснить его исчезновение?

— Она никогда не говорила с ним по душам, — объяснила медсестра.

— А мать мальчиков, вы что-нибудь о ней знаете?

Пожилая учительница ответила коротким «нет», которое было понятно без перевода.

Рино приехал в дом престарелых, надеясь, что Сёльви Унстад каким-нибудь образом прольет свет на исчезновение Боа. Но теперь ему приходилось признать, что этого не случится.

— И вы продолжили преподавать? — спросил он.

Сёльви кивнула.

— В Трумсё?

Она явно удивилась, что он знал об этом.

— Она переехала на Вествогёй, когда стало падать зрение, — пояснила медсестра. — Ей пришлось оставить преподавание в начале восьмидесятых.

— И с тех пор вы живете здесь?

Снова кивок.

— Вы были в Винстаде с тех пор, как вернулись?

Она помолчала, а потом пробормотала «нет».

— Почему?

В этот раз медсестра ответила сама, не дожидаясь реакции женщины.

— Она плохо видит, даже в очках.

Рино только сейчас понял, почему взгляд Сёльви казался ему отстраненным и отрешенным.

— Где именно на Вествогёй вы жили?

И снова медсестра ответила прежде Сёльви.

— В Хейнесе. Вы еще не были там? По-моему, это самое красивое место на земле.

— Далеко отсюда?

— Нет, девять-десять километров.

— Тогда я больше не буду вас утомлять.

Когда он встал, Сёльви оживилась, она изо всех сил пыталась что-то сказать.

— Она говорит, что Руаль часто приходил к ней поговорить. Ему очень тяжело приходилось дома.

— Из-за побоев?

Сёльви кивнула.

— Вы знали, что у него переломаны все пальцы. все, до единого?

Сёльви покачала головой. Слезы ручьем катились по щекам.

— Почему же никто из взрослых не вмешался и не помешал отцу?

Снова поток бормотаний.

— Она говорит, что отец был еще не самым страшным злом. Чаще и

сильнее бил Боа.

Как и сказала медсестра, дом Сёльви Унстад располагался в очень живописном месте. На несколько сотен метров от береговой линии простиралась долина с парой десятков домов.

Несправедливо и обидно, подумал Рино, жить в таком красивом месте почти слепой. Он подошел к дому, белоснежному, старинному, но решил не беспокоить новых владельцев и повернул обратно. Осторожно вырубивая на своем «Вольво» по грунтовой дорожке, он заметил черного кота, сидящего на обочине неподалеку. Он вышел из машины и поманил его. Кот скептически взглянул на него. «Исаак», — позвал Рино, но кот не отреагировал. Он попытался снова, с другой интонацией, однако кот не проявил ни малейшего интереса.

Глава 35

Поездку в Осло как будто ниспослали свыше. Желание продолжать общение с Ольгой снижалось в том же темпе, как возрастал ее интерес. Так что, отменяя запланированную встречу в Сволвере, Фалк даже почти не мучился угрызениями совести. Он добавил несколько слов о том, что их дорожки обязательно когда-нибудь пересекутся, но оказалось, у Ольги хорошо развита интуиция, всего через несколько минут она ответила на письмо, назвала его чудаком и попросила больше никогда ей не писать. Это было немного обидно, но всего на минутку-другую — уже сидя в самолете рейса SK4004 из Будё в Осло, он почувствовал облегчение от того, что навсегда попрощался с Ольгой, от которой успел подустать. Однако кое-что его все-таки тревожило. Туманные детские воспоминания становились все ярче, и он до ужаса боялся того, что может открыться, когда туман рассеется.

Фалка, который не был в столице с тех пор, как в 1998 году аэропорт переехал из Форнебю в Гардемуен, новый аэропорт, аэроэкспресс и билетные автоматы слегка сбивали с толку. Лишь выйдя из терминала на Центральном вокзале Осло и усевшись в ожидающее такси, он поверил, что действительно сможет добраться до пожилого учителя. Фалк разговаривал с ним по телефону сегодня утром и записал адрес многоэтажного дома в районе Грюнерлёкка. При виде обветшалой шестиэтажки, выкрашенной в грязно-серый цвет, ему захотелось домой к кошкам. К счастью, внутри все выглядело не так печально, хотя на лестнице пахло чем-то похожим на недосушенные тресковые головы. Он поднялся на третий этаж и остановился перевести дух, прежде чем нажать на кнопку звонка.

Мужчина, который открыл ему дверь, носил солнцезащитные очки, большие, квадратные, настолько темные, что за ними невозможно было разглядеть глаза. Он был одет в черный свитер под горло, лишь редкие спутанные волосы слегка оживляли его мрачный и печальный вид.

— Аксель Вестерман?

— Шансы встретить здесь кого-то другого близки к нулю. Входите.

Вестерман, сгорбленный угасающий старик, проводил Фалка в довольно темную квартиру. Пара бра создавала приглушенный свет, но не более того.

— Садитесь, садитесь, — Вестерман указал на потертый диван, а сам уселся в ветхое кресло. Даже в полутьме Фалк заметил, что кожа на учительском лице была покрасневшей и раздраженной.

— Простите, что здесь такое освещение, скорее, его вообще нет, но понимаете, у меня редкая болезнь. У нее романтическое имя — эритропоэтическая протопорфирия.

В первую очередь страдает кожа. Если я хоть ненадолго выхожу на дневной свет, она покрывается ужасными волдырями, но хуже всего все-таки страшная светобоязнь. Я включил бра, когда вы позвонили в дверь, обычно же я сижу в полной темноте. Использую лампочки по пятнадцать ватт. Менее яркие достать не смог. Конечно, можно было бы назвать это иронией судьбы. — Вестерман поправил пальцем очки. — Я ведь проработал в школе для слепых более десяти лет.

— Здесь достаточно светло, — сказал Фалк, очертания комнаты постепенно проступали из полумрака.

— Что-нибудь выпьете? Правда, готовлю я в темноте, так что не могу гарантировать, что именно попадет в вашу чашку.

Старик улыбнулся, явно довольный своим чувством юмора.

Фалк вежливо отказался и достал папку с документами.

— А вы упорный, — Вестерман почесался. — Подумать только, отправиться в такой далекий путь, чтобы показать мне какую-то картинку.

Фалк открыл папку и вытащил рисунок. В полумраке цвета на злом лице были почти незаметны. Он развернул рисунок и положил его на стол. Вестерман поднял его к тусклому свету бра. Его подбородок блестел от пота, но в комнате было не больше двадцати градусов, так что жарко ему точно не было.

Фалк до сих пор не видел глаз своего собеседника и почему-то чувствовал себя из-за этого не в своей тарелке.

Вестерман поднял с пола настольную лампу и некоторое время пристраивал под ней рисунок, прежде чем включить. Какое-то время он сидел неподвижно, затем снова выключил лампу.

— Вы нашли его на месте подозрительного несчастного случая, так вы сказали?

— Я не говорил, что этот несчастный случай подозрительный.

— Ну, должно быть, так. Вряд ли бы вы приехали в Осло с Лофотенских островов, если бы не пахло жареным.

— Мужчина обгорел до неузнаваемости. Он выжил, точнее, он может самостоятельно дышать, но не более того. И да, многое указывает на то, что его облили бензином и подожгли.

— А маска?

— Все произошло в гараже. Маска висела под самым потолком.

— И смотрела на жертву сверху вниз?

Фалк пожал плечами.

Старик потер подбородок. Тыльная сторона ладони была покрыта волдырями.

— Я узнаю эту боль, — сказал он.

— Маска злости?

— Кто вам об этом сказал?

— Это выяснил мой напарник.

Вестерман снова взглянул на рисунок, на этот раз не зажигая лампу.

— В основном на курсы приходят дети. Не все легко смиряются с потерей зрения, родителям тоже тяжело. Но иногда это далеко не самая глубокая рана. Очень быстро учишься видеть некую схему. По крайней мере, я быстро научился. Многие коллеги считали мой метод сомнительным, им не нравилось, что я сдвигаю фокус внимания. Ведь цель школы именно в том, чтобы помочь справиться с потерей зрения. Но я видел детей с тяжелыми психологическими травмами, как только они входили в класс. Этот мой талант я сохранил до сих пор.

Фалк не в силах оторвать взгляд от солнцезащитных очков тут же почувствовал, что его собственные раны проступили наружу.

— На свете много садистов, самые страшные из них редко попадают в прессу. Главные злодеи, как правило, остаются на свободе. Но мои глаза, боящиеся света, хорошо различают страдания, которые те причиняют своим детям.

Фалк сглотнул и опустил глаза.

— Какое-то время я считал себя первопроходцем, но потом выяснил, что многие дети рисовали, чтобы облегчить свои страдания, задолго до того, как попадали в Хюсебю. Необязательно маски, это все-таки моя идея, но, как ни удивительно, часто они рисовали лица и таким образом овеществляли ту боль и злость, которую копили внутри. Если бы вы поговорили с детским психологом того времени, вам бы сказали, что маски служили своего рода воплощением той ненависти, которую они испытывали к насильнику. А ведь это совсем не так.

Вестерман снова вытер пот с подбородка.

— Скажите, офицер, у вас есть дети?

— Дочь.

— Помните, что она рисовала в детстве?

— Точно не злобные лица.

— Это хорошо. Значит, как отец, вы не наделали грубых ошибок. Самому мне не повезло иметь детей, возможно, именно поэтому у меня и развился этот талант интуиции.

— Маска, — сказал Фалк, чувствуя, что старик подбирается к тому, о чем он совсем не хотел вспоминать. — Что вы можете о ней рассказать?

Какое-то время Вестерман молчал.

— Ее нарисовал не ребенок, — сказал он.

— Вот как?

И снова старый учитель помолчал, прежде чем ответить.

— Рисунок слишком очевидный. К тому же маска злая, но злости в ней нет.

Вестерман поднялся.

— Хотите, я вам кое-что покажу?

Фалк кивнул.

— Возьмите рисунок и пойдете.

Вестерман прошел в маленькую кухню и открыл дверь в соседнюю комнату. Когда зажглись четыре лампочки, он отвернулся.

— Мне нужно время, чтобы привыкнуть, — сказал он.

В свете приоткрытой двери Фалк впервые смог разглядеть глаза за стеклами очков. Вестерман распахнул дверь, и перед ними предстала целая стена рисунков. Фалк вошел в комнату и замер в изумлении. Со всех стен на него смотрели гротескные лица.

— Комнатой никто не пользуется.

Вестерман не стал продолжать свою мысль, но никакое объяснение не могло бы помочь Фалку признать, что открывшееся зрелище было обычным хобби нормального человека. Комната была заполнена потаенным страданием.

— Возможно, вы видите только гору масок злости, как вы их называете, но это вовсе не так.

Вестерман приглушил свет.

— Здесь на стенах сто тридцать два рисунка, у каждого своя история. Каждая травма отличается от других, поэтому и рисунки разные. Можете указать на любой из них, и я расскажу вам, что за ним скрывается.

Куда бы он ни обернулся, Фалк видел только страдание: полные ненависти глаза, широко распахнутые рты, слишком много красного и черного. Он все еще сжимал в руке рисунок. Его нарисовал не ребенок, так сказал Вестерман. Но, возможно, дитя во взрослом теле?

— Например, вот эта, — Вестерман указал на рисунок в центре стены. На его ладони явно были видны волдыри. — Как вы думаете, о чем он?

Фалк сомневался, что действительно хочет это знать.

— Его нарисовала семилетняя девочка. Знаете, от чего она хотела избавиться с его помощью? От своей слепоты, ни много ни мало. Ее мама очень долго мечтала о ребенке, и ее мечта должна была быть идеальной. Дочь стала ее разочарованием, она чувствовала это каждый день. Во многом это лицо демонстрирует нам самую легкую из травм, по крайней мере, девочку никто никогда не обижал, ни физически, ни словами. Но она чувствовала обиду матери настолько сильно, что сделала эту боль своей. Поэтому этот рисунок мне кажется особенно грустным. Он о том, какие мы на самом деле хрупкие, и о том, что зачастую мы причиняем друг другу боль, сами того не желая.

Вестерман повернулся к другому рисунку.

— А здесь у нас другие маски, они рассказывают о более классических жестоких судьбах. Например, вот эта.

Он выбрал рисунок полностью в черных тонах, Фалку пришлось сильно постараться, чтобы разглядеть лицо.

— Сексуальное насилие. В наше время мы и не знали о том, что такое случается. Разразился настоящий скандал, когда я рассказал об этом другим учителям. Этот рисунок, можно сказать, стал началом моего конца. Хюсебю — это школа для слепых, целью которой было облегчить их повседневную жизнь, а не вытаскивать на свет Божий тот ужас, который творится в норвежских семьях. Я получал предупреждение за предупреждением, но рисунки — и истории, которые за ними следовали, — говорили о своем. Я не мог просто отвернуться от того, что мне пытались рассказать дети. Поэтому я проработал учителем всего десять лет, затем меня заставили уйти.

Вестерман снова поправил очки.

— На тот момент болезнь уже развивалась, так что, в любом случае, долго я бы не проработал.

Фалк оглядел собрание отвратительных лиц и вдруг замер. В одном углу внизу висел рисунок, от которого у него перехватило дыхание. Он никогда не ходил ни в какую специальную школу, никогда не встречал мужчину, который считал себя родоначальником терапии с помощью рисунков, и, тем не менее, он тоже рисовал лица, темные перекошенные гримасы скрываемого страдания. В этот самый момент на него смотрел рисунок, почти идентичный его собственному.

— А этот, — сказал Вестерман, заметив, что именно заинтересовало собеседника, — нарисовал мальчик, у которого вместо отца был мешок с дерьмом с садистскими наклонностями.

Комната закружилась перед его глазами.

— В этом случае и психологом не нужно было быть, чтобы распознать жестокость. Следы у бедняги были по всему телу.

— Он плохо видел? — выдавил Фалк.

— Мальчик был не в состоянии разглядеть собственные синяки. Он был полностью слепым.

То есть жестокость порождает одни и те же рисунки.

— Таких отцов нужно. — Вестерман сжал кулак.

— Лишать родительских прав, — закончил Фалк.

Старик помотал головой.

— Их нужно растерзать на клочки.

Фалку не раз хотелось сломать пальцы своему отцу.

— Мы нашли скелет, — вдруг сказал он.

— Скелет?

— Все кости переломаны, — Фалк приехал сюда не для того, чтобы поговорить о скелете, но слова как будто бы сами слетали с губ.

Вестерман внимательно наблюдал за ним сквозь темные очки.

— Может быть, он упал? — сказал он и погасил свет в комнате, а затем добавил, — с большой высоты?

— Кроме черепа.

Вестерман остановился. Свет в комнату проникал только через полуприкрытую дверь.

— Кроме черепа, — повторил он, затем прошел в свою комнату и сел в кресло. — Вы уверены, что не хотите ничего выпить?

Фалк вежливо отказался.

— Если вы спросите меня, я скажу, что это говорит о чрезвычайной ярости. Убить было недостаточно. Нужно было уничтожить.

— Скелет принадлежит мальчику, и все это время мы думали, что его убил отец. Всем известно, что он над ним издевался.

Вестерман покачал головой.

— Но ведь голова цела.

— Отец, в ярости убивший своего сына, остановится, как только поймет, что он наделал.

Фалк решил оставить это без комментариев. Значит, это Боа убил своего брата. И Фалка затрясло при мысли, что когда-то он гордился тем, что сидел на багажнике его велосипеда.

— Тот, кто это сделал, был вне себя от ненависти, — Вестерман снял очки и вытер пот с носа.

Фалк снова взглянул ему в глаза. Зрачки казались огромными.

— Выбор между отцом и братом.

— Выбор?

— Мы практически уверены в том, что мальчик погиб около пятидесяти лет назад. Его отец тоже умер в это время, а брат сильно пострадал при пожаре.

Последнее было теорией Рино Карлсена, но Фалк решил представить это как доказанный факт.

— И там висела эта маска?

Фалк кивнул.

Вестерман взял в руки рисунок.

— Ее нарисовал не ребенок, — повторил он.

— Нам кажется, что мы знаем, кто ее нарисовал. Она не ребенок, как вы говорите, но в то же время и не взрослая.

— Ближе к делу, следователь. У меня начинает болеть голова. В это время года она всегда болит во второй половине дня. И единственный способ ее унять — сидеть здесь в полной темноте.

— Женщина моя ровесница, но у нее синдром Дауна. Она ходила в Хюсебю в конце шестидесятых.

Вестерман положил рисунок на колени и принялся массировать голову.

— Вполне может быть, — сказал он, некоторое время разглядывая рисунок.

— Я надеялся, что вы сможете что-нибудь рассказать мне о нем.

— Вы хотите услышать, что я думаю?

Фалк кивнул.

— Возможно, она и нарисовала эту маску. Но не от злости или от отчаяния. Здесь нет искренних чувств. Либо она пыталась скопировать что-то, что нарисовала когда-то давно, либо кто-то попросил ее это нарисовать.

Фалк почувствовал, как похолодела шея.

— Синдром Дауна, так вы сказали? Помню одну девочку с задержкой развития. Возможно, это именно она.

— Конец шестидесятых?

— Да, примерно так, — Вестерман снова поднес рисунок к глазам. — Мать была здесь с ней, но она так ничего и не поняла.

— Что именно?

— Что произошло.

— Вы имеете в виду, помимо инвалидности?

— Девочка, которую я помню, находилась в состоянии шока. Ее рисунки были полны ненависти. Если мы говорим об одном и том же человеке, то я могу сказать, что ее травма была одной из самых тяжелых, —

старик снова вытер пот с подбородка. — Она была не в состоянии пережить то, что с ней сделали.

Глава 36

Шур Симскар понимал, что что-то пошло совсем не так. Просидев в укрытии остаток ночи и почти весь день, он знал, что ему необходимо взглянуть на нее. Поэтому он решился выбраться из своего укрытия, прекрасно зная, что на него объявлена охота. И вот он сидел на своем привычном месте за кустами и смотрел в окно на первом этаже. Свет в кухне был выключен, шторы в гостиной задернуты. Предчувствуя какую-то беду, он, пригнувшись, стал пробираться к дому. Луч света, возникший с причала, заставил его прижаться всем телом к ржавой бетономешалке, приготовленной к зимовке. Он подполз ближе и спрятался за грудой досок. Слабый свет обрамлял оконный проем. Шур прижался лицом к стеклу, пытаясь рассмотреть хотя бы кусочек комнаты. Там стояла кровать, он видел ступню, не прикрытую одеялом. Он зашел с другой стороны и заметил монстра, лежащего на кровати. Тот лежал на животе, пытаясь освободить ноги. Симскар решил, что навсегда обезвредил Боа, но, выходит, это вовсе не так. В этот момент монстр упал на пол. Он находился в доме женщины, которую Симскар обещал беречь всю жизнь.

Глава 37

Он боялся, что в следующий раз покинет кровать только на носилках из труповозки. Сейчас или никогда. Уже несколько часов он не получал питание и не знал, собирается ли Дьявол что-нибудь ему ввести. И хотя он решил не обращать внимания на боль, когда он упал на пол, в глазах у него потемнело. Он должен оставаться в сознании во что бы то ни стало, поэтому он двигался медленно, останавливаясь, хотя и понимал, что в любой момент Дьявол может войти в комнату. Он отодвинул коврик и продел два пальца в кольцо люка. Хватит ли ему сил его открыть? Прощупав края люка и определив, в какой стороне петли, он потянул кольцо на себя. Люк едва сдвинулся с места, но, по крайней мере, был не заперт. Он переполз на другую сторону и попробовал снова. Люк оказался не таким уж тяжелым, но кольцо выскользнуло из бессильных пальцев. Стены содрогнулись от удара, эхо, скорее всего, достигло и верхнего этажа, но никто не пришел комнату, чтобы проверить, что случилось. Он попытался еще раз, теперь ему удалось вставить колено в проем. Люк поцарапал обожженную кожу, но в данный момент боль не имела значения. Главное, чтобы ему хватило сил сбежать.

Он смог протиснуть в проем вторую ногу, почувствовал, как ветер холодит заднюю часть голени, кожа там была почти невредима. Запах подвала окутал его, запах, дарящий надежду. Он наклонился вперед так, чтобы люк оказался на бедрах. Ноги нащупали что-то похожее на верхнюю ступеньку лестницы. Он перевернулся на живот и двинулся назад, осторожно переступая по ступенькам. Скоро люк уже оказался на уровне шеи, нужно было найти опору для рук. Пальцы почти ничего не могли удержать, поэтому он просунул одну руку между ступенек. Сначала все неплохо получалось, но как только люк опустился ему на голову, силы иссякли. Он успел подумать, что плохо не то, что он упадет, а то, что не сможет подняться, и в этот момент голова тяжело стукнулась о бетонный пол. Низкий гул заполнил голову, но боли он не почувствовал. Пролежав неподвижно несколько секунд, он перекатился на бок. На голове было что-то липкое, он понял, что разбился до крови. Он осторожно пополз по комнате. Грубый шершавый пол царапал колени и ладони. Он полз до тех пор, пока не уперся головой в стену, затем двинулся вдоль нее в поисках дверного проема. Сквозь шум своего тяжелого дыхания он слышал какой-то звук. Он замер, стараясь уловить его снова, неслышно молясь о

том, чтобы она не стояла здесь, в подвале, наблюдая за его попыткой к бегству. Неожиданно рука под ним подломилась, и он упал на пол. Из последних сил он снова поднялся на четвереньки, поставив перед собой лишь одну цель: выбраться отсюда во что бы то ни стало.

Он снова пополз и тут же напоролся на что-то, напоминающее тачку. Эхо от удара металла об бетон еще не угасло, как он обнаружил какой-то проем, ведущий наружу. И в этот момент он ощутил прохладное дуновение. Если ему повезет, дверь в подвал будет распахнута. Он прополз в следующую комнату и почувствовал, что руки утонули в чем-то вязком.

Затем пришел запах, смесь масла и угля. Он представил себя со стороны, обожженное существо, стоящее на коленях в густой луже масла, обессиленное, лишенное возможности двигаться. В дверях его уже ждала фигура. Это была она, Дьявол. Злобно улыбаясь, она опустила руку в карман и достала спичку. Спичка загорелась с первой попытки. Она стояла и смотрела на пламя, наслаждаясь его ужасом. Спичка сгорела и, не упуская его из виду, Дьявол попятилась к выходу из комнаты. Повернувшись, чтобы выйти, она зажгла еще одну спичку. Не глядя, бросила ее через плечо.

В тот момент, когда этот спектакль достиг своего апогея, руки под ним подкосились, и он больно ударился головой об пол. Густая масса попала ему в рот — к счастью, на вкус угля в ней было больше, чем масла. Он несколько раз попытался подняться, но каждый раз руки либо подгибались, либо поскользнулись на полу. В конце концов ему удалось подкатиться вперед, однако везде вокруг себя он нащупывал узкие стены. Опустившись на пол, он заставил себя мыслить рационально. Воздух. Он действительно чувствовал прохладное дуновение возле пола. Медленно он начал ползти туда, откуда дул легкий ветерок, и наконец отыскал выход. Постоянно останавливаясь, чтобы убедиться, что он не сбился с пути, он двигался вперед, ощущая, что дуновение усиливается. Он уже представлял себе, как полуголый выползет на четвереньках на полянку возле дома, и вдруг его рука наткнулась на что-то. Инстинктивно он уже понял, что это такое, но продолжал ощупывать гладкую кожу, убеждаясь, что перед ним ботинок.

Глава 38

Фалк поделился с Рино тем, что рассказал бывший учитель школы для слепых. И хотя и методы его работы, и толкования были крайне нетрадиционными, его рассуждения наводили на неприятные мысли. Действительно ли прошлое девочки с задержкой развития скрывало трагедию? И какая связь была между событиями давно минувших дней и недавним пожаром в гараже?

Надвигалась полярная ночь, дневной свет почти угас к тому времени, как Рино свернул к дому, на который указал Фалк. Стену выкрашенного в белый цвет дома было плохо видно, но в доме точно имелся подвал, так как в земле была выкопана лестница. Одна из крышек, закрывавшая спуск вниз, была отодвинута, и, подходя к дому, Рино заметил несколько ступенек.

Инспектор завернул за угол и прошел по выложенному шифером подъему. Из тени у стены вырисовались женский велосипед и газонокосилка. Лестница была вырублена из грубого дерева, а ступеньки пошатывались. Вывеской служила большая ракушка, но от дождя и ветра некоторые буквы в написанных краской именах стерлись.

Тяжелые капли стукнули по крыше, и тут хлынул ливень. Рино прижался к стене, но это не уберегло его от потоков воды. Он несколько раз резко нажал на кнопку звонка, затем потянул за ручку двери, она оказалась заперта. Втянув в себя шею, чтобы уберечься от дождя, он услышал какие-то приглушенные звуки изнутри дома. Он остановился и прислушался, а потом решил, что, должно быть, это лишь ветер и дождь.

Глава 39

Он не двигался. Рука все так же лежала на ботинке. Он представлял себе, как Дьявол стоит и улыбается, наблюдая за ним. Не поддающаяся контролю дрожь пронзила его тело, он осторожно убрал руку. Он лежал, прижавшись одной щекой к шершавому бетонному полу, и чувствовал, как холодная боль подползает к виску. В запахе чувствовались оттенки гниения и влажного подвала. Он никак не мог установить, что именно так пахло, этот запах был чем-то похож на то масло, в котором он ползал совсем недавно. Звук. Шуршание ботинка по неровному полу. Затем осторожное покашливание, сразу же приглушенное, но егохватило, чтобы понять, что перед ним не Дьявол. Кто-то другой стоял и следил за ним, наблюдал за борьбой за жизнь. Он снова протянул руку и оцупал ботинок. Гладкая кожа. Широкий носок. Большой размер.

— Это я, — прошептал голос, который он не слышал пятьдесят лет, постаревший, но все еще узнаваемый.

Он отказывался в это верить, ждал продолжения, доказательства, что он ошибся.

— В этот раз нам все-таки нужно покончить с нашим дельцем, чертов ты подонок.

Сильные руки подняли его на ноги, и хотя он ничего не видел, все равно знал, что стоит лицом к лицу со смертью.

Глава 40

Когда Рино садился в машину, с его подбородка капала вода. Он прекрасно понимал, что могло пройти много времени, прежде чем Астрид Клевен появится дома, а сидеть и просто ждать он не мог. Получив СМС с информацией о номере, он позвонил Улаву Ристу. Старый шкипер взял трубку, но голос его казался отстраненным.

— Короткий вопрос, — сказал Рино, представившись. — Зимой сюда переехал некий Сигурд Овесен. Через несколько недель он чуть не погиб во время пожара в гараже. Мне хотелось бы знать, ездил ли он в Винстад. Может, вы помните?

— Этой зимой я проходил последний курс лучевой терапии. И хоть я и хвастал, что ничто и никогда не заставит меня покинуть мою лодку, но это не совсем так. С января по август паром водил Рейдар Холм. Вам нужно спросить его.

Рино сразу же набрал номер, который дал ему Рист.

— Как он выглядит? — спросил Холм, когда Рино объяснил ему, в чем дело.

— В данный момент он с сильнейшими ожогами лежит в пансионате.

— А, так это он.

— Вы его знаете?

— Видел пару раз. Понятия не имею, кто он такой. Да, я помню, он ездил туда несколько раз. Обычно зимой туда никому не нужно, но этот парень был явно крайне заинтересован.

— Что он там делал?

— Бродил и напивался впечатлениями, по крайней мере так казалось со стороны. Просто ходил там везде, но всегда был на месте, когда приходило время отчаливать.

— Вы могли бы показать мне, куда именно он ходил?

— Да нечего показывать-то, просто идите по дороге.

— Я готов отправиться прямо сейчас. Но мне нужно, чтобы меня кто-нибудь отвез.

— Это немного неожиданно, дайте мне полчаса.

Двадцать минут спустя Рино поднялся на один из небольших причалов на самом краю бухты, один из немногих, к которым не были пристроены лодочные сараи. Он заскочил домой и захватил верхнюю одежду, так как

дождь и не думал останавливаться.

Мужчина лет семидесяти пяти поднялся со скамейки и двинулся навстречу ему медленной шаркающей походкой. Он был одет в старый комбинезон, на голове у него была потертая бейсболка с рекламой магазина «Кооп», из тех времен, когда тот еще назывался «С-группа»^[9].

— Вы вряд ли что-то увидите там в такую погоду, — сказал он, в уголке его рта вверх-вниз болталась сигарета.

В ответ Рино показал мощный фонарь.

— И что, вы думаете, он осветит весь Винстад?

— По крайней мере, его света хватит, чтобы разглядеть, куда я иду.

Холм покачал головой и побрел к старой, явно отслужившей свой срок шхуне.

— Вы Овесена на ней туда возили?

Хольм презрительно взглянул на Рино через плечо и поднялся по трапу.

— Нет, но она сгодится, чтобы доставить вас туда и обратно.

От тридцати с чем-то футовой шхуны пахло десятилетиями рыболовецких сезонов на Лофотенах. Рино проследовал за шкипером в рубку и присел на небольшой ящик. Для удобства пассажира предлагался лишь плед, который вряд ли стирали в этом тысячелетии. Он сидел, наблюдая за фонарями, зажигающимися в поселении, расположенном в форме подковы. Вполне возможно, что Боа так же сидел и любовался этими огоньками, а как только судно вышло в открытое море, они утонули в кромешной тьме.

Тяжелые волны сильно раскачивали шхуну, и Рино чувствовал, как у него в животе все переворачивается.

— Как он выглядел? — спросил он, когда Холм обогнул мыс и направился в Винстад.

Холм вопросительно взглянул на инспектора. Тонкая сосудистая паутинка занимала обе его щеки, из-за этого кожа казалась почти прозрачной.

— Мне просто нужно общее представление, фотографии ведь у нас нет.

— М-да, как он выглядел. — Холм все еще посасывал окурочек сигареты.

— Полный или худой, темноволосый или блондин?

— По крайней мере волосы жиденькие, — Холм усмехнулся и почесал за ухом. — Ну и поесть явно не забывал.

— Полный?

— Пухленький, как говорит моя жена.

То подобие мумии, которое Рино видел в пансионате, было далеко не пухлым. После месяцев на больничной койке он явно сильно похудел.

— Какие-нибудь особенные признаки?

Холм немного помолчал, сосредоточившись на том, чтобы входить в волны помягче.

— Я ничего такого не заметил. Разве что немного потрепанный.

— Как это?

Снова молчание.

— Лицо худое, а сам вполне упитанный.

Шхуну качало еще сильнее, каждый раз, когда судно падало с гребня волны, казалось, что горы, окружавшие фьорд, вздымались до небес. Рино расставил ноги шире, чтобы не упасть с ящика, и старался глотать чаще, так как подступала тошнота. Он попытался вытянуть шею, но так и не смог разглядеть свет в Винстаде.

На высокой волне шхуна чуть не перевернулась.

— Шалит, — Холм выдавил хмурую улыбку. — Если вам действительно нужно туда попасть, похоже, нам придется выбрать другой маршрут.

Рино уже пожалел, что они отправились в море в такую погоду, но Холм был твердо уверен в том, что сможет доставить инспектора в Винстад вопреки непогоде. И Боа, видимо, был твердо в этом уверен, если учесть всю его предысторию. Что он там искал? Может быть, спустя все эти годы его настигло раскаяние и он захотел навестить могилу брата?

— Он просто уходил по дороге вглубь деревни?

Недовольный взгляд старика.

— Наберитесь терпения. Для начала мне нужно доставить нас обоих к причалу.

Волны не утихали, хотя до берега оставалось меньше пятидесяти метров.

— А здесь лежит *Rita*, — сказал, не оборачиваясь, Холм, который изо всех сил осторожно вел шхуну по волнам.

— Кто такая Рита?

— Моя бывшая, — Холм усмехнулся и взглянул на инспектора через плечо. — «*Rita*» — это яхта. Мы всегда даем красивые имена нашим лодкам. Вот эту шхуну зовут «*Эллен Катрине*».

Волна задрала нос лодки до самых небес, и Холм выругался.

— А что, до завтра подождать было никак нельзя?

Вжавшись в ящик, на котором он сидел, Рино не мог не согласиться.

Он дал себе десять минут. Если до этого времени они не причалят, его точно стошнит.

— «Рита», — продолжил Холм, — затонула во время сильного шторма еще в шестьдесят третьем. Два влюбленных голубка против моря и ветра. Одному из них это стоило жизни.

Та самая трагедия, о которой рассказывала женщина с заправки.

— Их не просто застал шторм. Тучи опустились очень низко, почти до прибрежных камней, и они сбились с курса. Они думали, что находятся в открытом море, но на самом деле яхта лежит где-то вон там.

Холм показал на скалу, которая, как показалось Рино, находилась в опасной близости от шхуны.

— Парочка дайверов случайно нашла ее.

И снова нос судна взлетел в небо, Рино услышал, как что-то позади него упало и покатилося. Ему все меньше и меньше нравилось это путешествие.

— Но ведь один из них выжил?

Холм кивнул.

— Такова воля Божья.

— Он выплыл на берег?

Холм обернулся и посмотрел на Рино как будто с осуждением.

— Именно это он и сделал. Мы особо не болтаем о таком. Мужчина пришел в себя и вернулся в море. Мы тут от проблем не бегаем.

Наконец шхуну стало качать меньше, Холм снизил скорость.

— Что-то тут темновато, — Рино разглядел лишь парочку огоньков в кромешной мгле.

— Ну, у вас же с собой фонарь, — сухо ответил Холм и выбросил окурок в окно.

Лодку все еще покачивало, когда Рино решился выйти на палубу. Ветер не утихал.

— Была зима, холодно, — Холм сильно шмыгнул носом. — Но сначала он прошел немного вглубь деревни. А затем поднялся вон по той дороге.

Холм указал налево от причала. Берег в том месте казался еще более негостеприимным, а постройки можно было пересчитать по пальцам одной руки.

— Вам пока не видно, но за ближайшим домом есть высокая скала. Он поднимался туда.

До Рино начинало кое-что доходить.

— А вы никогда не спрашивали его, что он там делал?

Холм поправил бейсболку.

— Первый раз спросил, просто, чтоб не молчать, но он увильнул. Вменяемого ответа я так и не получил.

— Дадите мне час?

— Если уж мы в такую погоду сюда добрались, я спокойно подожду часок. Наслаждайтесь!

Рино, покачиваясь, спустился по трапу на твердую землю. В темноте он едва мог разглядеть очертания пары десятков домов. Ему говорили, что здесь упрямо держит оборону одна женщина. Пожалуй, он не будет ее беспокоить.

Из-за усиливающегося ветра дождевик хлестало по телу, а когда он натянул на голову капюшон, звук трепыхающейся одежды почти оглушил его. Что чувствовал Боа, выходя на берег Винстада через столько лет? Он сбежал отсюда подростком, чтобы никогда не возвращаться. Что ты с собой сделал, Боа? Как тебе удалось создать новую жизнь, почему никто тебя не узнал? Рино повернулся и постарался закрыться рукой от дождя и ветра. Отсюда он мог выбраться только на лодке, но куда он отправился? Кто-то взял тебя с собой, Боа? Кто-то спрятал мальчика, который терроризировал всю округу? А потом, когда многие поняли, что именно здесь произошло, почему кто-то продолжал его укрывать? Прятать Боа, садиста, который бил своего единокровного брата? Очевидно, Боа знал, что все, кто жил здесь в те времена, уехали или умерли, а единственная жительница поселения слишком молода, чтобы его узнать.

Проходя мимо старой школы, Рино услышал, как стучат оконные рамы. Струи дождя, как лучи лазера, прорезали отсвет фонаря, которым инспектор освещал дорогу перед собой. Он остановился перед одним из самых ветхих домов, разбитые окна голо зияли перед ним. Луч света осветил ржавую оцинкованную крышу и стены, подготовленные к покраске. Кажется, он уловил какое-то движение в одном из окон? Он подошел ближе, луч фонаря теперь освещал кусочек стены внутри дома. В этом доме никто не жил несколько десятилетий. Рино решил, что в поле его зрения попал колышущийся капюшон. Он двинулся дальше, в еще более пустынную местность, большие и маленькие валуны с обеих сторон обрамляли дорогу. Гул электропроводов прорвался сквозь рокот ветра. Рино поднял взгляд и увидел, как провода танцуют на ветру. Кто бы ни лишил жизни калеку, отец или Боа, вряд ли они сделали это дома. Ведь в этом случае нужно было протащить тело более километра, и кто-нибудь непременно заметил бы, что произошло. Рино решил, что убийство не было запланировано, и что Руаля Стрёма закопали прямо на месте преступления.

Перед инспектором выросла стена земли и камней. Если бы оползень сошел иначе, свернул всего на метр правее или левее, останки Руаля Стрёма так и остались бы в земле на веки вечные. Знал ли Боа об оползне? Знал ли он, что останки его брата обнаружены? Ведь никто в пансионате не знал настоящего имени постояльца, поэтому, скорее всего, он до сих пор жил в неведении о том, что случилось в Винстаде около месяца назад.

Когда Рино повернул обратно, дождь прекратился, но ветер все еще не утихал. Скоро он дошел до самого ветхого дома в Винстаде, маленького, стоящего на отшибе. Подойдя на несколько метров поближе, он увидел свое блеклое отражение в одном из окон. Из-за глубоко надвинутого капюшона, скрывающего лицо, он выглядел, как палач. Возможно, именно палачом назначил себя тот, кто через столько лет вернулся на место жестокого преступления.

Рино осветил фонарем фасад дома. Краска почти полностью слетела с прогнившей обшивки, стена настолько обветшала, что едва удерживала разваливающийся дом. Он направил свет фонаря на окно, заросшее по краям грязью, и взглянул внутрь, как он полагал, гостиной. Голые стены из массивного дерева, кресло-качалка и самодельный стол. Половина семьи была стерта с лица земли в ту ночь. Неужто все осталось, как было, с тех времен? Смог ли Боа войти в дом, в котором обстановка была точно такой, какой он ее помнил? Рино подошел к входной двери, она была заперта. Забрал ли ты с собой ключ, убегая, Боа? Или спрятал его где-нибудь здесь? Рино взглянул на часы. Прошло уже около сорока минут, так что он решил не испытывать терпение Холма.

Когда Рино повернул в сторону причала, ветер и не думал утихать, так что он с тревогой представлял себе обратную дорогу. Спускаясь по узкой грунтовой дороге, он заметил, как шхуна раскачивалась у причала, натягивая канаты. Он поднял руку, чтобы поприветствовать Холма, на случай, если тот следит за ним, и пошел дальше. Поросший травой деревянный настил обнаружился в пяти метрах от него там, где скала резко обрывалась. Из-за дождя поверхность была гладкой и скользкой, так что, пробираясь к краю настила, Рино несколько раз с трудом удавалось сохранить равновесие.

Брал ли отец тебя с собой сюда, Боа? Наблюдал ли он отсюда за лодками на море? Следил ли ты за ним в ту штормовую ночь, чтобы незаметно подкрасться, пока он вглядывается в бушующее море? Легкого толчка было достаточно, ведь так? Рино поднялся на подкашивающиеся ноги. До края настила было еще далеко, но он чувствовал, как манит к себе

обрыв. Он увидел свет на шхуне, причал темным отростком вырисовывался в окрестном пейзаже. На другой стороне пролива Рино разглядел небольшое поселение. Теннес. Место, где вырос Бергер Фалк. Где ты был в ту ночь, Бергер? Лежал в своей комнате в Рейне и слушал, как скрипят от ветра стены вокруг тебя? Почему ты почти ничего не помнишь о том, что тогда случилось?

Рино говорили, что в проливе находится старая электростанция, но он мог разглядеть лишь очертания гор в плотной темноте.

На что смотрел твой отец, когда ты подкрался к нему, Боа? Рыболовные лодки давным-давно пристали к берегу. Что-то случилось в Теннесе? В темноте Рино мог лишь угадать силуэт горного хребта, но все же он заметил, что за горами в самом центре фьорда сформировался небольшой залив. Он подумал, что если бы не забрался так высоко, то никогда не смог бы разглядеть эту бухту. Рино стоял и смотрел на длинный узкий фьорд перед собой, и в его голове появлялись новые мысли о том, что произошло в ту штормовую ночь.

Глава 41

Фалк почти не заметил перелет из Осло в Лекнес, как и дорогу из Лекнеса в Рейне. Он все время вспоминал свою встречу с Акселем Вестерманом, и тот рисунок, очень похожий на его собственный, сделанный в юности.

Он сидел в своей комнате, униженный и раздавленный. Из гостиной раздавался рычащий голос отца и иногда успокаивающие слова матери. Она слишком хорошо знала, что такое побои и отвержение, и знала, что от напоминаний о том, кто именно кормит семью, легче не становится. Долгие дни на рыболовных шхунах не могли оправдать побои. Никогда. Сопли и слезы капали на рисунок, из-за этого линии замывались, а цвета смешивались. Он сбросил рисунок на пол, уткнулся лицом в письменный стол и тихо зарыдал. Позже, когда он поднял листок с пола, то увидел, что от слез отвратительное выражение лица стало еще ужаснее. Застывшая гримаса и воспоминания, которые будут преследовать его всю жизнь.

В то время он не знал, что он — далеко не единственная жертва. Прямо за проливом, всего в нескольких сотнях метров, с таким же жестоким отцом жил мальчик-инвалид.

Зло в маленьком сообществе.

Если все вокруг знали, как отец обращается со своими мальчиками, возможно, знали и о маленьком Бергере Фалке? Знали и о побоях, и о том, что синяки на его теле вовсе не от падений в горах?

Внезапно он оказался на мосту Рейнехалсен. Он свернул на площадку, где с июня по август были припаркованы трейлеры. Откуда, черт возьми, этот Аксель Вестерман все знает? Как он мог разглядеть за своими темными солнцезащитными очками, что незнакомца, сидящего перед ним, в детстве бил отец?

Тяжелее всего было справляться с чувством стыда, и, сидя в темной комнате, Фалк испытывал стыд. Он вышел из машины и прислонился к большому валуну на краю обрыва. Он знал, что не сможет сдержаться, и закрыл лицо руками, борясь с подступающими слезами. Одежда впитала влагу и холод от камня, и постепенно Фалк пришел в себя. Дрожащими пальцами он достал мобильный телефон. Всю жизнь, каждый раз, когда воспоминания становились особенно мучительными, он окружал Сандру особой любовью, воплощая то, чего не было в его собственной жизни.

— О, это ты? — ее голос радостно зазвенел — как обычно.

— Просто хотел убедиться, что у тебя все хорошо.

— У меня? Разве это я ходила на свидание?

По голосу было слышно, что она сгорает от любопытства.

— А, это.

— Что? Ожидания не оправдались?

— Яне пошел.

Тишина на другом конце провода.

— Ты где? Тебя плохо слышно.

— На Рейнехалсене.

— Боже мой, что ты там делаешь в такую погоду?

— Дышу свежим воздухом.

— Да, сейчас это несложно, — ее вздох означал «О мой безнадежный папа».

— А почему ты не пошел? Ты предупредил ее, что не придешь, или она все еще сидит и ждет тебя?

— Мне нужно было в Осло. Это связано с тем делом о скелете.

— Скелет пролежал в яме пятьдесят лет, а в Осло тебе нужно было поехать именно сегодня?

— Это важное дело, между прочим, — он посмотрел на свои криво сросшиеся пальцы. — Очень важное.

— Тебе опять плохо?

Этот вопрос ошеломил его. Они никогда не разговаривали о его чувствах. После смерти Кристины он очень тосковал, чувствовал себя одиноко, но это естественные человеческие эмоции, а не диагноз.

— Да, — признание вырвалось само собой.

— Это дело так много значит для тебя, потому что. этот мальчик. с ним жестоко обращались?

Он прижал к подбородку сжатый кулак. Они никогда не обсуждали останки, но слухи все-таки достигли ее ушей.

— Ты приедешь? — спросил он.

— Завтра, — голос звучал твердо.

— Приезжай, когда хочешь. Я всегда тебя жду.

Какое-то время он просидел на пронизывающем ветру. Видимо, она давно все знала, и каждый раз, когда он требовал доказательств, что с годами она не стала ему чужой, она все понимала. Может быть, его душевные раны были заметнее, чем казалось, а может быть, Кристина рассказывала ей о его детстве. Милая добрая Кристина, которая всем желала добра и которая покинула его так рано.

Проглотив ком в горле, он решил зайти в участок и подписать счет за

командировку, иначе он бы забросил его и забыл. Не успел он открыть дверь, как услышал, что звонит телефон. Значит, напарник забыл перевести телефон на дежурный мобильный. Телефон перестал звонить, но сразу же затренькал снова. В ушах у Фалка все еще звучал радостный голос Сандры.

— Меня зовут Йоар Лисо. Я звоню по поводу Сигурда Овесена.

— Да? — мысли Фалка закрутились в бурлящем омуте.

— Он переехал в Рейне около полугода назад. Мы общались только через интернет, знаете ли, мир давно стал цифровым.

Цифровой мир. О чем это он?

— Но этой весной наше общение прервалось. Я отправил ему много сообщений, из разных программ, но ответа не получил. А ведь мы бог знает сколько лет играли друг с другом в шахматы по интернету.

Бог знает. Почему никто не помог ему тогда? Почему никто не приплыл в Теннес и не избавил его от отца?

— И я забеспокоился.

Слова ускользали. Они казались незнакомыми, он не понимал их смысла. Между прочим, мир вовсе не был цифровым. Мир был сумасшедшим, стал таким после первого удара. Ему тогда было не больше пяти-шести лет, а повод он помнил сегодня так же ясно, как и тогда. Он перевернул ведро, и скользкая рыба разлетелась по всему полу. Как могли его товарищи делить лодку с тем, кто избивает своего ребенка, смеяться над его шутками, радоваться, когда улов был удачным? Как им удавалось не думать о том, что происходит, когда он возвращается домой?

— Так что я просто хотел убедиться в том, что у него все в порядке. Я, конечно, без проблем найду другого партнера для игры.

Треск. Из телефонной трубки. Господи, как же он ненавидел своего отца.

— Я не успокоюсь, пока кто-нибудь не съездит к нему и не проверит.

Успокоюсь. А когда он сможет успокоиться? Каждый день, каждый час, каждую минуту он с тревогой ждет неизбежного, того, что рано или поздно произойдет.

— не могли бы вы это сделать?

Он никогда бы не смог этого сделать — ударить свое дитя. Наоборот, он дарил Сандре любовь, которой хватило бы на двоих. И все-таки. его дорожка не была прямой. Он был вместе с Боа в тот раз и знал, что то, что сейчас окутано туманом забвения, приведет его в ужас, когда туман развеется.

— Я обо всем позабочусь, — сказал он и положил трубку.

Внезапно он вспомнил запах. Запах возбуждения и страха, смешанный

с запахом кислого пота. Запах зверского преступления. Однажды давным-давно.

Он не знал, сколько времени просидел в участке, но, уезжая, забыл о бухгалтерском отчете за командировку и решил, что на свете очень много странных людей.

Глава 42

Его несли на плече, и при каждом нетвердом шаге легкие сжимались и могли дышать лишь вполовину. Вдалеке он слышал звуки автомобилей, а еще, как ему казалось, где-то в море на лодке шумел подвесной мотор. Он понял, что они спускаются. К морю.

Мужчина молчал, только тяжело и громко дышал. Нести его было явно нелегко.

Он потерял сознание и очнулся, только когда его положили на что-то твердое. Звуки волн, бьющихся о валуны и покрытые ракушками столбы, не оставляли никаких сомнений: он на причале. Очень скоро его снова подняли, обожженная кожа растянулась и сжалась, и тут он почувствовал, что его ноги бьются о край причала. Мужчина спускался по трапу.

Еще до того, как его сгрузили на лодку, он понял, что лодка эта небольшая. Он слышал, как она колышется на беспокойных волнах, их удары были глухими и частыми. Скрючившись, он лежал между двумя скамейками. Он сразу же почувствовал, что на дне лодки вода, когда лодка накренилась, вода перелилась с одного конца на другой.

Канаты были отвязаны, они отошли от причала. Каждый раз, когда лодка накренялась, ему в рот или в нос попадала вода, но постепенно он подстроил свое дыхание под колыхание лодки. Пока он так лежал — задерживая дыхание каждый раз, когда в лицо попадала вода, — перед ним вставали давно забытые картинки.

Отец отправился на поиски уже в тот же вечер, по взгляду, которым он посмотрел на мальчиков, было понятно, чего именно он опасается. Они пошли искать втроем, а потом к ним присоединились соседи, хотя обвиняли во всем отца, считая, что именно из-за него все и произошло.

Сколько прошло времени до того, как мать вынесло на берег, он уже точно не помнил, но воспоминание осталось ярким: волосы, уже не затянутые в жесткий пучок, а распущенные, спутанные, с застрявшими в них водорослями. Она лежала лицом вниз, уткнувшись в морскую воду, и, сидя в одиночестве на скале, глядя на колышущуюся на волнах всего-то метрах в пяти от него маму, он чувствовал только злость. Волны пронесли ее последние метры до берега, и она осталась лежать в окружении желто-коричневых водорослей. Он долго сидел и смотрел на нее, на белые, как мел, руки, на волосы, спутавшиеся в один пучок с водорослями. Потом наклонился и взял ее за плечо. Она была очень тяжелой, все его силы ушли

на то, чтобы ее перевернуть. Лицо превратилось в неузнаваемую массу мяса и запекшейся крови, а там, где когда-то были глаза, зияли две пустые ямы.

Утонув в своих воспоминаниях, он позабыл о том, где находится, и случайно глотнул воды. В этот момент, как он понял, весельная лодка пришвартовалась к более крупному судну. Весла подняли, его перегрузили на борт и занесли вниз в трюм. Значит, замерзнуть насмерть ему не придется. План состоит в другом. Его положили на пол на тонкий коврик. Он дрожал всем телом, но едва замечал, что мерзнет. Все его органы чувств были сосредоточены на судне, как медленно оно начало движение, как мягко повернуло, а затем постепенно ускорилось. Он понял, что они поворачивают направо, затем снизили скорость, приближаясь к подводным скалам при входе в гавань.

Хотя за последние пятьдесят лет он ни разу не слышал голоса того, второго мужчины, он сразу же узнал его. И тут же понял, что его ждет. Судно сменило курс, и он представил себе, как расширяется Рейнефьорд, а на горизонте проступает Винстад. Воспоминания, которые он тщательно пытался забыть всю свою жизнь, стали реальнее, чем когда-либо. Казалось, будто шторм — из-за которого фьорд лежал в дымке дождевых облаков и бурлящего моря — снова захватил его. Возможно, так оно и было, потому что судно тяжело прыгало по волнам, из-за чего его бросало от одного борта к другому.

Итак, сейчас я расскажу тебе то, о чем никогда никому не рассказывал. О моей матери. Ее вынесло на берег через несколько дней после того, как она покончила с собой. Это я ее нашел. Ее лицо было совершенно неузнаваемым, видимо, орлан выклевал ей глаза, а потом поживился щеками и подбородком. Наверное, я должен был быть вне себя от горя, обнаружив ее, однако я подумал, что подобная унижительная смерть была ей наказанием за то, что она бросила меня. Она лежала в куче водорослей, а я сидел рядом. Она смотрела в небо своими пустыми глазницами, и все, чего я мог ей желать, это гореть в вечном аду.

Я коснулся ее плеча ногой и подтолкнул, чтобы течение подхватило ее. Я видел мать последний раз в жизни. Очевидно, ее мотало по морю до тех пор, пока птицы и рыбы не растерзали ее на клочки. Я постоянно ходил на скалу над морем, нет, не для того, чтобы отыскать ее, но чтобы запомнить этот момент. И там, запоминая, как она медленно отдаляется

от берега, я почувствовал. Я способен на убийство.

Глава 43

Рино уже дважды покормил чаек, поплевал по ветру, и все-таки его вырвало сразу же, как только он ступил на берег. Это путешествие навело порядок не только в его голове, но и в желудке. Многое все еще было непонятно, например, как связаны пожар в гараже и женщина с задержкой в развитии? Но, по крайней мере, нельзя исключать, что она каким-то образом была участницей тех трагических событий, которые произошли в Винстаде.

Он стоял, прислонившись к стене лодочного сарая, и ждал, пока революция в животе закончится.

— Вместо «спасибо» вы блюете на мой причал! — судя по голосу, Холм скорее ликовал, чем сердился.

— Не на причал, а у причала, — Рино вытер рот и постарался улыбнуться.

Холм вытащил наполовину выкуренный окурок и с явным наслаждением затянулся.

— Ну, это вам понадобилось туда ради жизни и смерти в такую погоду.

Пару бутербродов и чашку кофе спустя тошнота улеглась. Рино сидел, уставившись на один из тетушкиных списков дел, лежащий на кухонном столе. Он вовсе не собирался выполнять какие-либо пункты, просто ему стало интересно, насколько далеко простирались ее эгоистические ожидания. В ближайшее время ему предстояло сообщить ей, что у него нет ни времени, ни возможности осуществить этот грандиозный проект, так что придется ей покраснеть перед своими товарками — которым она, конечно, уже все уши прожужжала о том, какой замечательный у нее племянник.

Ветер не утихал. Осенние листья кружились вдоль дороги, деревья у дома по соседству гнулись. Буря, подумал Рино, но не шторм, как в ту ночь, когда отец Боа выбрался на свой наблюдательный пункт. Стоя на том самом месте и глядя на поселение, где вырос Бергер Фалк, Рино не мог не отметить, насколько странно, что коллега ничего не помнит о том дне. Ему в то время было двенадцать или тринадцать лет, и, хотя он и переехал в Рейне за несколько месяцев до трагедии, все-таки в том возрасте дети впитывают все впечатления. Вряд ли так уж часто что-то необычное происходило в те времена в рыбацких деревушках. Очень редко, решил

Рино, тем более странно, что любезный Фалк совершенно ничего не помнит о той штормовой ночи. Он больше не мог позволить коллеге оставаться апатичным и незаинтересованным. Наплевать на его частичный больничный. Фалку придется заняться этим делом вплотную.

Рино сидел и думал о том поселении, где вырос его напарник, и вдруг заметил какую-то женщину, она шла быстрыми шагами, сгорбившись от ветра. Вся ее фигура излучала отчаяние, и он очень удивился, когда она свернула к дому тетушки. Он поднялся и вышел ей навстречу.

— Господи, я звоню вам уже полчаса, — женщина, в которой Рино опознал одну из медсестер из пансионата, с трудом переводила дыхание. В этот самый момент он вспомнил, что забыл переключить рабочий телефон на мобильный.

— Что случилось?

— Герой, — она прижимала к подбородку платок. — Он пропал.

Прошло несколько секунд, прежде чем Рино понял.

— Сигурд Овесен?

Она кивнула.

Теперь он вспомнил. Ее звали Каспара, именно ее заведующая пансионатом пригласила в кабинет, чтобы рассказать о состоянии Овесена.

— Я забрала Героя к себе. Знаю, что поступила неправильно, мы наверняка нарушили кучу правил, но мы действовали в его интересах. Он так разволновался после посещения этого Симскара, и теперь, боюсь, именно Симскар виноват в его исчезновении.

Голос ее сорвался.

— Нужно что-то делать. Герой очень уязвим.

Рино понял, что один он не справится.

— Дайте мне минуту, — сказал он и набрал номер Дрейера, который тут же пообещал снарядить отряд. Плотнее запахнув пальто, Каспара уселась в «Вольво» рядом с инспектором. К удивлению Рино, она показала на дом, который он обследовал сегодня утром.

— Астрид Клевен живет у вас? — спросил он.

Каспара была явно озадачена тем, что он об этом знает.

— Да, но она ничего не слышала и не видела.

Рино почувствовал, как по спине бежит неприятный холодок.

— То есть они оба живут у вас?

— Это всего на одну ночь. Уже завтра Героя должны были перевезти в Лекнес.

— Вы ее родственница? — спросил инспектор, выходя из машины.

Каспара подозрительно взглянула на него.

— Нет, у Астрид никого из родных не осталось. Но мы всю жизнь соседствовали, так что последние двадцать лет она живет у меня.

Недоброе предчувствие усилилось, когда Рино вошел в дом медсестры.

— Я говорила с Ингрид — заведующей — она крайне взволнована. Мы перевезли его сюда, чтобы он был в безопасности, и вот этот Симскар врывается и похищает его!

Голос Каспары почти срывался.

— Спускайтесь вниз по лестнице, он лежал там, в комнате на первом этаже.

Рино проследовал в темный коридор, что было весьма странным, ведь в панике должны были проверить все и включить свет повсюду. На лестнице было темно, и он едва угадывал ступеньки перед собой.

— Я обыскала весь дом, — он услышал ее голос через открытые двери.

В конце лестницы был небольшой закуток, и Рино вздрогнул, заметив там женщину, которая немного покачивалась и смотрела в пол. Он сразу же заметил явные черты синдрома Дауна. Это была Астрид Клевен, та самая женщина, которая ребенком ходила в школу для слепых Хюсебю и чьи рисунки, по мнению экспериментатора Аксея Вестермана, говорили о тяжелой непрожитой травме.

— О, Астрид, — Каспара возникла в дверях. Ее седая шевелюра плотно облегла череп, — она плохо переносит шум и стресс, бедняжка. Ей пришлось уступить Герою свою комнату, и она до сих пор не может понять, что происходит.

Каспара опустила перед женщиной на колени и погладила ее по щеке. Рино говорили, что Астрид Клевен около шестидесяти лет, но он бы ни за что не дал ей столько. Ее лицо было совсем гладким, без единой морщинки, а из-за коротко постриженных волос она казалась совсем девочкой.

— Я забочусь об Астрид уже около двадцати лет, и я обещала не оставлять ее, пока это в моих силах.

Каспара обняла женщину.

— Но сейчас мы все должны сделать все возможное, чтобы разыскать Героя.

Рино прошел в комнату, где вся мебель была сдвинута в угол, а посередине стояла только больничная кровать.

— Он здесь лежал? — спросил он.

— Меньше суток.

— А что, так действительно можно?

— Мы действовали из лучших побуждений.

Рино отодвинул стойку для капельницы и присел на кровать.

— Я думал, что для организации подобного перемещения нужно получить согласие департамента здравоохранения или еще что-то такое.

— А спросите-ка департамент, чем они помогли Астрид? — Ее интонации стали жестче. — Они бы предпочли запихнуть ее в какую-нибудь богадельню, где никому до нее и дела бы не было. К тому же, после того как этот Симскар навестил Героя, я действительно разволновалась.

— Если вы посчитали, что Симскар представляет для пострадавшего угрозу, было крайне недальновидно поместить его сюда, не уведомив нас.

— Но что же нам было делать? Полиция ищет Симскара, а найти не может, и Герой запаниковал. Мы поступили так, как посчитали правильным.

— Вы позволили кому-то его похитить. Если бы Оверсен оставался в пансионате в окружении медперсонала, этого бы не произошло.

Каспара закрыла лицо руками.

— Мы ошиблись, теперь я это понимаю, но нельзя ли наконец хоть что-то предпринять? Надо же отыскать его!

— Подкрепление из Лекнеса прибудет через час. Без них я вряд ли смогу что-то сделать, разве что собрать информацию.

— О Господи! За час его куда угодно увезут!

— Вы знаете, каким образом Симскар проник в дом?

— Через подвал. Здесь в полу есть люк, — Каспара приподняла ковер, который кучей лежал на полу.

— То есть это комната Астрид?

— Это одновременно и спальня, и гостиная.

— А зачем люк в полу?

— Обычное дело в старых домах.

Рино пошевелил ногой кольцо люка.

— Она все еще рисует злые лица?

Женщина, сидящая перед инспектором, не сумела скрыть своих эмоций. Она все знала.

— Что вы имеете в виду? — запнулась она.

— Ровно то, что говорю. Она все еще рисует злые лица?

— Откровенно говоря: разве это сейчас важно? Героя похитил сумасшедший. Из одежды на нем только пижамные штаны. Счет идет на часы!

— Как я уже говорил, я стараюсь составить общее представление о

ситуации, и сейчас я хотел бы поговорить об Астрид.

— Но ведь пропала не она?! — закричала медсестра.

— Нет, но один из ее рисунков был найден в гараже, в котором чуть не погиб Сигурд Овесен. А так как они оба живут у вас, налицо совпадение, слишком явное, чтобы быть лишь совпадением.

— Не понимаю, о чем вы!

— Расскажите о рисунках.

Ее щеки и подбородок затряслись. Только сейчас Рино обратил внимание на то, что у нее необычно крупное лицо, почти в полтора раза больше его собственного.

— Я не замечала, чтобы она что-нибудь рисовала с тех пор, как выросла.

— Вы уверены?

Каспара кивнула.

— А когда она была маленькой, то рисовала злые лица?

Вновь кивок.

— Зачем?

— О господи, неужели это не может подождать? Герой, — медсестра ухватилась за матрас обеими руками и опустила голову.

Рино присел на корточки.

— У вас есть фонарик?

Каспара вышла из комнаты, а когда вернулась со старинным фонарем, то, похоже, слегка успокоилась.

— Потом я спрошу вас еще раз, зачем она их рисовала, — сказал Рино и открыл люк.

Пахнуло подвальной сыростью и еще чем-то, что он не мог разобрать. Он посветил фонариком внутрь люка. Лестница вела в пустой подвал.

— Когда-то здесь хранили картошку, — извиняющимся тоном произнесла Каспара.

То есть отсюда и пробрался в комнату Шур Симскар, тот самый, который с трудом мог взглянуть своим односельчанам в глаза? Рино переглянулся с медсестрой и стал спускаться по лестнице. Отверстие было слишком мало, чтобы Симскар вытащил Боа на спине, почему же тогда он не воспользовался дверью? Сделав первые шаги по щербатому полу, Рино наклонил голову. Он находился в квадратной комнате примерно три на три метра, и лишь небольшое отверстие в стене вело в соседнюю комнату. В свете фонарика Рино заметил темное пятно на полу. Он наклонился и коснулся пятна пальцем. Кровь. Может быть, Симскар пытался протиснуть Боа через люк, но уронил? Нет, что-то не сходится. Он прошел в

следующее помещение, здесь лежала перевернутая тачка. Боа сопротивлялся? В следующей комнате весь пол был покрыт какой-то вязкой маслянистой жидкостью. Очевидно, здесь хранили уголь или кокс^[10]. Но сейчас здесь было влажно, а на полу кто-то явно пытался нарисовать ангела. Это ты, Боа? Рино стоял неподвижно, пытаясь уловить озарение. Казалось абсолютно нелогичным, что Симскар притащил Боа с собой в подвал, и даже если так, он ведь сразу вытащил бы его наружу, не так ли? Почему же тогда здесь перевернута тачка? Откуда кровь на полу? Не пытался ли ты сбежать, Боа? Не ползал ли здесь вслепую, пытаясь отыскать путь на свободу?

Рино двинулся к входной двери и посветил на пол фонариком. Маленькие катышки засохшей земли. Нападали с ботинок? Конечно, не исключено, следы очень старые, а иначе, кто-то поджидал тебя здесь, Боа? Приполз ли ты прямо в руки своему похитителю? Рино снова зашел в подвал и еще раз осветил пятно крови. Ты упал и ударился головой, потом пополз дальше. Рино обнаружил новые пятна в следующей комнате. Потом ты ошибся, Боа, ты искал выход, а попал в старое хранилище для угля, тут ты лежал и барахтался. Теперь инспектор видел, что следы вязкой массы вели прямо до выхода из подвала. Так все и было, не так ли, Боа? Симскар вовсе не вытаскивал тебя из люка, ты пытался сбежать. Зачем, Боа? Чего ты боялся? Внезапно раздался глухой стук, свет, проникавший в подвал сверху, погас. Люк захлопнулся.

Глава 44

Первый упавший камень был размером с чемодан, но к тому времени, как он добрался до шоссе в шестистах метрах ниже, он разбился на метеориты примерно с кулак, так что проезжавшим спустя несколько минут через гору Хамнойфьеллет даже не пришлось снижать скорость. Следующий камень сорвался через пятнадцать минут, по пути он напоролся на несколько препятствий, сделал сальто в воздухе и разбился о свежеположенный асфальт. За ним последовал целый каменный блок, центр тяжести которого смещался на протяжении нескольких тысячелетий миллиметр за миллиметром. С глухим вздохом он оторвался от горного склона, на котором с начала времен вода потихоньку вымывала маленькие лакуны. Гул достиг окружающих гор и громким эхом вернулся обратно. Облако песка, похожее на туман, поднялось над дорогой, и когда острые камешки упали на землю, масштаб оползня стал очевиден. Метровые валуны лежали повсюду, еще пара метров — и автомобиль смело бы с дороги в бушующие осенние волны. Шофер ударил по тормозам, и на полицейский автомобиль обрушился град мелких камешков и земли.

Глава 45

Фалк не чувствовал пронизывающего ветра, не ощущал морозящего дождя, от которого волосы и подбородок сразу намокли. Фалк вообще ничего не чувствовал. Только внутренний хаос из ненависти и отчаяния. Миновав Рейнехалсен, он даже не заметил, что машина стоит возле полицейского участка. Усталыми шагами, как будто после долгого горного похода, шел не шестидесятидвухлетний мужчина, а десятилетний мальчик. Мальчик, который хотел сбежать, но не находил способа. Теннес — местечко отдаленное. Лишь высоченные горы и глубокий фьорд. Он знал каждый камешек, каждую гряду на маленьком выступе у подножия горы, много раз он с надеждой смотрел на пролив. На Винстад, который сулил свободу. Почему никто не вмешался? Почему мать вела себя так, как будто ничего не знала? И даже хуже: покрывала случившееся?

Уже в те времена он очень любил бездомных кошек, относил в их укромные местечки в расщелинах рыбью требуху, страшась, что узнает отец. Ведь уже не раз он выходил с ружьем на охоту на тех, кого называл вонючим отродьем. И всегда, против собственной воли сопровождая отца на рыбалке, Бергер с отвращением отворачивался всякий раз, когда отец отработанным движением сворачивал рыбе голову или вспарывал брюхо, выбрасывая кровавые внутренности. Он ненавидел боль и страдание и ненавидел отца за то, что тот был их причиной.

Резкий вой прорезал воздух. Никто не издает таких душераздирающих звуков, как лисы. И снова вой, от которого у него похолодела спина. Как и от криков в тот самый день. Хуже всего, что он знал: все обернется бедой. Страшной бедой. И он сам поучаствует в той беде.

Глава 46

Рино замер. Интуиция настойчиво долбилась в подкорку мозга с того самого момента, когда он вошел в дом, пытаясь сообщить ему, что что-то здесь не так. Боа пытались убить, и все свидетельствовало о том, что рисунок, обнаруженный на месте происшествия, нарисовала женщина, которая в данный момент находилась этажом выше. Месть. Все дело в мести. Боа вернулся домой, полагая, что о нем, как и о том, за что его когда-то возненавидели, давно забыли. Но вышло иначе, потому что Астрид Клевен, одна из жертв его юности, узнала его. Так ли это? И правда ли, что начатое несколько месяцев назад в гараже должно было закончиться здесь, в доме одной из медсестер, ухаживавших за ним? Если Каспара каким-то образом замешана в отмщении Боа, у нее были все возможности осуществить возмездие в пансионате. Зачем же она перевезла его к себе домой?

Пока он добирался до двери из подвала, наверху слышались приглушенные голоса, затем люк открылся.

— Простите, — сказала Каспара.

Хотя люк был закрыт всего несколько секунд, Рино уже начал сомневаться в намерениях женщины, которая в данный момент смотрела на него сверху.

— Мы не хотели вас пугать.

Он выключил фонарик и поднялся по шаткой лестнице.

— Пора бы рассказать мне, что происходит.

Каспара присела на край кровати.

— Это Астрид. Она совершенно вне себя в это время года. Видимо, она поняла, что произошло здесь сегодня вечером, и когда услышала, как вы здесь шуршите, с ней случилась истерика. Она ворвалась в комнату и захлопнула люк. Мне пришлось успокаивать ее — и только потом я смогла его снова открыть.

— Я говорю не о люке. Я говорю о рисунках Астрид. Почему один из них оказался в гараже, где чуть не сгорел Сигурд Овесен?

— Астрид в том гараже быть не могло.

— Но кто-то же там был. От ее имени. Все указывает на то, что пожар подстроен, а от того, что пострадавшего перевезли именно сюда, становится еще удивительнее.

Отвечая, Каспара чуть не плакала.

— Я всегда хотела только самого лучшего для своих пациентов, особенно для Героя, которому мы все так сочувствуем.

— Маски, — сказал Рино и захлопнул люк. — Я хочу знать, зачем Астрид их рисует и что они означают.

— Она с детства не рисовала.

— А почему она рисовала эти маски в детстве?

Каспара закусил нижнюю губу. По лицу было заметно, что она врет.

— Астрид плохо видит, так было всегда, но рисовать ей нравилось, хотя она сама с трудом различала свои творения. И внезапно она начала рисовать лица, отвратительные лица, одно злее другого.

Рино испытующе смотрел на нее.

— В детстве она посещала школу для слепых Хюсебю.

Каспара кивнула.

— И там она рисовала маски, злые маски. Один из учителей разработал специальную теорию о том, почему она их рисовала.

— Астрид приходилось тяжело, — затравленно прошептала Каспара.

— Маски, — твердо сказал Рино, когда продолжения не последовало.

— Она уже много лет их не рисовала.

— Но ведь когда-то она их рисовала?

Каспара кивнула.

— Вы знаете почему?

— Я думаю, потому что Астрид сильно разозлилась.

— Вот и учитель в Хюсебю сказал то же самое. Его теория состоит в том, что причина этой злости кроется в серьезной непрожитой травме.

Каспара спрятала лицо в ладонях, на которых уже проступали старческие пигментные пятна.

— Я не уйду отсюда, пока вы мне не расскажете.

— Хорошо, я расскажу, — согласилась она.

Глава 47

Нос судна вздыбился до небес, а через секунду рухнул в откатывающуюся волну, но у него не было сил бороться, он просто перекашивался из стороны в сторону, как мертвый. Хотя корпус судна постанывал, он не чувствовал страха. Впереди его явно ждало худшее.

Очень скоро они преодолели сильнейшие волны, и лодку стало качать меньше. Перед его внутренним взором предстал фьорд, а когда судно стало замедляться — покосившийся причал, к которому уже после того, как он покинул Винстад, приделали плавучий док. Он снова вернулся. Круг замкнулся.

Судно проскользило последние метры до пристани, и скоро он услышал, как борт царапается о швартовочные столбы. Капитан спрыгнул на причал, чтобы закрепить канаты, затем мотор остановился.

Ничего не произошло. Может, он курит? Или просто наслаждается моментом?

В те времена, когда в Винстаде кипела жизнь, причал служил местом встречи, причем не только тех, чья работа была связана с морем, но всех жителей деревни. Здесь все и произошло. Мальчишки бежали сюда сразу же, как только заканчивались уроки, и, если погода была хорошей, торчали здесь до тех пор, пока их не прогоняли домой. В те годы они сгрудились бы возле причалившей лодки, сгорая от нетерпения узнать, кто же к ним прибыл. И находившийся в данный момент на причале человек никогда бы в ту пору не смог незаметно проделать то, к чему готовился. Но годы лишили Винстад жителей — осталась лишь одна женщина. Он проходил мимо ее дома, когда ездил сюда зимой, но саму ее не встречал. Слышала ли она, как причалило судно? Вполне возможно, ведь ветер доносит звуки до берега. Может, она даже вышла посмотреть, зачем приехал этот чужак?

В этот самый момент он услышал, как капитан снова поднимается на борт. Затем раздался металлический стук, на лестнице послышались тяжелые шаги. Правильно: запах крепкого табака. Одна нога под ребра, мощный толчок, затем сильные руки подхватили шею и колени. Когда его поднимали наверх, ноги и голова задевали стены. Не успел он понять, что сейчас будет происходить, как его вынесли на плавучий док и положили на бетонное покрытие. Он как будто лежал на куске льда, тело затрясло от холода.

Последнее желание.

От понимания близости смерти возникло сильное, безнадежное последнее желание. Ему захотелось увидеть небо над Винстадом. Скорее всего, сейчас темно, как ночью, но, если ему повезет, оно будет усыпано миллионами звезд. А может быть, появится северное сияние? Господи, как же хочется увидеть северное сияние, зеленоватые отблески, пронизывающие все небо от горного хребта Киркефьорда вплоть до самого Рейне! Только взглянуть на северное сияние, и можно умирать, но не раньше. И снова раздался звук, металлический, угрожающий.

— И вот мы снова вдвоем.

Голос был хриплым и грубым, как будто голосовые связки вечность стояли без дела.

— Кто бы мог подумать.

Похоже, его похититель присел на корточки рядом с ним.

— Ты веришь в судьбу?

Верит ли он?

— А я верю. Видимо, было суждено, что все так закончится. Когда начали ходить слухи, кто же такой на самом деле этот пострадавший при пожаре, я все сразу понял. А ведь ты мог сбежать от меня, если бы не старые связи. Я отвечал за службу скорой помощи здесь больше пятидесяти лет, а когда ее перевели в центр, мой шофер остался в деле. А он такой болтун, знаешь ли. Тайны хранить совсем не умеет. И когда самого беспомощного пациента в пансионате Рейне перевезли на дом к одной из медсестер, он, конечно, сразу же прибежал ко мне.

Несмотря на то что ледяной ветер обдувал док, он почувствовал кислый запах его дыхания.

— Кстати, как насчет последнего желания?

Небо над Винстадом, темно-синее осеннее небо над затененными контурами высоких гор.

— Подумать только, ты еще сопротивлялся.

Какой-то звук вдали. Секундное бурчание, но все-таки загорелась надежда.

— Ну, думаю, пора кончать.

Снова скрежещущий металлический звук, затем его поставили на ноги. Что-то подпихнули к его ногам. И еще до того, как почувствовать под руками холодные поручни, он понял. Инвалидное кресло. Держаться у него не было сил, но твердая рука не давала ему скатиться с кресла.

— Как ты думаешь, что скажут люди? — мужчина говорил прямо ему в ухо. — Что оба брата погибли одинаково, а?

Вдруг он почувствовал, что замерз до онемения. Он сидел на тонком

кожаном сиденье, голые руки и ноги касались ледяного металла.

— Жаль только, кресло не то же самое.

Кожа, которая после пожара постоянно болела, теперь онемела и утратила чувствительность. Только пронизывающий холод, проникающий все глубже и глубже.

— Но оно нам вполне сойдет, вот увидишь.

И как только кресло поехало, он смирился с тем, что сейчас умрет. В минуты отчаяния он мечтал о скорейшем прекращении мучений, но все-таки никогда не переставал надеяться. И сейчас он как никогда хотел жить. И пусть он останется слепым и беспомощным, но все-таки живым.

Кресло подрагивало на неровной поверхности, колеса скребли по металлу. Его наклонили назад, чтобы поставить передние колеса на самый край.

А затем кресло столкнули с причала.

Я убил своего брата. Он крепко спал, когда его настиг первый удар, так что даже не успел среагировать. Но умер он не от удара, тот лишь лишил его возможности сопротивляться. Он утонул. Когда я убедился в том, что вода заполнила его легкие, я ударил снова. Мои удары могли убить быка, но я продолжал бить, не обращая внимания на то, сколько и как сильно я бил. Я взял молоток, старый ржавый молоток, я слышал, как ребра ломались, как спички. Мне было недостаточно того, что он был мертв. Я должен был сломать его, размозжить, я как будто опасался, что он восстанет из мертвых. Я раздробил его руки, ноги, да, даже пальцы. Наконец передо мной лежала вязкая масса из размозженных костей в кровавом кожаном мешке. Но лицо я сохранил. Не знаю почему. Но именно так я и сделал.

Глава 48

Бумагу нужно выбирать тщательно. Грубую, но не слишком. У нее должна быть подходящая поверхность. Важно, чтобы масляные карандаши скользили легко. И чтобы цвета хорошо держались. Сначала только контур, затем наступает время главного: глаза. В глазах жила боль. Боль и ненависть. Большие глаза. Широко распахнутые глаза. Красного цвета. Хотя ненависть уже не была настолько яркой, как тогда, никаких смягчающих обстоятельств так и не нашлось. Разрушенную жизнь не восстановишь. Черные зрачки и кроваво-красные белки. И нос. Большие, бездонные ноздри, которые так и приглашали заглянуть в черную глубину. Рот превратился в бескровную узкую полоску, а кожа и волосы нарисованы угольно-черным цветом. Злое, полное ненависти лицо. За всю уже причиненную боль. И за всю ту боль, которая еще настигнет.

Глава 49

— Астрид! — закричала Каспара, повернувшись к открытой двери. Почти сразу же появилась Астрид, настороженная и смущенная.

— Все хорошо, понимаешь?

Астрид, ростом едва доходившая Рино до груди, стояла, потупив взгляд под толстыми очками.

— Полицейский спустился в подвал, чтобы кое-что поискать.

Невозможно было понять, достигают ли слова цели.

— Волноваться не о чем. Мы просто поговорим. Хорошо?

Астрид шевельнулась. Рино подумал, что у нее не меньше двадцати килограммов лишнего веса.

— Полицейский пришел нам помочь.

Астрид не поднимала глаз.

— Если хочешь, можешь снова подняться в мою комнату.

Астрид повернулась и вышла, так и не взглянув на Рино.

— Она очень стеснительная.

Каспара закрыла дверь.

— Она боится мужчин.

— И поэтому рисует злые лица?

— Рисовала. Я ни разу не видела, чтобы она делала это во взрослом возрасте.

— Что случилось?

Каспара тяжело прислонилась к спинке кровати.

— Астрид — дочь Ады и Свердрупа Клеветов. Это была такая семья, которые сейчас принято называть «нересурсными», они были не готовы к тому, чтобы стать родителями, тем более для такого ребенка, как Астрид. Они ее не обижали, вы не подумайте, но и поддерживали недостаточно, поэтому она не получила ни того наблюдения, ни обучения, которые доступны сегодняшним детям с таким же диагнозом. Думаю, они даже не замечали, что она плохо видит, пока не наступило время идти в школу. Именно по вине Ады и Свердрупа Астрид так поздно попала в школу Хюсебю.

Каспара глубоко вздохнула и продолжила:

— Время было другое. Практически во всем. Астрид жила в своем мире, ее тело превратилось в тело молодой девушки, а мозг застрял на уровне четырех-пятiletнего ребенка.

Рино начал догадываться, почему Астрид рисовала злые лица.

— Что именно произошло, боюсь, мы уже никогда не узнаем. Тем теплым осенним днем Астрид было лет двенадцать-тринадцать. Она часто играла в поле, ну, мы его так называем. Это здесь, недалеко, — Каспара показала наверх. — Я выросла по соседству, всего в нескольких домах от нее. То, что случилось, изменило все. С того времени я почувствовала к ней особенную теплоту, и так как больше никто не захотел или не смог.

Рино видел, что ей больно было говорить о случившемся.

— Мы знаем, что в тот день она была на месте, где часто разводят костры.

— Здесь неподалеку?

Каспара покачала головой.

— За Рейнехалсенем по пути в Сёрвоген.

— Вы знаете, кто это сделал?

— Астрид плохо говорит, а после происшествия она полностью замкнулась в себе. Единственное, что удалось у нее узнать, что приехали два мальчика на велосипеде. То есть Астрид все время говорила, что были два мальчика, один сидел за рулем велосипеда, а второй — сзади. Не знаю, что она имеет в виду, но, насколько я понимаю, она не видела, как они подъезжали, но проводила их взглядом, когда они проехали мимо.

— И эти мальчики. что-то с ней сделали?

— Они украли у нее детство.

Каспара опустила глаза.

— И всю жизнь.

Голос звучал холодно, как металл.

— Они напали на нее?

Каспара схватилась за матрас.

— Она вернулась домой в шоке, вся в крови. Блузка была разодрана. а юбка осталась лежать там. Мы нашли ее на следующий день, когда от Астрид удалось получить хоть какую-то информацию.

— Ее.

Каспара яростно закивала головой, явно не желая даже слышать то слово, которое он готов был произнести.

— А эти мальчики?

— Никто ничего не видел, а Астрид имен не называла. Может, это был кто-то неместный, не знаю. Единственное, в чем я уверена, жизнь Астрид в тот день закончилась.

Значит, Вестерман правильно разгадал и свою ученицу, и ее рисунок.

— У нее могла быть нормальная жизнь, какая-нибудь работа, общение

на своем уровне. Вместо этого она замкнулась и постоянно всего боится. И перед каждой годовщиной произошедшего ей становится хуже.

— Она помнит эту дату?

— Клянусь вам. Рождество и Пасху она не замечает, но эта дата выжжена клеймом в ее памяти.

— О какой дате мы говорим?

— Двенадцатое октября.

— Это же завтра?

— Знаю. И она знает.

Глава 50

Лишь дома Фалк вспомнил, что припарковал машину возле участка. Он решил, что обойдется без нее, и открыл ворота в сад. Увядающая осенняя трава доходила ему до щиколотки. Уже два месяца он не доставал газонокосилку. На него это было непохоже.

Вопящий хор сидел на своем постоянном месте, под деревом. Он осторожно прошел по полянке, чтобы не напугать новоприбывших кошек. На полпути он остановился и взглянул в кухонное окно. Мутное отражение гор и светлеющего неба. И никакой женщины за шторой, как в тот раз.

Мать смотрела на него в окно, когда он вернулся домой, и, хотя за шторой было видно лишь часть лица, он понял, что она злится. Очень злится. Он подошел к своему укромному дереву, просто чтобы отложить скандал, но мать открыла окно и велела ему идти домой. Казалось, по его позе и жестам она прочитала, что произошло что-то ужасное. Она спросила, где и с кем он был, но не поинтересовалась, что именно он делал. Затем последовали предупреждения держаться подальше от того парня, потом она отвернулась и занялась своими делами. Он видел, что ее спина содрогалась от беззвучных рыданий.

Глава 51

Мгновение невесомости, и голова достигла воды. Тяжелый всплеск — морская вода заполнила нос и уши. Внезапно он коснулся дна и понял, что находится на отмели. Он лежал в том же положении, в котором упал со стула — на животе, скорчившись. Он чувствовал, как щека и подбородок касаются плотного песка, отчаянно хотелось вдохнуть. Скорее всего, неровное дно было испещрено ракушками и морскими ежами. В детстве он любил бросать большие ракушки в воду и наблюдать, как они медленно кружат, опускаясь на дно.

В горле засвербело от соли, казалось, что легкие сейчас взорвутся. Чтобы спастись, нужно было преодолеть всего пару метров, но руки и ноги были бессильными и мертвыми. Он попытался оттолкнуться одной ногой, но она не двигалась. Постарался повернуть голову, но сигнал не достиг мышц. Кончились силы. Его охватила паника, но единственное, что ему удалось, — лишь немного повернуться. Легкие горели так же, как последние месяцы горела кожа, и, случайно глотнув воды, он с ужасом осознал, что больше не способен контролировать глотательный рефлекс. Понимание того, что смерть близка, было хуже, чем боль. Сильный толчок в грудь, и вдруг все вокруг посветлело.

С пожара в гараже он жил в крошечной тьме, и вдруг мир стал светлым и ярким. Никаких четких линий, узнаваемых картинок, только белый притягивающий свет. Он услышал все звуки, волны, бьющиеся о прибрежные камни, а еще громкий бурлящий рев. В лучах света возникла какая-то фигура, без лица, без человеческих черт, лишь аура покоя и понимания. Он понял, что скоро будет дома. Внезапно свет стал меркнуть, фигура медленно растворилась, и он почувствовал острое желание последовать за ней. Звуки стали еще отчетливее, он расслышал шум ветра и рычание волн. Ветер? Под водой? Подступила тошнота, и поток морской воды вылился у него изо рта.

Глава 52

Рино попросил медсестру успокоиться, но, когда дверь за ним захлопнулась, не мог избавиться от ощущения, будто что-то упустил. Последние полчаса ощущались, как кадры из какого-то фильма, смонтированные специально, чтобы скрыть реальность. Все, что рассказала Каспара, казалось неподдельным и достоверным, но все-таки не совпадало с его внутренними ощущениями. Он остановился, силясь уловить, что именно пыталось сказать ему подсознание, затем вжал голову в плечи и побежал к машине.

Стекла были покрыты моросью, и он включил обогреватель на полную мощность. И пока он ждал, когда прочистятся окна и станет хорошо видно, что-то подсказало ему, что Боа вовсе не был спрятан в какой-то горной пещере и Шур Симскар не следил за ним. Кто-то изнасиловал девочку с задержкой развития, и, если Рино, приехавший сюда не так уж давно, сразу же заподозрил в этом Боа, наверняка все жители Рейне давным-давно пришли к такому же выводу. И Каспара тоже. А если она догадалась, что пациент, о котором она с таким рвением заботилась, не кто иной, как знаменитый тиран, ее отношение к нему не могло не измениться. И все-таки она забрала его к себе домой, позволила ему жить стенка к стенке с той, на кого он напал.

Рино взглянул на единственное окно, которое было видно из автомобиля. Из-за дождя картинка была размытой, но он знал, что она стоит там, на безопасном расстоянии от окна, и хочет убедиться, что он действительно уехал. Может быть, похищение тоже подстроено? Или, сидя в своем «Вольво», он изобретает совершенно безнадежные сценарии? Он опустил голову на руль и постарался привести мысли в порядок. Он был уверен, что Боа поступил в пансионат как некий Овесен — чужой и незнакомый в деревне человек — но вдруг какие-то слухи все-таки дошли до Каспары? Не было ли беспокойство пациента лишь поводом для того, чтобы перевезти его?

В подвале, когда захлопнулась крышка люка, Рино понял, о чем именно свидетельствовало пятно крови на полу. Ты ведь действительно пытался сбежать, Боа! Ты узнал ее, женщину, которую ты изнасиловал еще девочкой? Поэтому ты сбежал? Или ты боялся Каспары, медсестры, которая очень изменилась, когда поняла, кто ты такой.

Рино едва начал движение, как вдруг из кармана брюк раздалась

мелодия «Back in black»^[11]. Звонил ленсман.

— Дрейер на проводе. Он нашелся?

— Нет. Кто-то пробрался в комнату из подвала через люк в полу.

— Что за чертовщина у вас там происходит?

Очень точный вопрос. Что за чертовщина тут происходила?

— Понятия не имею. Кто-то похитил сильно обожженного пациента, и что-то подсказывает мне, что это сделал тот же, кто подстроил пожар.

— Я посмотрел документы, пожар — это несчастный случай.

— Очень подозрительный и, скорее всего, подстроенный.

— Бергер с вами?

— Нет.

— Тогда вам стоит за ним заехать, пока вы с ним на деле только вдвоем.

— Что случилось?

— Что случилось? Да уж, скажу я вам: рухнула половина горы Хамнейфьеллет. Дорога на несколько дней перекрыта.

Силы природы, действовавшие очень вовремя, еще раз доказали ему то, в чем он все больше убеждался: приключение на Лофотенах превращается с худший кошмар в его жизни.

Дождь снова усилился, дворники работали на максимальной скорости, пока он осторожно пробирался к дому Фалка. Припарковавшись возле въезда, Рино заметил, что коричневой «Ауди» напарника нигде не было. Возможно, он поехал к дочери, о которой рассказывал с такой теплотой. В то же время казалось очень странным, что он нашел время заниматься семьей в то время, как вокруг них все кипело. Отыскать Боа было практически нереально с самого начала, но без Фалка, который знает Рейне вдоль и поперек, можно считать Боа уже трупом.

Он достал мобильник и набрал номер, который недавно внес в список контактов. Никто не ответил. Часы на приборной панели показывали без десяти десять. Два часа до полуночи — до двенадцатого октября. Может быть, тебя настигнет судьба, Боа? И именно в этот день завершится то, что началось в гараже? Зачем ты вернулся домой? Ведь тебе было что терять.

Рино снова набрал номер Фалка. Ответа так и не было, и он решил заехать в участок, где и увидел «Ауди» напарника. Дверь была незаперта, всюду горел яркий свет, так что Рино ожидал увидеть Фалка за столом, но в кабинете оказалось пусто. Груда бумаг на столе и готовый кофе в кофемашине явно говорили о том, что Фалк здесь был. Что же заставило его выскочить из участка, даже не заперев дверь?

Рино подошел к столу напарника. Он заметил, что на бумагах,

лежащих сверху кучи, некоторые слова были подчеркнуты, а на полях большими буквами было написано слово ДЬЯВОЛ. Рино перевернул бумагу, это оказался отчет патологоанатома. Больше всего Рино поразили не подчеркивания и не жуткое слово, увиденное им, а то, что напарник использовал оригинал важнейшего документа. Он еще раз проглядел подчеркнутые фразы, все они свидетельствовали об особой жестокости совершенного преступления.

То есть напарник сидел здесь после поездки в Осло, после окончания рабочего дня, и перечитывал заключения патологоанатома. Рино представил себе небольшое поселение, где вырос Фалк. Наверняка он не раз наблюдал за жизнью на другом берегу пролива, в том числе и за мальчиками: за прикованным к инвалидному креслу калеке и за Боа, который шатался повсюду. Рино вспомнил старика в пансионате — тот говорил, что Боа во время своих хулиганских крестовых походов навещал все окрестные деревни. Значит, скорее всего, и на другом берегу пролива он тоже побывал. Ты был там, Боа? Ты был дома у Бергера Фалка? И если так, что именно ты там делал?

Сев за стол Фалка, Рино отодвинул бумаги подальше, чтобы не замочить их дождевой водой. Он осмотрел ящики стола. Конечно, это не очень уважительно по отношению к коллеге, но все же он выдвинул верхний ящик. В нем не было ничего особенного, все то же самое, что и в большинстве ящиков, только все вещи лежали очень аккуратно. Рино выдвинул остальные ящики: разные анкеты и формуляры. Архивный шкаф за спиной Фалка был родом из шестидесятых или семидесятых, за дверью-жалюзи находились шесть полок. Еще бланки. Рино наполовину опустил жалюзи, и вдруг кое-что заставило его замереть. На нижней полке, выдаваясь всего на один или два сантиметра, но все-таки достаточно, чтобы Рино его заметил, торчал выкрашенный в черный цвет лист бумаги. Инспектор наклонился и вытащил листок. Злая маска излучала ярость.

Глава 53

Женщина собрала в корзину грязное белье. Как же быстро оно накапливается! Она протиснулась в дверь ванной и осторожно спустилась по лестнице. Корзина была полна до краев, из-за этого было трудно увидеть, куда ставить ногу. Спустившись в коридор, она поставила корзину на стол и выпрямила спину. Последний час она на коленях мыла пол, и это очень чувствовалось. Когда она спускалась по лестнице в подвал, ей показалось, что она почувствовала сквозняк. Как обычно, Томми забыл закрыть дверь в подвал. Ступеньки на крутой лестнице были уже, так что она ступала еще осторожнее. И правда, дверь в подвал была распахнута. Она закрыла ее за собой прежде, чем открыть дверь в прачечную. Включив свет, она пронесла корзину между увешанными бельем веревками и поставила ее на покосившийся кухонный стол. Она обернулась, чтобы открыть крышку стиральной машины, и завопила от ужаса, увидев маленькую шалость Томми, висевшую на стене за дверью в прачечную. На *это* у него всегда найдется время — на то, чтобы напугать мать до смерти! Сначала она хотела оставить рисунок там, но лицо было настолько отвратительным, что она решила снять его и выбросить в мусор. Ох уж этот Томми!

Глава 54

Фалк был замешан в том преступлении. В какой-то мере. Рино и раньше задавался вопросом, почему напарник так мало помнит о своем детстве, и уж совсем удивительным было то, что судьба Оддвара и Руаля Стрёмов прошла мимо него. Сидя за столом с рисунком в руке, Рино все больше убеждался, что Фалк сознательно отстранился от того, что произошло. И еще он был убежден, что этот рисунок, от которого сквозило страданием, был нарисован ребенком.

Может, это Бергер Фалк, еще мальчиком, нарисовал черное лицо? Фалк спокойно и обстоятельно рассказывал о своей поездке в Осло, о встрече с Вестерманом, о кабинете, заполненном масками. Рино вздрогнул от холода. Он замерз. И он был один. А события вокруг него принимали все новый непредсказуемый оборот.

Он вернул рисунок на полку и встал. В этот самый момент зазвонил мобильный телефон. Звонила Хелена.

— Это я, — сказала она. Очевидно, она считала само собой разумеющимся, что других женских голосов в его жизни не было. — Мне нужно поговорить с тобой об Иоакиме.

— Может, попозже?

— Ты всегда все откладываешь!

— Что случилось?

— Ему опять плохо.

— В каком смысле?

Хелена громко вдохнула.

— Он невнимательный и не контролирует свои эмоции. К тому же он вступил в сложный возраст.

— Мы говорим так с его шести лет.

— Подростковый возраст превращает очаровательного шалунишку в монстра.

— А тебе не приходило в голову, что у этого могут быть другие причины?

— Например, какие?

— Перемены, нестабильность в жизни, — Рино пожал плечами, чтобы смягчить свои слова, но язык тела для Хелены остался недоступен.

— На что ты намекаешь?

— Я слышал, у него в жизни появился новый мужчина, стремящийся

занять место отца?

— То есть *это* твой диагноз, во всем виноват Рон? Черт, Рино, до чего же ты опускаешься!

— Если его снова что-то тревожит, значит, нужно искать причину в каких-то недавних событиях.

— Например, в том, что ты решил, что сейчас самое время собрать чемодан и переселиться в край вяленой трески?

— Я думаю, для подростка гораздо сложнее смириться с тем, что в его доме теперь живет голландец, который с утра до вечера бормочет что-то непонятное.

— Не думала, что когда-нибудь скажу тебе это, Рино, но иногда я тебя почти ненавижу. Иди посиди под сушилкой для рыбы и проветри свои помутившиеся мозги. И, раз уж к слову пришлось, Рон говорит по-норвежски лучше тебя.

Связь прервалась, но как только Рино сел в машину, Хелена снова позвонила.

— Скоро осенние каникулы.

Он совсем забыл.

— Я поговорила со школой, они освободят Иоакима от занятий еще на несколько дней.

Сейчас он не мог принять Иоакима. Вокруг него сплошной хаос, и, что еще хуже, во всем этом он должен разобраться в одиночку.

— Я занят делом о похищении.

— Ты всегда чем-то занят. Жаль, что ты никогда не занят Иоакимом.

— Конечно, он может приехать. После выходных, я надеюсь, мы все наладим.

— Я подумала, может, завтра.

— Завтра?

— Ты нужен Иоакиму.

— Я всю ночь буду на розыске.

— И что?

— Без сна.

— На пенсии выпишься.

Приняв теплый душ, Рино снова отправился в вечернюю тьму. Он поговорил с ленсманом, который сообщил ему, что тоже не может дозвониться до Фалка. Полицейские вернулись в Лекнес, но, если Боа за ночь не появится, с утра они найдут кого-нибудь, кто сможет перевезти их через фьорд на лодке. Другой вариант — вызвать вертолет из Будё. Они

договорились, что Рино продолжит искать, в то же время было абсолютно бессмысленно блуждать всю ночь без отдыха. Все должны быть готовы к следующему дню.

Прежде чем приступить к поиску, Рино еще раз заехал к медсестре. Вся в слезах, она вышла к нему навстречу.

— В Хамнэйфьеллет произошел оползень, — сказал он.

— И при чем тут Герой. — внезапно она все поняла. — То есть никто к вам на помощь не придет?

Он покачал головой:

— Только завтра утром.

— О господи!

— Я попытаюсь что-нибудь сделать, — он обреченно пожал плечами, чтобы показать, что нужно готовиться к худшему.

— Я искала сама, — в отчаянии сказала она. — Я поговорила с заведующей. Мы соберем всех, кого сможем, и с двенадцати часов начнем поиски.

Несмотря ни на что — это был наилучший выход.

— Это очень ценно, — сказал он.

— Мы делаем это ради Героя.

Сначала он обошел Рейне, все дома, все постройки и причалы, потом спустился к морю мимо рядов с сушилами для рыбы. Несмотря на предложение Хелены, он быстро прошел мимо деревянных построек, от которых воняло рыбой. Он искал наобум, все сильнее убеждаясь в том, что половина Рейне мечтала увидеть Боа в могиле. Хулигану из Винстада, когда тот пропал, было примерно столько же лет, сколько сейчас Йоакиму. И все же он умудрился оставить за собой столько ненависти и боли, сколько иному взрослому преступнику за всю жизнь не удастся.

Проблуждав без отдыха полтора часа, Рино решил еще раз зайти к Фалку. Машина так и стояла возле участка, а звонок на мобильный переключался на автоответчик. И все же он поднялся по лестнице и дернул за ручку двери. К его большому удивлению, та оказалась не заперта. Он просунул внутрь голову и позвал напарника. Никто не ответил. Он осторожно прошел в гостиную, где горела только настольная лампа. Рино позвал еще раз, громче, и, не получив никакого отклика, прошел дальше в кабинет.

Он остановился, разглядывая ряды папок. Фалк действительно был человеком порядка. В письменном столе было два ящика, и Рино не удержался от соблазна. В темноте разглядеть что-либо было крайне сложно,

но он понял, что в верхнем ящике хранились только счета и квитанции. Во втором ящике лежала стопка бумаги, и еще до того, как положить ее на стол, Рино понял. В темноте маски казались еще более страшными. Пролистав все рисунки, инспектор понял, что напарник глубоко завяз в этом.

Господь Всемогущий, что же тут происходит? Может быть, рисунок в гараже повесил сам Фалк? Язык масок был предельно понятен, как и агрессивная пометка, которую Фалк сделал на медицинском отчете. Сидя в этом доме, пытаюсь сложить в голове картинку из разрозненных кусочков, Рино понял, что ему нужно еще раз поговорить с патологоанатомом.

Глава 55

В мире было холодно, невероятно холодно. И от него пахло соленой морской водой с примесью кислой рвоты. Он дрожал, бесконтрольно и нервно, дышал короткими всхлипывающими глотками. Боль, которую на мгновение затмил страх грядущего, снова появилась и пульсировала в такт с быстрым сердцебиением. От внезапного ощущения нехватки воздуха он вздрогнул и вдруг понял, что почувствовал, как чей-то рот прижался к его рту. Он услышал тяжелое дыхание, но узнал запах табака. Кто-то прыгнул в ночное море и вытащил его.

— Да.

Удивительный пронзительный голос.

— Да. куртка.

Он понял, что тот, другой, предложил ему куртку, но был не в состоянии почувствовать прикосновение одежды к телу.

— Т... т... тты.

Его подняли с земли, но в этот раз несли аккуратно, на руках, как ребенка, а не заброшенным на плечо, как дичь. Он покачивался, вздрагивая каждый раз, когда легким не хватало воздуха. Дрожь усилилась, из груди вывалились стоны, похожие на скулеж раненого зверя.

Они шли по земле, которая когда-то была его, звуки ветра и дождя постепенно стихли. Его занесли в один из домов, положили на холодный пол, и он услышал, как тот, второй, бродит по дому.

Металлический стук с правой стороны, затем запахло гарью. Первое ощущение тепла, и он понял, что его спаситель достал обогреватель.

Судя по эху, помещение было достаточно высоким. Старая школа? Ну конечно. Она же находится прямо рядом с причалом. Осторожное движение вызвало неприятные ощущения, но спаситель все понял, скрежетание по полу означало, что обогреватель передвинули.

— Т... т... т... ты.

Голос. Он был не похож на те, которые он слышал раньше.

— Б... б... был.

Дело было не в заикании, а в том, как появлялся голос, как будто слова его опережали. Заикание. Он понял. Человек, сидящий рядом с ним и снова передвинувший обогреватель, тот же самый, кто молча стоял в его палате. Он слышал, как язык беззвучно хлопал по небу, как провалились попытки выдавить слова. Поэтому и этот голос — гнусавый, необычный — им

почти не пользовались!

Ему стоило бы испугаться, но ведь этот человек только что спас его от утопления и сейчас изо всех сил старается сохранить его жизнь. *Это ты.* Эти слова ему удалось выдать. Зачем он ухаживает за ним? Почему он не дал несчастной душе встретить смерть под причалом?

— Ты.

Его снова осторожно подняли и переложили на что-то вроде коврика. Ему было холодно, ноздри пересохли от соли, и все же впервые после переезда из Хаукеланда он почувствовал себя в безопасности. Неделями он лежал и ждал, что неизбежные капли кислоты постепенно лишат его жизни, и единственным лучиком света в его жизни была Йориль. И этот лучик погас, когда его перевезли домой к Дьяволу. С того момента вопрос заключался только в сроках — сколько времени ей понадобится, чтобы воплотить в жизнь свой безжалостный план. Но сейчас, лежа на полу в давно заброшенной школе, он вдруг поверил, что надежда выбраться есть.

Где-то в здании раздались звуки, он понял, что тот, второй, что-то ищет. Хлопок. Что-то упало на пол. Приближающиеся шаги. Обогреватель снова передвинули, в этот раз ближе, так что он сразу же ощутил жар в руке. По легкому покачиванию доски на полу он понял, что другой сел рядом с ним, и его обдало запахом табака.

Я вывез его на тачке. Я заранее смазал крепления колес, чтобы их скрип не привлекал внимания. Стояла ночь, отца, который мог бы поинтересоваться, куда собрались его сыновья, дома не было. Единственное, о чем я волновался, хватит ли у меня сил отвезти его достаточно далеко, потому что он был тяжелее, чем я себе представлял. Мне приходилось часто останавливаться, и я проклинал его за то, что он лежит, уставившись в ночное небо. Под ним была лопата, и его рука безжизненно свисала с древка. Не знаю, сколько у меня ушло времени, но в конце концов я добрался до намеченного места. До ближайшего дома было не больше пятнадцати метров, но я знал, что псих, который там жил, ушел на лодке в Рейне, чтобы провести несколько дней с сестрой. Так что меня никто не видел и не слышал, так как этот дом закрывал меня от единственного следующего строения. Дорога далась мне труднее, чем я ожидал, и мне не хватило сил выкопать достаточно глубокую могилу. К тому же земля была очень каменистой, и к тому времени, как у меня было все готово, наступила половина пятого. Я знал, что

самые усердные рыбаки выходили в море уже в половине шестого, так что времени у меня оставалось очень мало. Я скатил его с тачки, и он упал лицом в землю. У меня мелькнула мысль переложить его, как нужно, лицом вверх, но я решил, что сойдет и так. Я закопал его и притоптал землю, как только мог. Мой брат исчез навсегда.

Глава 56

Когда Рино зашел в участок, было уже двенадцать часов. Ему снова звонил обеспокоенный ленсман, и его волновал не только пропавший пациент, но и Фалк. Рино хотел было рассказать ему о масках, но по какой-то причине умолчал. Ленсман сказал, что они договорились с владельцем судна из Мельнарддена, и их доставят в Рейне, как только рассветет. Начинать поиски в кромешной тьме было все равно бессмысленно, это только истощило бы людей. К тому же поисковый отряд, который направит пансионат, принесет столько же пользы.

Рино положил отчет судмедэксперта себе на стол. Еще раз перечитал подчеркнутые слова и фразы, а затем зашел в интернет и открыл поисковую систему 1881. Хертцхаймов было всего двое — женщина и мужчина — очевидный выбор.

Патологоанатом ответил уже после второго сигнала. Рино представился и объяснил, что звонит по поводу обнаруженного скелета.

— А в рабочее время вы не могли позвонить?

— Извините. Боюсь, что дело не терпит отлагательства.

— Как обычно.

— Это касается.

— Подождите, подождите, давайте-ка с начала. Откуда, вы говорите, вы звоните?

— Из Рейне, Лофотены.

— А, дело о жестоком избиении. О таком трудно забыть. Такого зверства я никогда не видел.

— Именно об этом я и хотел с вами поговорить.

Эксперт вздохнул.

— Жена недовольно смотрит на меня. Она говорит, что я частенько беру работу домой, и в данный момент мне нечего ей возразить. Так что давайте покороче. Что вы хотите узнать?

— Я хочу знать, как именно были сломаны кости.

— Если бы череп не был таким же целым, как ваш или мой, я бы предположил падение с высоты, причем с самой высокой горы на ваших Лофотенах.

— А учитывая, что череп цел?

Снова вздох на другом конце провода.

— Многократные удары каким-то тяжелым предметом, возможно,

простым камнем.

— Сколько можно прожить с такими травмами?

— Боюсь, что не понимаю ваш вопрос.

— Если предположить, что травмы наносились постепенно на протяжении нескольких недель?

Он слышал, как судмедэксперт пробурчал что-то своей жене. Видимо, он прижал телефон к животу, чтобы Рино не слышал возмущенных слов его супруги. От его ответа у Рино по спине пробежал холодок.

Глава 57

Бергер Фалк шел по дороге. Тьма сама указывала путь к самому мрачному моменту его жизни, и сопротивляться у него не было сил. Он вспомнил, куда они поехали. Он сидел на багажнике за спиной Боа, уставившись прямо перед собой, чувствовал, как его одновременно накрывают гордость и презрение. Внутренний голос упрямо твердил, что надвигается беда. Боа не сказал ни слова за всю поездку, как будто они заранее договорились о месте назначения, он уверенно свернул на узкую протоптанную дорожку. И именно по этой истоптанной тропинке и шел сейчас Фалк, даже не пытаясь укрыться от дождя. Он промок до нитки, но едва замечал это. Он должен был узнать, что тогда произошло. Должен был вспомнить. Тропинка резко повернула и вышла на костровище. Внезапно Фалк понял, что там кто-то есть. Кто-то в красной юбке.

Глава 58

Эпицентр шторма находился к северу от Фарерских островов, где холодный северо-западный воздух встретился с теплым юго-западным. В образовавшейся зоне низкого давления возник сильный вихрь, направившийся на север. К тому моменту, когда шторм добрался до побережья северной Норвегии, волны выросли до двадцати метров, а сила ветра достигла шестидесяти узлов. Шторм превратился в ураган, который позже назовут Андреа.

Глава 59

Фалк вспомнил звуки. Сначала сдержанные всхлипы, а затем истерический вой страха. И даже в этом произвольном звуке слышалось что-то необычное. Он сел на мокрую траву и закрыл руками лицо. Как и в тот раз. И пока он сидел так, подставив голову под дождевые струи, ему показалось, что рыдания эхом отражаются в горах. На протяжении пяти десятилетий эти звуки бесцельно блуждали между скалами, и сейчас наконец настигли его, того, кто и был причиной этого бездонного отчаяния.

Глава 60

В половине первого Рино набрал номер Рейдара Холма. Он прекрасно понимал, что в такое время старый рыбак, скорее всего, мирно спит в своей постели, но проверить все же стоило. Начали прорисовываться некие взаимосвязи, и ему нужно было прояснить ситуацию с первыми лучами солнца. Звонить пришлось долго, и он уже приготовился услышать какой-нибудь едкий комментарий, но, когда Холм наконец ответил, он был скорее озабочен, чем рассержен.

— Это Рино Карлсен.

— Полицейский?

— Да.

К удивлению Рино, он услышал на заднем плане звук мотора.

— Вы в море? — спросил он.

— Пожалуй, вам пора бы получше узнать нашу рыбацкую жизнь. Нет, я вовсе не в море. Я мотор проверяю. Услышал какой-то посторонний звук, когда мы с вами ходили в Винстад. Нужно все проверить.

— Значит, вы не сможете отвезти меня туда снова?

— Прямо сейчас?

— Утром.

— Боюсь, что не получится. Мне надо заняться лодкой.

— Тогда я попрошу Улава Риста.

— Да. Улав наверняка согласится.

Что-то подсказало Рино, что Рист встает с первыми лучами солнца, так что он решил позвонить ему утром.

Рино проснулся от звука мобильного. Он позволил себе поспать пару часов, и в первые несколько секунд, еще не до конца проснувшись, решил, что находится дома в Будё. К его удивлению, в телефоне мигало текстовое сообщение. Иоаким сообщал, что приедет паромом на следующий день. Сообщение было отправлено утром, без двух минут пять. То есть у Иоакима опять перепутались день и ночь. Черт возьми, о чем он думал, отправляя отцу сообщение посреди ночи?

Рино сбросил с себя плед, весь пропахший старой тетушкой, и спустил ноги с дивана. Взглянув в окно, он заметил, что ветер стих, лодки у причала едва двигались.

Рино прошел на кухню и открыл холодильник. Все полки занимали

продукты, которые Хелена назвала бы «едой холостяка». Он сделал себе бутерброд с подсушим паштетом и невольно посмотрел на стратегически размещенный список заданий.

Он предполагал, что вторая половина дня у него будет свободна, так что он займется делами по дому. Но пока его проживание здесь не улучшило дом ни на йоту. Он запил бутерброд просроченным молоком и, выливая его в раковину, взглянул на календарь на кухонной стене. 12 октября. Годовщина нападения на Астрид Клевен.

Он лишь частично поверил объяснению Каспары о том, каким именно образом исчез из ее дома Боа, однако именно она вызвалась организовать поисковую группу и сразу же ее возглавила. Она позвонила ему почти сразу же, как только он уснул, и сообщила, что они решили приостановить поиски на ночь, но те медсестры, которым не нужно на утреннюю смену, с рассветом снова пойдут искать.

Он все еще сомневался в том, что Шур Симскар проник в комнату через подвал и похитил Боа.

И если Каспера ведет какую-то игру, то делает она это весьма убедительно.

В половине седьмого он набрал номер Улава Риста.

— Это срочно? — по голосу было слышно, что тот только что проснулся.

— Боюсь, что так. Я уже говорил с Рейдаром Холмом, но у него с мотором неладит.

— Да, это у него постоянно.

— Мне нужно поехать в Винстад на несколько часов. Можете быстренько меня отвезти, а потом забрать.

— Дело все в том же проклятом скелете?

— В общем и целом да.

— Дайте мне час. Я не могу просто впрыгнуть в штаны и побежать.

— Скажем, в половине восьмого?

— Попробуем.

Рино решил спуститься к причалу. Было холодно и сыро, но он был хорошо одет, так как готовился провести первую половину дня на весьма негостеприимной земле. На шее у него болтался теткин бинокль — взятый без спросу ради дела.

Судно «Лофотфьорд II» легко покачивалось на волнах, оставшихся после ночного ветра, но Улав Риста видно не было. Рино присел на одну

из скамеек на причале и посмотрел на другую сторону залива. Дом Шура Симскара с этого места не просматривался, Рино заметил лишь несколько небольших домиков на возвышении, но и это были такие же развалюхи. О чем думал этот Симскар? Рино узнал в банке — пенсия лежала на счету нетронутая, так что действовал он не из экономических мотивов. Все указывало на то, что Симскар — деревенский сумасшедший, болезненно привязанный к матери. Но он ли был мстителем? Если именно Симскар подстроил пожар, он должен быть как-то связан с Астрид Клевен. Обдумать эту мысль Рино не успел, Улав Рист уже шагал по ветхому причалу.

— Я думаю, на этом чертовом оползне лежит проклятие. Пугливые туристы точно будут держаться оттуда подальше, помяните мое слово, — Рист приподнял фуражку и почесал голову. — А теперь, блин, еще и половина Хамнёйфьеллет обвалилась. Дорога как минимум на неделю закрыта. И кому, как вы думаете, придется хуже всего?

— Много работы?

— Скажем так: вы далеко не единственный, кто мне сегодня звонил, — Рист отвязал швартовочные канаты прежде, чем ступить на борт. — Отбываем через пятнадцать секунд, — прокричал он через плечо.

Когда Рино зашел в рубку, Рист сидел и скручивал себе папиросу.

— За птичками собрались понаблюдать? — шкипер едко ухмыльнулся и кивнул на бинокль.

— Как-то так.

— Я слышал, вы ищете Шура.

— Вы его видели?

— Постоянно вижу, — Рист затаился. — Бродит тут повсюду. Много лет уже.

— А в последнее время?

Рист выплюнул табак на палубу.

— Не-ет. может, пару дней назад. Думаю, он на вас злится.

— За что?

— За то, что вы лишили его матери.

— Мне кажется странным, что никто ничего не знал.

— Шур жил своей жизнью, — Рист завел мотор и отплыл от причала. — А она была очень старая.

Лишь когда судно прошло под мостом к острову Сакрисёй, Рино заметил, что на шоссе не было ни единой машины. Оползень. Если не считать парома, который ходил в Будё и обратно, Рейне был отрезан от

внешнего мира.

Рист явно наслаждался спокойным началом дня и молча вел судно по курсу, пока они не добрались до того места, на которое указал Холм.

— Можете снизить скорость?

Рист посмотрел на Рино с выражением, в котором явно ощущалось недовольство тем, что инспектор забыл, кто на шхуне капитан. Но просьбу выполнил.

— Вы знаете про «Риту»?

Рист некоторое время не сводил взгляд с морской глади, а затем дернул тормоз на себя. Звук мотора затих, судно неслышно заскользило на медленных волнах.

— Хотите понырять?

— Я хочу, чтобы вы высадили меня на берег на том месте, где разбилась «Рита».

— Двадцать метров от берега. Ближе я не подойду, — Рист сдвинул фуражку на затылок.

— Это здесь?

— Я думал, вы из-за скелета из постели выскочили, — Рист снова завел мотор судна и поправил курс.

Рино внимательно осматривал гладко отполированные валуны. Из-за мелководья берег становился почти непреступным.

— Вот мы и здесь, — Рист повернул капитанское кресло и заложил ногу за ногу. — Сплаваете?

— У вас на корме ведь есть весельная лодка, не так ли?

— Вы сказали, мы съездим быстренько. Быстренько, черт меня побери! — Рист демонстративно вздохнул и вышел на палубу. Ветра совсем не было, чувствовалось лишь легкое дуновение. Старик-капитан повернулся лицом к рассвету, как собака-ищейка, предчувствующая беду.

— Что-то грядет, — сказал он, решительно отвязывая лодку.

Она оказалась тяжелее, чем представлял себе Рино, но вместе им удалось опустить ее за борт.

— Вам остается лишь забраться, — Рист небрежно придерживал веревку, закрепленную на носу лодки. — Через час вернетесь?

— Или через два, — ответил Рино, доставая весла, привязанные под скамьей.

— Вы хоть умеете?

— Грести?

Рист широко улыбнулся.

— Если хоть раз в жизни это делал, никогда не забудешь.

Лодка легко скользила по воде и, когда та приблизилась к берегу, Рист поднял вверх зажатую в кулаке руку в знак прощания и отправился в Рейне. Рино немного подождал, а затем развернулся и погреб обратно в открытое море. Он хотел подождать, пока Рист скроется из виду, желая избежать лишних разговоров. Добравшись до места кораблекрушения, он поднял весла. Еще раз взглянул на «Лофотфьорд-II», судно превратилось в крошечную игрушечную лодочку на горизонте. Затем Рино встал, широко расставив ноги для равновесия, и приставил к глазам бинокль. Отстроив линзы после тетушкиной старческой близорукости, он увидел Винстад в увеличенном изображении. С места, где он находился, видно было только школу и еще пару-тройку домов на другом краю фьорда. Ноги Рино подрагивали, но ему все-таки удавалось удерживать бинокль ровно. Он перевел взгляд левее, и вскоре его взгляд уперся в выступ на скале. Значит, если бы во фьорде все еще кипела жизнь, никто не смог бы разглядеть его. Он был невидимым. Почти. Он приблизил скалу, на которой стоял и смотрел на шторм отец Боа. С этой точки вполне можно было рассмотреть погибающее судно.

Рино опустил бинокль и присел. Море вокруг было тихим. Завороженным. Затем он погреб к берегу. Он направился к V-образному проходу между двумя огромными валунами и греб до тех пор, пока судно не застряло между камнями. Так как сейчас был прилив, у него появился шанс причалить. Но не во время отлива. Тогда ему оставалось бы лишь истечь кровью, из последних сил пытаясь выбраться на гладкие камни.

Он вытащил лодку на берег насколько смог далеко и закрепил швартовочный канат в небольшой расщелине в валуне. Затем он осторожно выбрался наверх, следя за тем, чтобы бинокль не задевал за камни. Может быть, именно сюда он и прибил, тот, кто вопреки всему выжил в метровых волнах и ледяной морской воде. Его нашли только на следующее утро, так что он, по сути, дважды пережил смерть. Промокший до костей на холодном осеннем ветру, просто чудо, что он пережил ночь.

Рино повернулся спиной к валуну и огляделся. Он снова достал бинокль. В этот раз он мог разглядеть несколько крыш Винстада, но сомневался, что кто-нибудь мог видеть его. Разве что в бинокль. Он достал мобильный телефон. Связь есть, но нестабильная. Набрал номер Фалка. Никто не ответил. Он уже смирился с тем, что напарник приходил и уходил по желанию, но начал беспокоиться. Еще одна эсэмэска от Иоакима, который, видимо, не спал всю ночь. Видимо, за шумом мотора Рино ее не услышал. Иоаким обижался и очень просил ответить. Рино набрал сообщение и пообещал встретить сына на причале в Сёрвогене, хотя, сам

того не желая, подумал, что сын явится очень некстати.

Рино приступил к поискам. Разговор с судмедэкспертом навел его на новые мысли. Поэтому он приехал сюда.

Расщелины в скалах порой были глубиной четыре-пять метров. В некоторых стояла вода, а некоторые поросли мхом. Но ни в одной из них не было того, что он искал. Прошел почти час, и Рино засомневался в своей теории. Он прочесал территорию площадью почти в двести метров, но не нашел ничего, кроме мусора и хвороста. Рино снова спустился к морю и увидел, что уровень воды снизился. Он прошел дальше вдоль кромки воды, отыскивая новые расщелины. Сначала он отправился в сторону Рейне, но эти места отлично просматривались сразу из нескольких домов Винстада, так что выбор был очевиден. Рино развернулся.

Валуны были не только опасно скользкими, многие из них поднимались на метровую высоту и резко обрывались. Он обходил их, где это было возможно, и скоро береговая линия сгладилась и появились несколько удобных мест для причаливания. Отсюда и старая школа была не видна.

После часа безуспешных поисков Рино поднялся на возвышенность и оглядел подножие гор, где скалы становились круче и выше. Там был проход шириной метров пятьдесят или сто, и было невозможно себе представить, хотя.

Рино решил попытаться в последний раз, он потратил около четверти часа на то, чтобы забраться на скалу, и направил луч фонаря вглубь крутого ущелья. Камни здесь были уже не такие гладкие, так что рукам и ногам было за что зацепиться. Он спускался, пока плечи не застряли между двумя краями ущелья, а затем осветил то, что было там скрыто. Так он и думал.

Глава 61

Сознание то пробуждалось, то уплывало от него. В те моменты, когда он приходил в себя, ему казалось, он слышит, как под ним тяжело бьются волны. Ему нравился этот звук, он позволял ему заполнить всю голову. Из-за постоянных обмороков последний час он воспринимал лишь отрывками: запах дизеля и масла, звук заводящегося лодочного мотора, вибрацию пола от ровной работы двигателя. Каждый раз, даже когда он просыпался, сознание оставалось замутненным, но звук волн заставлял его все вспомнить.

Он замерз. Горло сжалось от недостатка влаги, казалось, будто сердце изо всех сил проталкивает кровь по узким венам. Сознание снова уплыло, перед ним предстала картина — он, мертвый, лежит на потертом деревянном полу, и он решил, что наконец-то стал свободным, освободился от всех страданий. Но время, отпущенное ему, еще не истекло, так что он очнулся в своем истерзанном теле, которое все так же болело и все так же было охвачено страхом.

Иногда его мысли прояснялись. Все началось с Дьявола, женщины, которую он не знал. Сначала он не мог понять, за что она его мучает, но, когда она забрала его к себе домой, все прояснилось. Дело было в преступлении, случившемся давным-давно. Более того: это многолетняя желанная месть.

Глава 62

Фонарь осветил куски дерева, полусгнившие и поросшие мхом, неудивительно, учитывая, что они пролежали здесь пятьдесят лет. Рино нашел то, что искал: остатки весельной лодки. Очевидно, ее состояние объяснялось не только гниением. Ее разломали на максимально возможные мелкие кусочки. А затем попытались спрятать в ущелье. Рино присел на корточки и пальцем коснулся дерева, в то же время пытаясь представить себе ход событий: открытый вентиль на дне — и лодка похоронена под выступом в скале. На борту лодки безжизненная женщина, а мужчина, который, как говорят, сумел побороть шторм и ледяную воду, на самом деле спокойно гребет к берегу. Битвы не на жизнь, а на смерть в бушующем море не было. Мужчина раскрошил лодку на мелкие кусочки и спрятал ее там, где, как он думал, никто никогда ее не найдет. Затем он по своей воле окунулся в море прямо перед тем, как на следующее утро начались их поиски. Он рассказал, что судно затонуло посреди фьорда, чтобы не допустить быстрых поисков места крушения, а позже, когда останки судна все-таки были найдены, объяснил это плохой видимостью при шторме. Вот только он не знал, что кто-то наблюдал за ним из Винстада и прекрасно видел все, что пришло за выступом скалы. Ведь так?

Это была чистая фантазия, но вполне логичная. Кораблекрушение произошло в ту же ночь, когда погибли отец и сын, а Рино совершенно не верил в совпадения. Какая-то часть его мозга не хотела верить, что все так и было, и, возможно, это была своего рода самозащита, ведь если его версия подтвердится, то рухнет та, которую считали само собой разумеющейся: что отца убил Боа.

Рино погасил фонарь и выбрался на поверхность. Небо лучилось необычайно ярким светом, учитывая время года, ветер менял свое направление. Он немного посидел, размышляя о своей находке, затем достал телефон и набрал номер Риста. Капитан долго не отвечал, но потом пообещал прибыть на место через двадцать минут.

Внезапно в голову Рино пришла одна мысль, и он открыл список звонков на своем мобильном. Конечно, этот звонок породил ожидания, пробуждать которые Рино не хотелось, но выхода не было.

— О, привет, это *ты!* — зашебетала Бутиль.

— Да, я тут кое о чем подумал.

Звук «mmm» означал предвкушение.

— Ты говорила о кораблекрушении, в котором погибла подруга твоей матери.

— И что?

— Можешь рассказать о ней?

— Я? Да я тогда еще не родилась.

— Ну, твоя мать что-то же рассказывала?

Он услышал шипение жарящегося мяса на заднем плане и подумал, что какого-нибудь дальнбойщика сейчас накормят сгоревшим бургером.

— погоди, — сказала она и заговорила с покупателем. — Так, я снова здесь. Знаешь, а почему ты вдруг заинтересовался?

— Я бы предпочел, чтобы ты не спрашивала.

— Ах так, — она замолчала. — Я знаю, что она была дочерью хозяина рыбной фабрики. И у нее было полно денег. Наверное, поэтому за ней все увивались.

— А тот, кто выжил?

— А что с ним?

— Кто он?

На другом конце провода стало тихо.

— Господи, хочешь верь, хочешь не верь, а я ведь точно не знаю. Может, тот, кто когда-то водил паром во фьорде? Нет, честно говоря, я не помню. Но могу выяснить, если надо. Правда, я об этом происшествии уже много лет ничего не слышала.

— Спасибо. Ты мне очень помогла.

— Так спросить или нет?

— Что, прости?

— Узнать мне, кто это был?

— Я спрошу Улава Риста, — сказал Рино и поспешил попрощаться, чтобы она не успела пригласить его на новый раунд игры в слова.

Через четверть часа он поднялся на борт «Лофотфьорда-II».

— Ну что, нашли новые скелеты? — спросил Улав Рист, изо всех сил втаскивая весельную лодку на борт шхуны. Рино попытался помочь ради успокоения совести, но ничего не вышло.

— Что вы можете рассказать мне о том крушении?

— О «Pute»?

Рино кивнул.

Рист, которому, как казалось, лечение рака не нанесло видимого ущерба, водрузил лодку на самодельный штатив, и Рино снова почувствовал, что скорее мешает ему, чем помогает.

— В то время это была мечта, а не яхта. Тридцать футов. Затонула во время шторма.

— Утонула женщина?

Рист ударил по шлюпке ногой, и та с металлическим лязгом встала в паз.

— Так и есть, — сказал он.

— Кто она?

Рист взглянул на Рино с явным осуждением, что тот тревожит старые раны.

— Ее звали Рита, — сказал он, вернувшись к штурвалу.

— Яхту назвали в ее честь? — спросил Рино, заходя в рубку вслед за капитаном.

— А вы догадливый.

— А его?

Шхуна набрала приличную скорость. Очевидно, Рист очень спешил.

— Есть причина, почему мы оставляем прошлое в прошлом. Ему пришлось нелегко, и он не любит об этом вспоминать.

— А что случилось?

Снова раздраженный взгляд.

— А вы выйдете в море как-нибудь в осенний шторм. И умерите ваше любопытство, хотя бы на время.

Рист вел шхуну по морю на самой высокой скорости.

— Мы, люди, забавно устроены, — сказал он наконец. — Я думаю, его мучает совесть за то, что он не отправился на дно. Народ вокруг очень подозрительный, все спрашивают и вынюхивают. Так что сделаем так. Думаю, вам стоит забыть об этом крушении. Те, кто помнит ту ночь, скоро помрут, а новому поколению эта старая история интересна так же, как жизнь во времена оккупации. Дела старых дней.

Они сидели молча, Рист снизил скорость и выровнял курс. Довольно скоро они достигли гавани Рейне.

— Он унаследовал деньги? — спросил Рино.

— А вы упрямый! — Рист покорно вздохнул. — Да, он выжил. Да, ему досталось немного денег. И это мучает его до сих пор. Оставьте, черт возьми, уже это дело в покое. Сосредоточьтесь на скелете!

Рист приветственно поднял руку, проходя мимо двух мальчиков в открытой лодке.

— К тому же что-то говорит мне, что вам скоро предстоит это пережить.

— Что?

— Шторм.

Рист еще снизил скорость и осторожно направил лодку к пристани.

— Он надвигается.

Рино посмотрел на редкие облака на небе.

— Как его зовут?

Шхуна с такой силой стукнулась о причал, что Рино пришлось сделать шаг, чтобы удержаться.

— Он никак не связан с вашим скелетом.

— И все же у него есть имя.

Рист приподнял фуражку.

— Я прошу вас быть осторожным. Ему пришлось в жизни очень нелегко. Человек, взглянувший смерти в глаза, меняется. Мы тут, в Рейне, не говорим о крушении, мы избегаем этой темы из уважения к нему и к тому, через что ему пришлось пройти. Ему пришлось бороться за свою жизнь, и ему совершенно не нужно, чтобы какой-то полицейский стучался к нему в дверь через пятьдесят лет и задавал вопросы.

Рино, защищаясь, поднял руки.

— Я и не собираюсь его беспокоить.

Рист по-кошачьи мягко спрыгнул на причал и закрепил швартовочные канаты. Убедившись, что тросы надежны, он снова поднялся на борт. Рино подумал, что имя выжившего ему не узнать. Ну ничего, Рейне — поселок маленький, здесь все всех знают.

— Тогда мне остается только поблагодарить вас за поездку, — сказал Рино, выходя на ветхую пристань.

По голосу было слышно, что его настроение серьезно испортилось.

Рино начала раздражать необходимость все выспрашивать.

— Я же так и не назвал вам имя, — Рист сделал несколько шагов прежде, чем обернуться. — Рейдар Холм.

Глава 63

Фалк помнил, что он чего-то ждал, но не помнил, как долго и что именно. Только сам процесс. И сейчас он сел и стал ждать. В этот раз ждать, что вспомнит ход событий. В кармане завибрировал телефон. Снова Рино. «Ты ничего не понимаешь», — подумал он. Совершенно ничего.

Глава 64

Рино набрал Драйеру, тот сообщил, что судно, которое привезет ленсмана и двух его коллег в Рейне, отчалит в течение часа. Обеспокоенная заведующая уже звонила ему, она боялась, что жить похищенному пациенту осталось недолго. Еще одна команда, состоявшая из сотрудников пансионата и жителей поселка, направилась на поиски, но все указывало на то, что у заведующей имеются причины волноваться.

Рино попытался привести мысли в порядок, а затем позвонил в налоговую инспекцию. Судя по голосу, женщина на другом конце была та же самая, которая работала в регистре населения. Не скрывая недовольства, она сообщила инспектору необходимые ему сведения, с громким вздохом рассказав, что у Рейдара Холма нет собственности и что помимо пенсии он получает небольшой доход в 43 тысячи крон в год за счет предпринимательской деятельности. Рыболовства, демонстративно добавила она. Это несколько поколебало уверенность Рино, но все-таки он решил узнать, где живет Холм. Однако действовать следовало крайне осторожно. Сгнившие деревянные еще ничего не доказывают.

Он снова вышел из дома и обратился к первому встречному, женщине лет пятидесяти. Та кивнула на маленький коричневый домик всего в пятидесяти метрах. Дом был не только самым маленьким в Рейне, он был еще и самым неухоженным.

Куда делись деньги? Разве мотивом были не деньги? Рино прекрасно понимал, что построил свою теорию на довольно сомнительных обстоятельствах. Ведь если это действительно так и Элдар Стрём видел крушение, не естественнее ли было позвать кого-нибудь из соседей, чтобы отправиться в море вместе? Разве рыбаки не помогают друг другу в беде? А если он действительно вышел в море один, зачем Холму доставлять его обратно на берег? Почему бы не дать лодке и самому мужчине отправиться на дно посреди фьорда? Рино направился на причал, где пришвартована шхуна Рейдара Холма, мысли его путались, находка уже не казалась ему такой значительной.

Шторм вынудил рыбаков оставаться на берегу, насколько же реалистично предположить, что Элдар Стрём вышел в море в такую погоду? Он ведь все-таки был одиноким отцом двоих детей.

Через пару минут Рино подошел к причалу, на котором виднелись

лишь мачта и часть рубки шхуны Холма. Он все сильнее убеждался, что упустил что-то важное.

Он остановился поодаль, разглядывая потрепанное судно. На палубе стояли окровавленный ящик для рыбьей требухи и круглая бочка, а на носу валялась связка веревок и несколько поплавков. По шхуне было видно, что Рейдар Холм зарабатывает на хлеб тяжелым трудом. Рино посмотрел на выкрашенный в белый цвет лодочный сарай на берегу, затем подошел и взялся за выкованную вручную ручку. Дверь была закрыта. Повернувшись, чтобы уйти, Рино услышал внутри какой-то звук. Он заглянул внутрь через единственное окно, выходящее к морю, но все, что он смог рассмотреть — подвесной мотор и стопку пластмассовых ящиков.

В этот момент зазвонил телефон. Звонила Хелена.

— Здесь немного ветрено, — сказала она. — Мне бы не хотелось отправлять Иоакима в дорогу, если погода испортится.

Поднимаясь с причала, Рино почувствовал, что ветер действительно усилился.

— Тут один старик говорит, что надвигается шторм.

— То есть ты бы предпочел, чтобы Иоаким остался дома?

— Я сказал совсем другое. Но проход по Вестфьорду может оказаться очень трудным. Уже сейчас дует гораздо сильнее, чем десять минут назад.

— Он настроен ехать, — голос звучал просительно.

— Могу себе представить. И все же не стоит отправлять его в дорогу во время шторма, правда же?

— Шторм пройдет. Только не забудь его встретить.

И она положила трубку. Он снова уступил, но это разозлило его не меньше, чем обычно. Однако язвительные комментарии Хелены навели его на кое-какие мысли, которые уже давно должны были прийти ему в голову. И Рино снова отправился в пансионат.

В коридорах не было медсестер, и он сразу же понял, почему: смену урезали, чтобы как можно больше людей направить на поиски Боа. Рино прошел напрямую к палате Карстена Крога, постучался для вежливости и сразу же распахнул дверь.

Крог с отсутствующим выражением лица и приоткрытым ртом сидел в кресле. На шее у него была повязана салфетка, а на столе стоял обед.

— Можно вас кое о чем спросить?

Казалось, Крог смотрит сквозь него.

— Я был у вас пару дней назад.

Все то же отсутствующее выражение лица, затем Крог глубоко

уважительно поклонился.

— Вы рассказывали об Элдаре Стрёме и его сыновьях.

— Элдар Стрём был пьянчугой, — во рту виднелся недожеванный рыбный пудинг.

— Я хочу поговорить о той штормовой ночи.

Выражение лица ничуть не изменилось.

— О той ночи, когда он погиб.

— Никто особо не расстроился.

— Вы помните тот шторм?

Крог рассеянно огляделся, затем взял стакан воды и сделал несколько глотков.

— Очень сильный.

— То есть помните?

Снова поклон:

— Да.

— Шторм длился всю ночь?

Крог взглянул на поднос с обедом, сглотнул.

— Часа в два-три все стихло.

— Мы говорим именно о той ночи, когда погибли отец и сын?

Крог кивнул.

— В ту ночь затонула яхта.

Снова кивок.

Страх утонуть преследовал Рино всю жизнь. Внезапно перед глазами встала картинка: деревянная лодка заполняется водой, рыбаки, цепляющиеся за борта в борьбе за жизнь. Тяжелые волны поднимают лодку на метр в высоту, чтобы через мгновение скинуть ее в пучину, со всех сторон обрамленную стенами воды. Суровые мужчины, которые смотрят в глаза смерти, скрещенные руки, надежда, отчаянная надежда. На то, что прямо из моря всплывет волшебный остров.

— То есть шторм бушевал примерно до середины ночи? — спросил Рино, пытаясь отвлечься от картинки в своей голове.

Ему снова показалось, что Крог погрузился в свои мысли, но тот вдруг утвердительно мотнул головой. От предчувствия, что он близок к разгадке, у Рино мурашки побежали по спине. Он присел в кресло.

— Вы в этом уверены?

Снова величественный кивок.

— Я опасался за мой хлев. Так что не ложился, пока ветер не стих.

— И это произошло около двух-трех часов ночи?

— Шторм быстро разыгрался, так что быстро и улегся.

— Не знаете ли вы, была ли у семейства Стрём лодка? Старик глубоко задумался.

— Какая-то восьмивесельная, да.

— А вы не помните, она случайно не пропала во время шторма?

— Элдар Стрём валялся пьяный каждый раз, когда на пристань приходил заказ, так что он не имел права больше там швартоваться. Его лодка стояла за школой между валунами. Но мерзавец остается таковым навсегда. Он считал, что имеет право на все, так что все решили, что он получил по заслугам. В ту штормовую ночь он все-таки пришвартовал свою лодку на пристани.

— Лодку нашли на следующее утро?

— Он переставил ее, когда увидел, к чему все идет. Надвигался ураган.

Рино поблагодарил и поспешил уйти. Открывая дверь на улицу, он заметил, что стены гудели от ветра. Первой его мыслью было позвонить Хелене, но, решив, что она опять все поймет неправильно, еще раз попытался дозвониться до Фалка.

В этот раз раздалось лишь два длинных гудка, а потом пошли короткие. Это означало по меньшей мере, что его напарник слышал звонок телефона. Рино остановился на парковке, пытаясь понять, что ему делать дальше.

Дрейер и его команда будут здесь примерно через час, так что разговор с Холмом можно было отложить. Потому что, разумеется, он уже успел подумать, что, если Элдара Стрёма убил молодой Холм, может быть, именно он и размоzzжил кости сына, Руаля.

Ход его мыслей прервал телефонный звонок. Незнакомый номер.

— Это полиция? — женский голос на другом конце провода звучал полной противоположностью голоса Хелены, осторожный, извиняющийся.

— Именно так. Чем могу помочь?

— Меня зовут Олине Ульсен. Возможно, именно вы заходили ко мне недавно.

Через пару секунд до Рино дошло. Женщина, которая сдавала Боа гараж и дом.

— Да, это я.

— Я просто подумала, конечно, это совсем не срочно. но вот его вещи.

— Какие вещи?

— Вещи, которые остались в моем доме. Не знаю, сколько мне нужно их хранить. Они занимают всю комнату, а ко мне внук приезжает через неделю.

— Что это за вещи? — перебил он.

— Ну, всякое разное. Мелочи, конечно, он ведь снял дом с мебелью. Но, например, очень красивый сундук.

Ветер разбушевался, несколько раз машину чуть не сдуло с шоссе. Рино решил, что Хелена уж точно не выпустит Иоакима из дома в такую погоду, однако решил позвонить ей попозже.

Всю дорогу мысли крутились вокруг случившегося полвека назад. Все это время он думал, что дело в мести за злодеяния юноши, и у Астрид Клевен, и у Шура Симскара были основания для возмездия. Но затонувшая яхта проливала на это дело совершенно новый свет.

Возможно, это хорошо спланированное убийство, и все дело в наследстве, которое заполучил мужчина, ставший в глазах местных жителей героем благодаря своей борьбе за жизнь в волнах? И, возможно, судьбе было так угодно, чтобы самый ненавистный человек в поселке увидел, что произошло, так что и его пришлось убрать? В этот момент Рино вспомнил слова старика из Киркефьорда, что калека из соседней деревушки любил сидеть на причале и наблюдать за всеми. Может быть, и Руаль Стрём сидел там в тот вечер? Может быть, он видел, что случилось с отцом?

Припарковавшись на гравийной дорожке, Рино пришел к предварительному выводу, что запланированное кораблекрушение в итоге привело к целой череде событий, кульминацией которых стало исчезновение Боа.

Чтобы открыть дверцу машины, ему пришлось приложить усилие, и он признал, что Улав Рист в приметах разбирается отлично. Олине Ульсен встретила его на лестнице и проводила в комнату на первом этаже, несколько десятков коробок и телевизор занимали половину помещения.

— Вот его вещи.

— Вы говорили об этом с Бергером Фалком?

Женщина с волосами мраморного цвета удивленно взглянула на инспектора.

— А должна была?

Рино понял, почему напарника не заинтересовали вещи пострадавшего: пожар до последнего времени считался несчастным случаем.

— Тут в основном одежда, — женщина наклонилась и открыла одну из коробок.

— Вы говорили о каком-то сундуке, — нетерпеливо перебил Рино.

— Да, сундук. Вот он.

Маленький деревянный сундук стоял между двумя ящиками, она пододвинула его ногой. Крышка — толщиной с коробку конфет — была украшена резьбой в форме треугольников. Позолоченный ключ торчал в замке.

— Вы знаете, что там внутри? — спросил Рино.

— Нет, — женщина плотнее запахнула вязаную кофту. — Я по чужим вещам не лазаю.

А Рино лазал. Он присел на корточки, повернул ключ и открыл крышку. В сундуке лежали две вещи. Старый ржавый ключ и конверт. Рино поднял конверт поближе и посмотрел на выведенные красивым почерком буквы: Алине.

Глава 65

Рино поставил сундук на пассажирское кресло рядом с собой и не стал вскрывать конверт. Он считал, что не имеет на это права до тех пор, пока Боа жив. Выруливая с подъездной дорожки, он тревожно взглянул на море. Горизонт был укрыт серо-белой дымкой, которая, как казалось, подползала с каждой секундой, метровые волны тяжело поднимались над фьордом.

Не успел он проехать Сёрвоген, как зазвонил телефон. Звонил Дрейер.

— Нам пришлось развернуться, — его слова с трудом слышались сквозь помехи.

— Вы не приедете?

— Пока не стихнет шторм. Если уж опытный рыбак не решается выйти в море, значит, там действительно опасно.

— Ситуация накаляется, — сказал Рино, с трудом веря своим ушам.

— Извините, Рино.

— Боа умрет, если мы не найдем его сегодня.

— Я попытаюсь дозвониться до Фалка.

— На Фалка нельзя рассчитывать.

— Мне очень жаль, Рино.

Он остановился у небольшого съезда.

— У нас двое пропавших. Трое, если считать Фалка.

— Я знаю.

— К тому же я нащупал взаимосвязи.

— Мы останемся здесь, в Мельнарддене, как только стихнет шторм, мы сразу же попробуем к вам добраться.

— Счет идет на часы.

Снова помехи на линии, и голос ленсмана, прорывающийся через них.

— Вам придется работать в одиночку, — сказал он.

Рино сидел, уставившись прямо перед собой. Ветер рвал на части старенький «Вольво-240», паромный причал всего в нескольких сотнях метров ниже был едва виден. Что же, господа, ему делать? Чему отдать предпочтение?

Он положил руки на руль и опустил голову. Насколько он уверен, что все началось с кораблекрушения? И что еще важнее: насколько он уверен, что крушение действительно было подстроено, чтобы скрыть убийство? Рейдар Холм не похож на богатого наследника, а разбитая весельная лодка еще ничего не доказывает. Он выругался и врезал кулаком по рулю. Может

быть, Боа что-то подозревал и пошел на конфликт с Холмом? Тогда пожар вполне может быть делом рук Холма. А сейчас он пытается завершить то, что начал тогда. В этом есть смысл. Вот только эта маска. Она не укладывается в теорию о Рейдаре Холме.

Рино достал телефон, чтобы еще раз позвонить Фалку, но отбросил его на сиденье и громко выругался. В тот же момент пришло сообщение. Снова Хелене. Черт побери, ей что там, наскучил ее голландец?

Он открыл сообщение и похолодел. Этого не может быть! Он нажал кнопку звонка с такой силой, что телефон хрустнул, и, услышав ее голос на другом конце провода, заорал:

— Черт тебя побери, о чем ты вообще думала? Ты вообще понимаешь, что наш сын может утонуть?

— Так, успокойся. Что случилось?

— Что случилось? Ты отправила Иоакима в море в шторм!

— О господи!

— Господи, да?

— Очень сильный?

— Сильный? Да он мощнейший!

— Они отчалили раньше времени, как раз чтобы успеть до шторма.

Паром должен причалить в ближайшее время.

— Черт, черт, черт!

— Ты думаешь, паром не сможет пристать?

Он взглянул на пристань и попытался отогнать панические мысли. Видимость была плохая, но действительно ли волны были слишком страшными?

— Не знаю, — сказал он. — Черт подери, понятия не имею.

Он вышел из машины, чтобы попытаться разглядеть паром, но на глазах мгновенно выступили слезы, и он смог увидеть лишь непроглядную полосу серых штормовых облаков. Колени у него задрожали. Он не должен был ехать сюда, не должен был оставлять Иоакима. У мальчика наступил самый тревожный возраст, а он ухватился за возможность уехать, оставил Иоакима разбираться в своих проблемах в одиночку при помощи какого-то невнятного голландца, претендующего на роль отца.

Господи, Иоаким, что же я наделал? Слова утонули на ветру, и он представил себе до смерти перепуганного Иоакима, в панике ищущего спасательный жилет. От этой картинки у него перехватило дыхание, он сел в машину и поехал к паромной пристани.

Рино резко затормозил возле одетого в рыбацкий комбинезон мужчины, который сказал, что паром должен прибыть через полчаса. Судя

по лицу, его волновали не шансы парома пристать, а лишь время, когда тот прибудет. После его заверений в том, что паром выходил в море и в гораздо худшую погоду, а также подробного рассказа о направлении ветра, от которого зависит, придется ли парому поворачивать обратно, самые худшие опасения Рино немного развеялись. Он отправил Хелене сообщение, чтобы ее успокоить, и вернулся в машину.

В зоне ожидания стояли пять машин, Рино понял, что желание перебраться через Вестфьорд возникло не у многих. Он подошел к краю погрузочного понтона и посмотрел на море. Отсюда волны казались не такими огромными, и он попытался представить, как паром легко пробивает себе путь через них. Сейчас, когда наихудшие опасения угасли, он по старой доброй привычке разозлился на Хелену. Такого сложного дела ему еще не приходилось расследовать в одиночку, и все-таки она отправила сюда Иоакима, закрыв глаза на надвигающийся шторм. Видимо, у нее нашлись дела важнее сына, и он подозревал, что в приоритете у бывшей жены был этот чертов голландец.

Нетерпеливо походив какое-то время по причалу, он снова набрал номер Фалка и был крайне удивлен, услышав голос напарника на другом конце провода.

— Бергер? Вы где? — сильный шум заполнил его уши, напарник явно находился в эпицентре шторма.

— Я здесь. Здесь.

Рино понял, что что-то случилось, но ни времени, ни сил для того, чтобы подумать о душевном состоянии коллеги, у него не было. Ему нужна была любая помощь.

— Я жду своего сына, Иоакима, — сказал он. — Он прибудет на пароме. Боа все еще не нашелся, но мне кажется, я знаю, где он. И кто попытался его убить.

— Вы все знаете?

— Мне так кажется, Бергер, но мне нужна ваша помощь.

На другом конце провода было тихо. Только шум ветра.

— Это Рейдар Холм. Кораблекрушение, в котором он спасся, было подстроено. Он убил свою жену ради денег.

В ответ лишь завывание ветра, а потом снова голос напарника:

— Ничего вы не понимаете, — сказал он. — Совсем ничего.

Глава 66

Фалк все так же сидел на месте злодеяния. Слезы стыда, поддерживаемые усиливающимся ветром, струились по его щекам.

Рино Карлсен. Примчался из Будё и взялся за дело о скелете с таким рвением и энтузиазмом. И ведь напарник ничегошеньки не понимает. Самое страшное произошло не в Винстаде. Самое страшное произошло здесь. Именно здесь. И он в этом замешан.

Глава 67

Паром медленно прорезал бурлящие волны и тяжелые штормовые облака. Он гораздо лучше держался на воде, чем представлял себе Рино, и все же на то, чтобы осторожно пристать к понтону, ушло довольно много времени. Один из матросов первым сошел на берег, и Рино увидел, как он жестами показывает, что в обратный рейс паром не пойдет. Затем появились первые машины и, наконец, мертвенно-бледная фигура в широких штанах, пошатывающаяся на нетвердых ногах. Рино, у которого всегда были очень теплые отношения с сыном, обнял его так крепко, как уже много лет не обнимал.

— Все нормально?

Иоаким покачал головой.

— Тошнит?

— Ужасно. Четыре раза сблевал.

— Сейчас поедем домой и найдем чего-нибудь поесть.

— О, нет, только не есть, — Иоаким яростно тряс головой. — Что с тобой стряслось?

— Со мной?

— Волосы.

— А, это. Парикмахерша перестаралась, только и всего.

Вернувшись в машину, Рино отправил Хелене сообщение, что Иоаким благополучно прибыл, и тут он вспомнил о насущных делах.

— Иоаким, я сейчас по горло занят делом об убийстве.

— Занят? Я думал, вы нашли скелет из тысяча восемьсот какого-то года.

— Мужчина с сильнейшими ожогами похищен и сейчас умирает где-то.

— Шутишь?

— К сожалению, нет. И это значит, что мне придется уйти на поиски.

— Без проблем. Меня все равно блевать тянет.

Иоаким без особого интереса посмотрел на сундук и переставил его на заднее сиденье.

В этот момент уличные фонари мигнули. На лобовом стекле появились первые капли дождя, а через секунду дождь превратился в мокрый снег.

— Стой!

Иоаким открыл дверь еще до того, как Рино успел остановиться, так

что ветер вернул рвотные массы обратно в машину и расплескал по панели управления.

— Прости.

Иоаким опустил затылок на подголовник и закрыл глаза. Лицо было белым, как мел, а шапка, в которой, как было задумано, он должен был казаться крутым, делала его маленьким и беззащитным.

Рино осторожно потрепал его по голове.

— Кричи сразу же, как почувствуешь, что подкатывает.

Иоаким, все еще не открывая глаз, кивнул.

Фонари, опасно раскачивающиеся на ветру, снова мигнули. Он подъехал к мосту через Дьюпфьорд, представлявшему собой бетонную конструкцию длиной сто пятьдесят метров. Пока он осторожно пробирался по мосту, тяжелые волны разбивались о скалы с обеих сторон, брызги морской воды обдавали машину.

— Они сказали, обещают ураган, — сказал Иоаким.

— Ураган?

— Мммм. Матросы на пароме говорили об этом.

Видимость ухудшалась с каждой минутой, дворники работали на пределе, пытаясь смести мокрый снег. Рино понял, что его ждет очень трудная ночь.

Наконец впереди, словно восход солнца на горизонте, показались огни Рейне.

— У тебя все в порядке, Иоаким? Ну, если не считать тошноты?

Иоаким скептически взглянул на отца.

— Опять мама пожаловалась?

— Не пожаловалась. Ей просто кажется, что ты какой-то раздраженный в последнее время. Это из-за Рона? Знаешь, эти голландцы.

— Рон клевый.

— Может, из-за меня? Сердишься, что я уехал?

Иоаким надвинул шапку на глаза.

— Я приехал четыре минуты назад, а ты уже начинаешь!

— Извини, Иоаким. Я не хотел. Сейчас мы просто едем домой.

Они доехали до Рейнехалсена, извивающиеся полоски света едва пробивались через потоки дождя со снегом. Как только он свернул в сторону Рейне, мир померк.

— Черт подери!

— Небытие, — сказал Иоаким.

Сначала полная тьма, потом на горизонте, там, где дождь и снег попадали в лучи фар машины, показались тусклые отблески, похожие на

трассирующие заряды в зоне военных действий.

— Это твоя лачуга? — Иоаким скептически посмотрел на дом тетушки, когда они припарковались.

— Лачуга, да, но внутри все не так уж и плохо, вот увидишь. Я зажгу огонь в камине, а потом, боюсь, мне придется уехать на поиски.

— Ты вроде говорил, что это вопрос жизни и смерти? — Да.

— Я сам разожгу.

Рино по-товарищески пихнул Иоакима, но тот увернулся. Подходя к дому, им пришлось пригнуться от ветра, как делают прыгуны с трамплина при сложном повороте. Войдя в дом, Рино подошел к камину, над которым тетушка хранила зажигалку. Он зажег ее, и белое, как мел, лицо Иоакима стало похоже на физиономию из фильмов ужасов, которые тот когда-то любил. Рино зажег оплывшую свечу.

— Страшно было? — спросил он.

— На пароме?

— Да.

— Не особо. Там, черт возьми, есть спасательные шлюпки.

И снова перед глазами Рино всплыла картинка: сын, бледный, напуганный, стоит у борта парома, а толпа сгрудилась возле спасательных шлюпок. Представив такое, Рино оцепенел. Люди в панике. Рассуждать разумно никто не в силах. Он вынужден был признать, что и сам не рассудил разумно. И что времени в обрез.

Глава 68

Стены скрипели на ветру. Легкий запах рыбы подсказал ему, что он лежит в сарае для лодок, и он подумал, что на стенах вокруг висят сети и разные инструменты для рыболовства. Мужчина, который пытался ему помочь, лежал на полу рядом. Видимо, его связали и вставили в рот кляп. У него самого ни кляпа, ни веревок на теле не было. Он в любом случае не мог сопротивляться.

Внезапно дверь распахнулась, в комнату проникли звуки бушующего шторма, а обнаженную кожу обожгло ледяным дыханием ветра. Мужчина какое-то время постоял, а потом, судя по тому, как прогибались доски на полу, пошел в их сторону.

— Теперь ты пожалеешь, что не сделал, как я сказал. Если бы ты тогда глотнул достаточно воды, сейчас все было бы кончено. И теперь тебе придется пережить это еще раз. Оно того стоило? Никто не знает, что тогда случилось, и никто никогда не узнает.

И снова движение в их сторону, от пола пахло холодом. Мужчина открыл люк.

После той штормовой ночи я знал, что никогда не смогу вернуться в Винстад. Я украл шлюпку, которую кто-то бросил на берегу, — все равно все решили бы, что ее унесло штормом. Ветер немного утих, но волны все еще были достаточно большими и тяжелыми, я был до смерти напуган, когда принялся грести. Но я не видел другого выхода. Мне нужно было исчезнуть. Я отплыл от берега примерно на пятьдесят метров и понял, что не смогу пересечь фьорд. В полном отчаянии я пытался осознать этот факт: отсюда мне не выбраться. Но, пока лодка скользила обратно к берегу, мне в голову пришла одна мысль. Есть и другой выход. Вдохновленный своей идеей, я решил, что есть кое-что еще, что мне нужно сделать, прежде чем навсегда попрощаться с Винстадом.

Глава 69

Рино пришлось приложить всю силу, чтобы открыть дверь, которая больно ударила его по ноге, не успел он еще запрыгнуть в салон машины. Хотя дорога была покрыта тонким слоем слякоти, шины завизжали, когда он направился к домам, находившимся ближе к морю у скал, сразу же за домом тетушки. Дорога была очень узкой, а ямы на ней размером с корыто. Но сейчас было не время думать о подвеске и амортизаторах, так что Рино пытался, не сбавляя скорости, лавировать между ямами. Он остановился перед одной из самых красивых и больших вилл в Рейне, оплаченных кровавыми деньгами. Как он и боялся, она была заперта. Насколько вероятно, что Боа держат здесь? Не очень, и в то же время права на ошибку у него не было.

Он завернул за угол, пригнулся от сильнейшего порыва ветра и заглянул в одно из окон гостиной. Никто не зажигал свечи, никаких следов пребывания человека. Рино подошел к другому углу и с тревогой взглянул на море, где бушующие массы воды агрессивно бросались на валуны. Сначала он подошел к огромному, от пола до потолка, окну, разделенному деревянными рамами, а затем к следующему, открывающему вид на просторную кухню.

Он обошел весь дом вокруг, быстро оглядывая окна, затем прыгнул в автомобиль и умчался. Направившись к причалу, он заметил свет в пансионате. Значит, там была запасная система электроснабжения.

Страшный удар в днище машины напомнил ему, что он позабыл снизить скорость перед «лежачим полицейским». Машину повело, но Рино сумел поймать управление, в тот же момент он заметил двух мальчиков, которые шли по дороге в темной одежде без светоотражателей. Он громко выругался, но понял, что сам подвергает свою жизнь большей угрозе, чем эти мальчики — свою.

Казалось, что на причале состоялась мировая попойка. Скамейки и столы лежали перевернутые, корзина для мусора, делая сальто в воздухе, улетела к морю, рекламный щит тащило по асфальту, а затем подняло в небо, как доску для серфинга. Машину тяжело мотало на ветру, и на мгновение Рино показалось, что его автомобиль весом 1400 кг вот-вот перевернется.

Он вышел из машины и постарался держаться по ветру, но ему приходилось останавливаться при каждом порыве ветра. Вход на заправку

был укрыт от ветра, и все же Рино чуть не упал на лестнице, завернув за угол. К его удивлению, дверь была закрыта. А ведь с момента, когда разразился шторм, прошло не больше десяти минут.

Он сразу же заметил Бутиль, она ходила между стеллажами с горящей свечой, отбрасывающей танцующие тени на ее лицо. Он постучал ладонью по стеклу, Бутиль замерла, пытаясь разглядеть фигуру в окне. В конце концов она открыла замок и впустила его. Он прокричал имя, утонувшее в хлопке закрывшейся двери.

— У него есть сарай, где он хранит лодки, не так ли?

— А?

— Ответь! У него есть свой лодочный сарай?

— На острове Саркисей, — Бутиль испуганно посмотрела на Рино.

— Оранжевый?

— Да, — она пришла в себя. — По-моему, один из них его.

— Какой именно? — перебил он.

— О боже, что происходит?

— Ради всего святого: отвечай!

— Я пытаюсь вспомнить, — она истерически трясла руками. — За музеем.

— Каким музеем?

— Ты меня пугаешь, — закричала она. — В такую погоду тебе в любом случае туда не попасть.

— Я смогу, я должен. Пошли, — он схватил ее за руку и потянул за собой.

— С ума сошел? Я не могу уйти просто так!

— Закрой дверь. И поторопись. Речь идет о жизни и смерти!

Сильнейший порыв ветра загасил свечу, как только он открыл дверь. Рино все еще держал Бутиль за руку, когда они повернули за угол, при новом порыве ветра она закричала от страха. Пластмассовый садовый стол висел на дереве на высоте нескольких метров, батут приземлился на «Мерседес» представительского класса. Рино открыл пассажирскую дверь и перелез на водительское сиденье.

— Зачем он тебе? — смотрела она довольно неприветливо.

— Это он выжил в том крушении, — сказал Рино.

Когда он нажал на газ, с пассажирского сиденья раздались всхлипывания.

— И что? — спросила она, когда машина снова подпрыгнула на том же «лежачем полицейском».

— Он унаследовал деньги той женщины, которая утонула.

— Я ничего не понимаю.

— Тебе нужно только показать мне тот сарай. Потом я все объясню.

Мокрый снег усилился, тяжелые хлопья горизонтально летали в воздухе. Белая пелена покрыла дорогу, хорошо послужившие летние шины несколько раз теряли сцепление, но Рино каждый раз спокойно подправлял занос, сопровождаемый новыми вскриками с пассажирского сиденья. Из-за снега видимость снизилась до минимума, стало невозможно рассмотреть море, которое билось о прибрежные камни всего в десяти метрах.

Когда они доехали до Аннэя на краю бухты, то попали в самый эпицентр шторма. Дворники не справлялись с потоком мокрого снега, вокруг не было видно абсолютно ничего. Казалось, что порывы ветра прицельно нападали на несчастное «Вольво», покрывая его миллионами белых крупинок, Рино пришлось снизить скорость. Сломанная ветка упала прямо посередине шоссе, и инспектору едва удалось от нее увернуться.

Бутиль снова закричала, и вдруг прямо перед ними, всего в пяти метрах от машины, в воздух неожиданно поднялся какой-то предмет. Рино резко ударил по тормозам и с большим трудом избежал столкновения с чем-то похожим на автомобильный прицеп.

— Ты убьешь нас обоих! Проезжать мост сейчас слишком опасно! — Бутиль держалась рукой за переднюю панель. По выражению ее лица было понятно, что у нее больше нет желания проводить время вместе с новым инспектором полиции.

Рино остановил машину, опустил боковое стекло и рукой стряхнул мокрый снег. Тяжелый рев шторма оглушил его, руки промокли до локтя, пока он пытался закрыть окно. Ветер терзал «Вольво», и Рино пришлось вцепиться в руль двумя руками, чтобы удерживать машину на дороге. Он подъехал вплотную к светофору, когда увидел на нем красный сигнал. Едва видневшийся мост заканчивался в десяти метрах белым инферно и, казалось, висел в воздухе.

— Черта с два я поеду дальше! — взгляд Бутиль был твердым.

— Ты должна показать мне его сарай.

Она покачала головой.

— Один из оранжевых.

— Прости, Бутиль!

Он нажал на газ и поехал на мост. Машину так качало от каждого дуновения, что казалось, на ней установлены старые каретные рессоры. Рино знал, что сильнейший вихрь легко может перебросить их через метровое ограждение моста.

— С ума сошел! — Бутиль вжалась в сиденье.

В конце концов они достигли середины моста, и Рино решил прибавить скорость. Мир вокруг него все так же был погружен во мрак, передние фары освещали лишь мечущиеся снежные хлопья, которые теперь взлетали снизу вверх.

— Здесь направо, — еле дыша, выдавила из себя Бутиль.

Рино и не понял, что они достигли твердой почвы, но разглядел строения по обеим сторонам дороги. Как только он повернул, как сказала Бутиль, он увидел перед собой вывеску «Лодочные хранилища Саркисей» на одной из стен.

— Здесь? — спросил он.

Она кивнула.

— Сарай находятся прямо за этим зданием.

Он остановил машину, снял с себя куртку и положил Бутиль на колени.

— Надевай. Быстро.

Рино открыл дверь и вышел из машины. Не успел он даже обойти машину вокруг, как промок до нитки. Он открыл Бутиль дверцу и держал ее изо всех сил, чтобы та не сорвалась с петель. Завернувшись в форменную куртку, она неуверенно вышла из машины.

— Сюда! — закричала она, но Рино жестом приказал ей замолчать. Потом он взял ее за руку и повел за собой к сараям. Когда вокруг них оказались здания, звуки шторма превратились в глухие завывания, раздающиеся со всех сторон. Слева от Рино проступили сушилка для рыбы, ряды голых деревяшек, похожих на кладбище старых списанных пугал. Дорога вела вверх к другим сушилам, на этот раз справа. Инспектор прикрывал ладонью лицо, но все равно был вынужден прищуриваться, чтобы видеть хоть что-то. Скоро он разглядел целый ряд лодочных сараев у спуска к морю, высокая скала заслоняла их от ветра и непогоды. Рино утянул Бутиль за собой под высокую ель и попросил показать нужный сарай.

— Один из тех, вдалеке, — голос ее дрожал, форменная куртка была ей велика, и она выглядела в ней очень несчастной.

Они пошли по дорожке, вьющейся между скалой и рядом сараев. Деревянные рамы окон казались глазами какого-то чудовищного насекомого, а от мысли, что за ним могут следить, Рино чувствовал себя обнаженным и уязвимым. Если все было так, как он думал, то тот, кого он ищет, не задумываясь, лишит жизни их обоих. Там, где скала стала круче, вверх к сушилам вела лестница. Рино подумал, что ее сделали для избалованных туристов.

— Вот этот! — Бутиль кивнула. Черные сверкающие глаза, проступившие вены на щеках, Рино понял, что ей очень страшно.

— Стой здесь, — сказал он. Сбой электричества означал, что и мобильной связи тоже не было. Так что за помощью можно было обратиться лишь к ближайшим соседям. На всякий случай он отдал Бутиль ключи от машины. Она с тревогой посмотрела на них. Видимо, поняла, что, возможно, ей придется возвращаться одной. Пригнувшись, он пробрался вдоль стены сарая и осторожно заглянул в первое окно. Проглядывались лишь мутные контуры. Бутиль последовала за ним, и он понял, что прогонять ее бесполезно.

— У этого сарая есть люк в полу?

Она кивнула.

Он снова взглянул в окно, вдруг тяжелый всплеск заставил его заглянуть вниз, под строение.

— Что это? — Бутиль схватила его за руку.

Скорее всего, волна ударила в одну из подпорок недалеко от места, где они стояли. Он прокрался под окном, чтобы заглянуть с другой стороны. Все те же неясные контуры, только морская вода поблескивала в люке в полу. Еще всплеск. И он все понял.

Ветер чуть не сбил его с ног, когда он завернул за угол. Рино широко расставил ноги, чтобы удержаться на гладком, как зеркало, настиле. Из сарая вели две двери — по одной на каждой стороне. Когда он попытался открыть ближайшую дверь, его окатило морской водой. Как он и боялся, дверь была заперта. Вторая тоже оказалась закрыта, и он понял, что внутрь проникнет, только разбив окно.

Он стащил кожаную куртку с перепуганной Бутиль, обмотал курткой руку и быстро ударил два раза. Не успел еще звук разбивающегося стекла стихнуть, как Рино открыл щеколды. Теперь люк был отчетливо виден, и Рино заметил, как сквозь него пробиваются брызги воды. У Рино сложилась ясная картина происходящего: Боа держали именно здесь, в том самом месте, где дочка хозяина рыбной фабрики полвека назад развлекалась, прыгая в море через люк в полу.

Рино подтянулся и забрался в открытое окно. Он присел на корточки, пытаясь уловить какое-нибудь движение, а затем подполз к люку. Всплеск, который они слышали, — а что, если это беспомощного Боа бросили в море? В этом случае — сколько прошло времени? Минута? Очертания комнаты постепенно проступали, он открыл дверь во вторую половину сарая. Осторожно вошел. Из мрака проступил кухонный уголок и диван. Повинуясь инстинкту, Рино коснулся двери, ведущей на причал. К его

удивлению, она оказалась открыта. Он сразу же понял, что произошло: тот, на кого он охотился, только что, всего несколько секунд назад, выскочил из дома, видимо, услышав звук разбивающегося окна. То есть Боа, вполне возможно, лежит сейчас в воде прямо под сараем.

Секундное замешательство, но потом Рино решил, что еще не поздно. Он отругал себя за то, что не взял с собой фонарик с бензозаправки, и принялся искать вслепую. Бутиль зашла за ним в сарай, он крикнул, что пытается найти веревку. Натолкнувшись на перевернутую лодку, Рино наконец отыскал на стене между десятками удочек моток каната. Один конец он завязал вокруг талии, отмерил около десяти метров и привязал второй конец к одной из потолочных балок.

— Ты куда? — вскрикнула Бутиль.

— Искать Боа, — он опустил ноги в ледяную морскую воду.

— С ума сошел? Ты утонешь!

— Мне нужна твоя помощь, чтобы выбраться. Через минуту, не позже.

Ноги беспомощно болтались на волнах под причалом, поджав их под себя, Рино нырнул в воду. Хаос морской пучины схлестнулся со штормовым инферно, и, когда голова Рино показалась над поверхностью воды, его накрыл ни на что не похожий рев. Он вдохнул, поймал баланс на воде и понял, что у него есть все шансы выбраться живым из этой переделки. В этот момент его накрыло волной. Звуки превратились в угрожающее рычание, но затем волна вынесла его на прибрежные камни, за которые он ухватился.

Он знал, чтобы найти Боа, ему нужно нырять, но пока пытался удерживать голову на поверхности. Он лежал прямо под настилом, тело беспомощно болталось на волнах. Страх утонуть преследовал его с самого детства, в ночных кошмарах он не раз проваливался под тонкую кромку льда и тонул вместе с паромом «Хуртигрута», но ничего подобного никогда не переживал. Сколько времени он уже пробыл в воде? Десять секунд? Эти секунды могли стать решающими в борьбе между жизнью и смертью. Если он протянет время и позволит Боа умереть, то больше никогда не сможет смотреть на себя в зеркало без угрызений совести. Он потянул за канат, чтобы убедиться, что веревка крепко держится. Руки уже онемели и потеряли чувствительность. Еще немного, и он вообще не сможет нырнуть. Он несколько раз быстро вдохнул, собрался с силами и прыгнул в воду. Он снова потерял контроль, и его мотало так, как будто он уже утонул, но все же Рино заставил себя достичь дна, где нащупал большие круглые камни. Сильное течение вытасило его наверх, он судорожно вдыхал каждый раз, когда голова появлялась на поверхности. Он искал вслепую, дно под ним

проглядывало лишь на короткие мгновения. Движения замедлились, и Рино понял, что действительно замерзает, но, когда он оттолкнулся, чтобы снова глотнуть воздуха, его опять накрыло с головой. Его бросило на дно и протащило по шершавому песку, и в этот момент он испугался, что сейчас наглотаётся воды. Рино свернулся, отчаянно пытаясь победить желание вдохнуть, и, уже готовый сдаться, вынырнул вдруг на поверхность.

Он вдыхал, как ненормальный, и понял, что выплыл из-под причала, а веревка натянулась до предела. В панике он притянул себя обратно. В этот момент волна поднесла его на несколько метров ближе к берегу, а затем утянула обратно. Движения замедлялись с каждым мгновением, и он понял, что находиться в воде больше нельзя.

Следующая волна мягко подтолкнула его поближе, и наконец он снова оказался под сараем.

— Вытаскивай!

Лишь вой ветра и отдаленное эхо ответили ему. Он задрожал и в отчаянии обернул веревкой руку. Затем осторожно потянул за нее. Никакого сопротивления.

Он дергал за веревку снова и снова. Отвлечшись на секунду, Рино глотнул воды и сразу же выплюнул ее. Он тянул веревку изо всех сил, и вдруг у него в руке оказался ее конец. Кто-то ее перерезал.

Он стучал зубами, но ледяная вода больше не царапала кожу. Он знал, что это первый признак потери чувствительности, и попытался собраться с мыслями. О люке можно было забыть, до его края не достать. Другой вариант — попытаться выплыть на берег возле сараев, но он не был уверен, что у него хватит на это сил.

И тем не менее он решил попробовать. Другого выхода не было. Руки казались тяжелее, а морская вода снова попадала в нос и рот. Первые волны унесли его в море, но потом они выбросили его ближе к берегу, и он постарался грести как можно сильнее. Почти добравшись до причала, он заметил лестницу, спускающуюся в море всего в пяти метрах от него. Ободренный тем, что спасение было ближе, чем он думал, Рино попытался грести сильнее, но руки опускались совсем неглубоко, а голова тонула все глубже и глубже. Промахнувшись несколько раз, он наконец смог ухватиться за нижнюю ступеньку. Какое-то время он лежал, раскачиваясь на волнах, затем подтянулся и с набежавшей волной дотянулся до следующей ступеньки. Там он повисел, пока еще одна волна не подняла его выше. Наконец он поднялся уже так высоко, что почувствовал себя в безопасности. Рино сел и пытался восстановить дыхание. Его колотила дрожь.

Пальцы свело от холода, локти тоже. Сгорбившись, он поднялся на причал и поковылял к двери. У него не было ни времени, ни сил подготовиться к тому, что его ожидало, так что он просто надавил на ручку локтем. Ветер все еще бушевал, но, когда он на секунду стих перед новым порывом, Рино удалось открыть дверь настолько, чтобы протиснуться внутрь. Он остановился в погруженном во тьму сарае и ждал. Единственный звук, который он слышал, был рев шторма, терзающего старую постройку. Затем так же локтем Рино открыл дверь во вторую половину сарая. Он успел ступить на порог лишь одной ногой, как мир вокруг него погас.

Пролетевший по воздуху предмет ударил его в левый висок, и Рино упал навзничь, не успев сгруппироваться. От резкого крика проснулись все чувства, Рино инстинктивно перевернулся и попытался встать, но мощнейший удар в живот вернул его на пол.

Рино хватал ртом воздух и полз вслепую, пока не напоролся на стену и не поднялся. Он услышал движение за своей спиной и заметил две дерущиеся фигуры. Отчаянно сражающуюся Бутиль откинуло к стене, но вместо того, чтобы бессильно упасть на пол, она снова бросилась в бой, шипя, как яростная кошка. Вторая фигура уклонилась от ее удара, ухватила девушку за шею и направилась к Рино.

Все еще не придя в себя после удара, Рино не успел среагировать, и с отчаянным криком Бутиль исчезла в люке.

Несколько мгновений они стояли и смотрели друг на друга, разделенные открытым люком. Казалось, что тот, второй, наслаждался его сомнениями — спасти Бутиль или схватить преступника, который пятьдесят лет избегал наказания. Но прежде чем Рино успел принять какое-то решение, мститель Боа попятился к двери, сначала неуверенно, ожидая реакции, а затем развернулся и бросился бежать.

Рино оцепенел, а потом отчаянные рыдания прорвались сквозь шум волн и ветра. Он опустился на колени перед люком и разглядел Бутиль, прижавшуюся к подпорке сарая. Тяжелые волны раскачивали девушку так, что ее движения напоминали танец.

Руки все еще не слушались, но он сумел ухватить ее, хотя казалось, что в карманы форменной куртки напихали свинца. Он повернулся на бок, уперся ногами и потащил изо всех сил. Постепенно голова Бутиль показалась над люком и наконец она выбралась наружу.

— Все нормально?

Она кивнула, дрожа всем телом.

— Я вернусь.

Шатаясь, он прошел на вторую половину сарая и попытался открыть дверь на причал.

Сначала Рино не удавалось приоткрыть даже щелку, но, когда он смог это сделать, остальную работу за него завершил ветер. Дверь вырвалась из его рук, с треском ударилась о стену сарая и повисла, раскачиваясь на одной петле.

От ветра, который, как он полагал, уже давно достиг силы урагана, у него перехватило дыхание. Мокрый снег сменился дождем, но причал был по-прежнему очень скользким. У него не было ни малейшего представления о том, куда делся его противник, но он обошел сарай и поднялся по лестнице на вершину высокой скалы.

Брезент, которым укрыли сушилку для рыбы, болтался на ветру, как флаг, и тяжело шлепал по жердям, похожим на скелеты мастодонтов. В порывах ветра периодически прорывалось далекое шуршание, как будто менялась частота звучания.

Некоторое время он бесцельно смотрел на море, а затем услышал звук мотора вдали. Он понял, что звук идет с другой стороны бухты, и бросился бежать. Добравшись до дороги, Рино разглядел луч света в хаосе агрессивных волн и серо-белых штормовых облаков. Внезапно свет стал ярче, затем меньше чем в тридцати метрах перед ним появилась лодка. Тот, второй, отшвартовывался. В распоряжении Рино оставались считанные секунды. Рино побежал изо всех сил, но ноги не слушались, и несколько раз порывы ветра сбивали его с ног. Когда он наконец добежал до причала, лодка уже отошла от берега на несколько метров. Рино хотел было прыгнуть, но понял, что ветер помешает ему достичь цели. Он увидел паром, раскачивающийся на волнах вдалеке. Капитан обернулся и заметил фигуру на причале. Он улыбнулся, прекрасно понимая, что раскрыт, но даже не подозревая, что самолюбование сыграло с ним злую шутку.

Ведь с неприкрытой гордостью Улав Рист показал ему патент, выданный пятьдесят лет назад, самосрабатывающая система, которая должна обеспечить непотопляемость спасательных шлюпок. А в 1963 году спасательной шлюпкой была весельная лодка, дни которой закончились, когда ее разбили на щепки и выбросили в расщелину скалы. Теперь же Рист смотрел на мощнейшие волны, твердо решив, что начавшееся в самую памятную в Рейне штормовую ночь должно закончиться в другой шторм.

Сквозь шум ветра раздался сильный удар и «Лофотфьорд-II» тяжело накренился. Видимо, Рист был невнимателен и напоролся на боковую волну. В длину паром был не больше пятидесяти футов, и мощные волны подхватили его как беспомощное корыто. «Лофотфьорд-II» резко ушел

вниз, затем всплыл наверх на следующем высоченном гребне, и Рино подумал, что Рист не мог выбрать именно этот путь для отступления. Он все еще находился в прибрежных водах, и, конечно, волны стали еще выше, когда Рист достиг мыса.

Паром постепенно исчезал из вида, борясь против стихии, которая с каждой секундой становилась все сильнее. Когда огни исчезли, раздался новый удар по корпусу — отдаленный металлический стук — и все стихло. Лишь бушующий ветер. Рино поежился и отогнал от себя мысль о том, как вода заполняет легкие.

Обратно он пошел той же дорогой, все время пытаюсь уловить шум мотора вдалеке, но единственное, что он слышал, — победный рев шторма.

Держась за стены хранилищ для лодок, он добрался до сарая Риста, дверь в который была сорвана. Его встретил крик радости, и еще до того, как он успел прийти в себя, руки Бутиль обвили его шею.

— Где он? — ее голос дрожал.

— Думаю, лодка затонула.

— О боже!

— Он выбросил Боа в море, но утонул сам.

Рино немного отодвинулся, так что они оказались лицом к лицу. Ее глаза сияли от радости.

— Боа жив, — прошептала она. — И Симскар. Но надо торопиться.

Она кивнула на лестницу, ведущую на чердак.

— Я слышала стук. Это был Шур. Его связали, но я развязала ему ноги.

Рино ясно представил себе ход событий. Рист заметил их, возможно, уже тогда, когда фары «Вольво» осветили дорогу, всплески, которые они слышали, были лишь отвлекающим маневром. Возможно, он планировал вернуться после того, как полицейский обнаружит, что в сарае никого нет. Но безрассудная спасательная операция, предпринятая Рино, предоставила ему возможность, которую он решил не упускать: избавиться от человека, явно догадывающегося, как на самом деле обстоят дела.

Рино осторожно поднялся по лестнице. На левой койке лежала полуобнаженная неподвижная фигура, в полутьме она казалась совсем безжизненной.

— Он жив, — Бутиль указала на него. — Я проверила пульс.

Рино невольно поражался спокойствию этой женщины, которая еще полчаса назад отчаянно сражалась за свою жизнь. Он перевел взгляд на другую койку, откуда на него с ужасом смотрел Шур Симскар. Связанные руки лежали на животе, изо рта торчал кляп. Каким образом Симскар

угодил в лапы Улава Риста, было загадкой, но Рино надеялся, что скоро все прояснится.

Рино поднял Боа на руки и осторожно положил на заднее сиденье «Вольво», разместив голову на коленях Шура Симскара. В этот раз, когда они переезжали мост, ветер был попутный, и все же в самой верхней точке машина немного подпрыгивала. Снег растаял, так что Рино смог ехать довольно быстро всю дорогу до пансионата. Бутиль открыла ему дверь, и вот он уже стоял в приемной, держа на руках Боа, завернутого в найденный в сарае ковер.

Здесь, в освещенном коридоре, Рино впервые рассмотрел его лицо. Оно напоминало ультразвуковое изображение нерожденного младенца. К ним подошла медсестра, сначала неуверенно и опасливо, но потом вдруг поняла, кого он принес.

— Герой? О господи, это ты, Герой! — она осторожно погладила его по щеке, а затем позвала на помощь других медсестер. Рино проводили в свободную палату, и он уложил Боа на заправленную постель. В полном изнеможении он стоял у кровати, лишь краем сознания воспринимая поток указаний, раздававшихся в палате.

Внезапно какая-то женщина бросилась ему на шею, крепко обнимая, рыдая и осыпая словами благодарности. Это была Каспара. В комнату вкатили оборудование, казалось, что все сотрудники пансионата сгрудились возле пациента, о котором они так волновались. Заведующая пришла тоже, она жестами поблагодарила Рино, когда тот попятился к выходу из палаты.

В коридоре, тесно прижавшись друг к другу, на двухместной кушетке сидели Бутиль и Шур Симскар, и, несмотря на весь творившийся вокруг хаос, Рино не смог сдержать улыбку. Волосы у Бутиль всклокочены, глаза сверкают, как у рок-звезды, а сама она бледная, дрожащая, да еще и в форменной одежде. И Шур Симскар — остолбеневший, все лицо в порезах, но держащий спину прямо, как монашка.

Рино почувствовал, как у него темнеет в глазах. Тело дрожало от истощения, он решил переодеться в сухую одежду, прежде чем приступить к допросу Симскара. О самом Симскаре тоже нужно было позаботиться, но не успел Рино об этом подумать, как появилась заведующая.

— Что произошло? — она опустилась на колени перед самым неразговорчивым жителем Рейне, который, казалось, был полностью погружен в свои мысли.

Рино жестом остановил ее.

— Позаботьтесь о Б. — он осекся, — о Герое и о Симскаре. Я скоро

вернусь.

Сначала он отвез притихшую Бутиль домой.

— Все в порядке? — спросил он, остановившись перед типовым домом из семидесятых в двух шагах от заправки.

Она кивнула, не глядя ему в глаза.

— Прости, что втянул тебя во все это.

— Он мог меня убить.

Рино признал, что она права, как и то, что в какой-то мере использовал ее в этой ситуации.

— Я бы прыгнул за тобой, — сказал он и осторожно погладил ее по щеке.

Она всхлипнула, но сдержалась.

— Я не имел права так поступать с тобой, но только благодаря тебе Боа и Шур Симскар живы.

Она опустила голову.

— Кто такой Боа?

— Просто прозвище. Пойди переоденься в сухое.

Она открыла дверь и вышла из машины. Он припарковался так, чтобы укрыться от сильнейшего ветра, и девушка остановилась в дверном проеме.

— Мы можем поговорить об этом, в другой раз?

Рино с улыбкой кивнул.

Через несколько минут он вошел в дом тетушки, и испуганный Иоаким встретил его в прихожей.

— Ни хрена себе, ты что, купался?

— Не по своей воле, — Рино прошел в гостиную, где уютно горел камин.

— Что случилось?

Только сейчас Рино заметил, что сын отрастил волосы. Может быть, это означало, что стадия хип-хопа миновала, хороший знак.

— Я раскрыл дело.

— Про скелет?

— Кто тебе рассказал? — Рино стягивал с себя мокрую одежду.

— Мама. Кстати, — Иоаким наморщил нос, — от тебя воняет.

Рино достал из чемодана сухую одежду. Если бы он разложил вещи в шкафу, от него круглые сутки благоухало бы тетушкой.

— Это морской водой пахнет. Свежестью.

— Фу! Может, в душ сходишь, а?

— Извини, но мне снова нужно уйти.

— Ну и ладно, — Иоаким пожал плечами, но Рино заметил, что сын

расстроен.

— Всего на час.

— Тут дел невпроворот, — Иоаким оглядел комнату.

— В такую погоду нам все равно было бы нечем заняться.

— Не могу понять, почему ты захотел переехать в эту дыру.

— Ты о доме?

— Обо всем.

— Ты же не видел Рейне.

— И слава богу.

— Эй, Иоаким, дай мне шанс.

— Да ну тебя, — Иоаким вышел из комнаты.

Рино пошел за ним. Сын сидел на кухне, демонстративно уставившись в окно.

— Мне очень жаль, Иоаким.

— Все охрененно... запуталось.

— Все?

Иоаким кивнул.

Рино сел.

— Рассказывай.

— Что рассказывать?

— Что тебя мучает.

— О боже, — Иоаким закрыл ладонями уши и уставился на стол.

— Мама говорит, что ты стал очень раздражительным.

Иоаким все еще сидел, зажав уши руками.

— Расскажи о Роне, — сказал Рино с надеждой.

— И дался тебе этот Рон!

— Я просто пытаюсь узнать.

— Что? — Иоаким поднял взгляд. Между бровями залегла глубокая морщинка.

— Что тебя мучает.

— Разве тебе не нужно идти?

— Боюсь, что нужно.

— Ну и иди, — Иоаким всплеснул руками, и в свете свечи Рино заметил, что на ладони у сына что-то написано.

— Кто такая Ребекка?

Иоаким замер и сжал кулак.

— Она красивая?

Иоаким снова уставился в окно.

— Вы в одном классе учитесь?

Иоаким, похоже, все еще интересовался видом погруженного в темноту Рейне.

— Блондинка или брюнетка?

— Я бросил пить эту дрянь, — внезапно сказал Иоаким.

— Дрянь?

Иоаким поерзал на стуле.

— Что именно?

— Лекарства, блин, — Иоаким теребил в руках какую-то тетушкину безделушку.

То есть откат в поведении связан не с присутствием в его жизни голландца.

— Почему?

Иоаким пожал плечами.

Рино сидел, рассматривая своего сына. За последние полгода тот заметно вытянулся, но, казалось, не везде, в первую очередь выросли руки и шея. Иоаким все так и сидел, сжав бледные кулаки, и тут Рино понял.

— Ребекка?

— Что с ней?

— Все дело в ней, да?

Иоаким снова взглянул в окно.

— Ладно, Иоаким, я не буду на тебя давить.

— Я не хочу казаться психопатом.

— А ты кажешься?

Иоаким тихонько кивнул.

— Ты принимаешь лекарства, Иоаким, это совершенно не значит, что ты психопат.

— Ты думаешь, это круто, а? Лекарства пьют свихнувшиеся старики.

Рино не мог не признать, что понимает сына. Для четырнадцатилетнего подростка принимать лекарства, подавляющие гиперактивность, совсем не круто.

— Ты боялся, что Ребекка узнает?

Иоаким пожал плечами.

— У моего приятеля есть дочь, — сказал Рино и поудобнее уселся на стуле. — Ей сделали операцию на сердце, когда ей было всего несколько месяцев от роду.

— И что?

— С тех пор она пьет лекарства. Сегодня ей шестнадцать, мальчишки штабелями за ней укладываются. Многие из них учатся с ней в одном классе с самого начала и знают, что она пьет лекарства. Ее зовут Вильде.

Иоаким посмотрел на отца, широко раскрыв глаза.

— Вильде из десятого?

— Ага. Ты бы отказался, если бы она предложила тебе встречаться?

Иоаким снова принялся разглядывать Рейне.

— Ну, скажи! Если, конечно, не брать в расчет Ребекку? Иоаким легонько ударил его кулаком по плечу.

— Мне нужно идти. Двое пропавших только что нашлись. Мне нужно с ними поговорить. А попозже вернусь.

Через пять минут он уже снова был в пансионате. Ветер все так же бушевал, Рейне оставался без телефонной связи и электричества. Заведующая, торопясь, направилась к нему, как только он вошел, и протянула руку, не дойдя до него метров пять.

— Я ведь так и не успела поблагодарить вас как следует.

— Как у них дела?

— Врач сейчас осматривает Героя. Кажется, с ним все будет в порядке.

— А Симскар?

— Мы его покормили и уложили в постель. Физически с ним все в порядке, но так как Шур ничего не говорит, мы не можем знать точно.

Заведующая была бледна, под глазами залегли глубокие тени.

— Мне нужно как-нибудь с ним поговорить.

Она с сомнением пожала плечами, но проводила его по коридору к палате.

Шур Симскар сидел на кровати, опустив глаза. Тонкие светлые волосы плотно облегли череп, бледное лицо было все испещрено морщинами.

Рино показалось, будто он чувствует шлейф того же запаха, которым были пропитаны стены дома Симскара, и подумал, что мужчине, сидящему перед ним, не мешало бы принять душ.

— Скажу прямо, — сказал Рино, придвигая стул поближе к кровати. — Я знаю, вам трудно говорить. Но у меня есть к вам несколько вопросов. Достаточно будет, если вы будете кивать или качать головой. Пойдет?

Симскар быстро взглянул на инспектора, а затем кивнул.

— Тот мужчина с ожогами, который лежит в нескольких метрах отсюда, вы знаете, кто он такой?

В глазах Симскара отразилась паника, но он кивнул.

— Это Боа?

Снова быстрый взгляд и кивок. То есть Рино был прав.

— Он переехал сюда зимой. Вы сразу его узнали?

Симскар, похоже, испугался, так что Рино поспешил исправиться.

— Вы узнали его не сразу?

Симскар открыл рот, словно желая что-то добавить. Рино протянул ему ручку и блокнот, которые захватил из дома. Симскар осторожно взял их и написал большими печатными буквами: Я ПОЧУВСТВОВАЛ.

— Как вы это почувствовали?

Снова печатные буквы: В ГОРЛЕ. ЗАСТРЯЛИ СЛОВА.

— Заикание? — спросил Рино.

Симскар кивнул.

— Слова застряли, как только вы его увидели?

Снова кивок.

— Потому что вы заикаетесь из-за него?

Симскар опустил голову. Ответ ясен.

— Вы его ненавидите?

Тактически абсолютно неверный вопрос, и, строго говоря, с ним стоило бы подождать, но Симскар снова схватил ручку: РАНЬШЕ НЕНАВИДЕЛ.

— А теперь?

НЕТ.

— Почему?

Симскар слегка пожал плечами.

— Вы приходили к нему?

Симскар кивнул.

— Зачем?

ПОБЕДИТЬ СТРАХ.

— Помогло?

Симскар покачал головой.

— Почему?

НЕ ЗНАЮ.

— Не знаете?

Снова покачивание головой.

— Вы хотели посмотреть на него, чтобы преодолеть свой страх, так?

Кивок.

— Но ничего не вышло?

— Пожар в гараже устроили вы?

Симскар с удивлением посмотрел на Рино, а затем покачал головой.

— Точно?

Симскар так замотал головой, что, казалось, она вот-вот отвалится.

— Вы что-нибудь знаете о том пожаре?

Кивок.

— А о маске?

Симскар замер, затем мотнул головой.

— Точно?

Кивок, но в искренности ответа Рино сомневался. О маске Симскар явно что-то знал.

— Нам о многом нужно поговорить. Например, о вашей матери. Мы знаем, что вы не сообщили никому о ее смерти не потому, что вам нужны были ее деньги, но я бы хотел, чтобы вы объяснили свои причины.

Симскар отрешенно кивнул.

— Еще кое-что, — сказал Рино, вставая. — Я хочу, чтобы вы написали мне о Боа. Обо всем том зле, которое он причинил вам и другим.

В коридоре Рино уже ждала заведующая.

— Врач хочет с вами поговорить, — сказала она, направляясь в свой кабинет, где задумчиво сидел врач-датчанин. Он был на голову ниже заведующей, а весил вполовину меньше.

— Я осмотрел пациента, — сказал он с очень озабоченным выражением лица, — и я не могу представить, как Хаукеланд мог выписать пациента в таком состоянии.

Рино заметил, что заведующая глубоко вздохнула.

— События последних суток, конечно, повлияли на него, но, боюсь, все гораздо серьезнее.

Врач провел рукой по коротко постриженным волосам. Очевидно, он стал жертвой того же парикмахера, что и Рино.

— У него в горле и в носу раны, которые не являются следствием пожара, — врач сделал паузу. — На сегодняшний день эти повреждения намного серьезнее, чем его ожоги.

Рино почувствовал, как волосы на затылке встали дыбом. Он вспомнил кровавые пятна на полу подвала.

— Я сразу же свяжусь с Хаукеландом, как только появится связь. Если они действительно выписали его в таком состоянии, это недопустимая ошибка.

— То есть вы хотите сказать, что кто-то мог нанести ему эти раны после выписки?

— К сожалению, я не могу этого исключить. Никакой врач в здравом уме не выпишет пациента в таком состоянии. До тех пор, пока я не разберусь с тем, что произошло, необходимо тщательно контролировать всех, кто заходит в его палату.

— Включая Каспару, — сказал Рино.

— Каспару? — встревоженно прошептала заведующая.
— Здесь в последнее время творятся очень странные вещи.
— Я чего-то не знаю? — врач недовольно посмотрел на них обоих.
— Пациента перевели в частный дом под личное наблюдение.
— Если это действительно так, я сразу же сообщу об этом главному врачу губернаторства, — врач поднял вверх указательный палец.
Заведующая обессиленно опустилась за письменный стол.
— Симскар, — сказала она и всплеснула руками. — Мы разрешили ему навестить Героя, думали, что они старые знакомые. Герой очень разволновался, мы перевезли его из лучших побуждений, но сейчас я понимаю, что поступила неправильно, совершенно неправильно.
— И куда вы его перевезли? — спросил Рино.
Заведующая опустила глаза.
— Каспара предложила забрать его к себе. Речь шла всего об одной ночи.
— Я хочу, чтобы вы лично, и никто другой, ухаживали за ним, пока мы все выясняем.
В ответ заведующая грустно кивнула.
— Где сейчас Каспара?
— Все медсестры здесь, и она в том числе. Те, кто не на смене, все равно пришли сюда. Мы все переживаем за Героя. Все, без исключения.
Рино не мог сказать, звучало ли в ее голосе сомнение, или же она была намерена защищать Каспару до последнего.
Врач громко захлопнул свой чемоданчик.
— Никогда не видел ничего подобного. Горло серьезно повреждено. Я, конечно, могу только догадываться, но я считаю, что ему давали кислоту.
Заведующая вскрикнула от ужаса, и Рино повторил еще раз:
— Позаботьтесь о том, чтобы Каспара не заходила в его палату.

Боа лежал, приоткрыв рот, видимо, крепко спал. Рядом с ним сидела медсестра, Рино жестами показал, что хочет остаться наедине с пациентом. Она неуверенно вышла из комнаты. Никакой реакции с кровати. Испытания последних часов утомили Боа.

— Вам пришлось столько перенести, — прошептал Рино.
Слабый журчащий звук говорил о том, что воздух с трудом проходил по поврежденным дыхательным путям. Кислота, сказал врач. Рино передернуло от одной только мысли. Неужели Каспара действительно сотворила нечто настолько ужасное? Может быть, она специально рассказала о том, как разволновался Боа, чтобы убедить заведующую

перевезти его к ней? Может быть, она планировала убить его в своем собственном доме? Возможно, Улав Рист просто опередил ее, пробравшись в подвал и выкрыв Боа? Или это Симскар забрался в комнату через люк, а там напоролся на Риста?

Вопросов накопилось очень много, а ответов было мало, но Рино надеялся, что в эту самую минуту Симскар описывает свою версию событий. От ветра стены заскрипели. Рино сидел и слушал неровное дыхание пациента, каждый вдох давался тому с большим трудом. Месяцы, проведенные в пансионате, вполне могли убить Боа. Рино боялся, что подозрения врача подтвердятся: Боа выписали из Хаукеланда без каких-либо повреждений в горле.

Единственная лампа в палате заморгала, и Рино надеялся, что хотя бы генератор не отключится. Шевеление в постели, судорожный вдох, и Боа снова затих.

Когда-то он был сложным ребенком, не способным контролировать свои действия, так же, как и Иоаким? Может быть, именно поэтому его засосало в водоворот злодеяний?

И все же далеко не все были готовы простить и забыть. Каспара ежедневно заботится о жестоко изнасилованной, Симскар лишился возможности говорить, а вот у Улава Риста неожиданно появился свидетель, от которого понадобилось срочно избавиться. С того дня, когда нога Боа коснулась берега Рейне, прошлое готовилось настигнуть его, вопрос заключался лишь в том, когда это произойдет.

И все-таки Рино прекрасно понимал, что лежащий перед ним человек подвергся невероятной жестокости.

— Кто такая Алине? — прошептал он.

Боа на секунду замер, но затем дыхание восстановилось.

— Вы хотели, чтобы Алине все узнала, не так ли?

С постели раздался сдавленный стон.

— Правда за правдой, — добавил Рино, затем встал и вышел из палаты.

Я знал, это займет время, которого было в обрез, но что-то подсказывало мне, что это крайне важно. Ведь могила была неглубокой, а следы стертые не слишком тщательно. Поэтому я снова отправился туда, в этот раз прямо по побережью, чтобы никто меня не заметил. Уже на полпути я сильно пожалел о своем решении и хотел повернуть. Но что-то меня терзало, так что я продолжил. Наконец я добрался до места, где закопал его.

Я оторвал большие куски мха с валунов, постарался прикрыть ими свежие следы. Мне казалось, я слышу, как он ворочается под землей, пытаюсь вдохнуть, и, не успев понять, что я делаю, я упал на колени и бросился раскапывать могилу голыми руками.

Глава 70

Бергер Фалк расхаживал по берегу. Мощные порывы ветра постоянно толкали его к отвесным горным склонам, во многих местах пронизанные следами бурения. Он вспомнил. Истерически рыдающая девочка подбирает свою окровавленную одежду. Ошеломленные родители бродят от дома к дому в поисках виновника. Взгляд матери, наблюдающей, как мальчик Бергер яростно мотает головой, отвечая на вопрос, взгляд, который еще много недель преследовал его. Страх, что Боа обо всем расскажет, проболтается о случившемся следующему, кого посчитает достойным своей симпатии. Девочка с недоверчивым взглядом будет являться ему во сне еще много месяцев, пока он не убедит себя в том, что никакого злодеяния не было. И тогда он наконец обретет покой.

Но сейчас все появилось снова. Поэтому он ходил по берегу, мечтая навсегда оставить эту историю позади.

Он едва мог разглядеть дорогу. Мир вокруг него казался стертым, и в этой дождливой мгле всплывали все новые и новые темные воспоминания. Оказалось, что два котенка выжили после расправы, устроенной Боа. Несколько дней они прятались, а потом все-таки выбрались наружу. Несколько недель у него ушло на то, чтобы завоевать их доверие, но в конце концов они привыкли к нему и разрешали даже подержать себя на руках. Он чувствовал, что должен защитить их, и это чувство было сильнее всего, что он когда-либо испытывал.

Дело было вечером, надвигалось ненастье. Он стоял в темноте на вершине холма, держа в каждой руке по котенку. Вдруг у него за спиной раздался голос.

— Брось этих гаденьшей! — В руке отец держал большой гаечный ключ.

Он покачал головой и крепче прижал к груди котят. Отец повторил свой приказ, но он не послушался.

— Брось, черт тебя подери! — отец схватил его за левую руку и сильно сжал ее. От боли у мальчика выступили слезы.

— Брось, я сказал!

Отец прорычал эти слова прямо ему в ухо, но он прижимал к себе котят, держась за них как за последнюю надежду. Отец дернул его к себе и сжал руку сильнее. От боли у него перехватило дыхание, но что-то внутри него придало ему сил противостоять отцу, и он не разжал руки. Лишь когда

пальцы треснули, ладони разжались. Услышав, как сломались его пальцы, он был настолько поражен, что даже не почувствовал боли. Он стоял неподвижно, а котята разбежались по холму.

— Удрали, черти!

Единственные слова отца, потом он развернулся и ушел. Когда мальчик вернулся домой, мать ничего не сказала, только обыденно перевязала ему руки, как будто заклеила пластырем царапину. А когда она наконец заговорила, то пробормотала что-то несвязное про то, что ветер усиливается, а отец волнуется, не рухнет ли лодочный навес. Они с матерью спустились в подвал, и сквозь завывание ветра ему показалось, он услышал кошачий крик. Через несколько минут пришел отец, он молчал и думал о своем.

Они просидели там, пока не заснули, все трое, а ночью он проснулся от пульсирующей боли в пальцах. Он взглянул на отца — тот спал, опустившись на стол — и почувствовал, насколько сильно его ненавидит. Мать тоже глубоко спала, видимо, события вчерашнего вечера совсем ее не тронули. И тогда он нарушил строжайший запрет: поднялся на кухню. Несмотря на полнейшую темноту, он увидел, что море побелело. Стены и замерзшие окна скрипели от ветра, но единственное, о чем он мог думать, — котята, живы ли они? Нашли ли себе укрытие? Фьорд был объят серо-черным покровом надвигающихся туч и бушующего дождя, и все же он смог разглядеть лодки Винстада, как их швыряло туда-сюда у причала. И только, когда шторм превратил деревья и камни в живых существ, он снова спустился в подвал. Он сидел, пристально глядя отцу в лицо, распластавшееся на столе. Затем, сам не зная, почему, он достал карандаши и принялся рисовать. Света было мало, так что линии получались очень грубыми.

Сильнейший порыв ветра вернул Фалка в действительность, но тут же всплыло еще одно вытесненное воспоминание. Он проработал ленсманом около пяти лет, когда было решено перевезти отделение полиции. В разгар хаоса переезда он проглядывал старые бумаги и внезапно наткнулся на заявление о пропавшем мальчике. Перед глазами у него потемнело, и, не вполне понимая, что делает, он разорвал бумагу на мелкие кусочки. А потом, в тридцать один год, он совершил первое и единственное должностное преступление. Он зажег спичку и позволил пламени поглотить остатки отчета. Он надеялся, что таким образом навсегда сотрет из памяти людей Оддвара Стрёма.

Глава 71

Шур Симскар вспоминал, как писал записки для покупок. Он стоял в магазине, напрягшись и до смерти боясь вопросов. *Нет, этого нет. Может быть, что-то другое?* Он покачал головой. *Уверен? Вкус такой же. Почему ты не хочешь попробовать?* Ком спустился из горла в живот, он задержал дыхание, пока в глазах не потемнело. И все это из-за чертова Боа.

Сейчас он снова писал, рассказывал о том, что случилось 12 октября 1962 года. Он сидел на валуне у берега моря, как обычно, убежав от всего и всех. Он был мальчиком, с которым никто не общался. Был необычайно теплый осенний день, волны мягко ласкали камень под ним. Сначала он решил, что кричит сорока, кружащая неподалеку, но, когда крик повторился второй и третий раз, он понял, что ребенок зовет на помощь. Он осторожно прокрался к костровищу, сначала ничего не увидел, а потом в траве чуть поодаль увидел такое, во что было невозможно поверить. Это была она, девочка, непохожая на остальных, а то, что с ней делали, он не мог этого описать. Полицейский и так все поймет.

Затем они укатили на велосипеде, как будто ничего не случилось. Боа улыбался, а Бергера Фалка все происшедшее словно бы не касалось. Симскар смял листок бумаги и начал заново. Полицейскому нужно знать еще кое-что.

Глава 72

Снова собравшись с силами, шторм разошелся не на шутку. Деревья пригибало к земле, незакрепленные предметы летали в воздухе. Рино, сидя в гостиной тетушки и пытаясь разговорить Иоакима, всерьез поверил, что у Боа были враги на каждом шагу. Многие указывало на то, что Каспара, насильно вливая ему в рот кислоту, мстила за нападение на Астрид Клевен. Вполне возможно, именно она подстроила пожар, из-за которого он стал пациентом пансионата.

В то же время Рино понимал, что допустил грубую ошибку. Несмотря на то что он дал строгие указания, чтобы Каспару не подпускали к Боа, она все еще свободно ходит по коридорам пансионата и вполне способна совершить убийство. В хаосе событий он принял нерациональное решение.

— Мне нужно еще раз поехать в пансионат.

Иоаким оторвался от книги, которую он достал с полки.

— Ты ж только что оттуда.

— Извини, Иоаким, но что-то меня беспокоит. Как только связь наладится, — Рино взял в руки мобильный телефон. — Я один занимаюсь этим делом. Поэтому так и выходит.

— Ну и ладно. Я тут пока ознакомлюсь с. — Иоаким посмотрел на обложку книги, — историей муниципалитета Москенес.

Рино стоял, не вполне понимая, что ему предпринять. В участке камеры не было, только в Лекнесе, а дорога туда закрыта из-за двухсотметрового оползня. И куда ему, черт побери, ее девать?

От порыва ветра стены дома страшно заскрипели, затем что-то, похожее на удар кнута, хлестнуло по окнам гостиной.

— Господи, — Иоаким захлопнул книгу и выглянул из окна. — Это еще что такое?

— Лишнее имущество соседей. Хочешь от чего-нибудь избавиться, просто выстави за дверь во время шторма.

— Чего?

— Шутка.

— Черт возьми! — Иоаким закричал и споткнулся о тетушкин журнальный столик. Некрасивая ваза разлетелась на тысячу кусочков. Из окна в гостиную смотрело чье-то лицо. Прижатый к стеклу нос, сверкающие глаза, жалкие остатки шевелюры развеваются на ветру.

— Черт возьми! — повторил Иоаким, поднимаясь на ноги. — Это еще

кто?

— А это. это мой напарник, — сказал Рино, торопливо открывая дверь.

Он обнял напарника за плечи, тот грустно посмотрел на него. Твердо, но ласково, Рино проводил его за угол и ввел в дом. Фалк шел, загребая ногами землю, точно оставил все силы где-то там, в бушующем шторме.

— Это Иоаким, мой сын.

Иоаким вопросительно посмотрел на отца, затем с сомнением протянул гостю руку для пожатия.

— Я напугал тебя? — спросил Фалк.

— Немного, — у Иоакима внезапно проснулся интерес к местной культуре, и он снова открыл книгу.

— Я вас искал, — Рино жестом пригласил Фалка сесть на диван. Только сейчас он заметил, что напарник промок до нитки.

— Мне нужно было кое-что выяснить, — Фалк смотрел на журнальный стол.

— Боа?

Фалк кивнул.

Рино уже догадался, что между Фалком и хулиганом из Винстада имеется какая-то связь.

— Я пытался отвлечься от звуков, — Фалк не поднимал взгляд.

Рино взглянул на перепуганного Иоакима.

— Она кричала, кричала.

— Как ее звали?

Фалк закрыл лицо кулаками.

— Астрид, — сказал он.

Рино показалось, что по спине побежали сотни маленьких насекомых.

— Что случилось?

Фалк качнулся.

— Боже, сколько было крови!

Взгляд Иоакима стал стальным.

— Я не хотел, но я не смог остановить.

Рино начал понимать то, чего не хотел бы знать.

— Я не знал, что она там.

— Но? — сказал Рино, когда Фалк сжал кулаками виски.

— Я думаю, что я, — Фалк опустил руки, — тоже в этом замешан.

— В изнасиловании?

Называть это преступление вслух было невыносимо.

Глаза Фалка наполнились слезами.

Глава 73

Шур Симскар распахнул дверь. В коридорах никого не было. Где его одежда, он не знал, предполагая, что, вполне возможно, выбросили. Ему нужно было выйти наружу, но недалеко, так что сгодится и пижама. Он засунул в карман свернутые листки и бесшумно вышел из палаты в чужих сандалиях. Медсестра вопросительно взглянула на него из открытой двери. Он слегка улыбнулся ей, но было непохоже, чтобы она собиралась его удерживать.

Когда он открыл входную дверь, ветер встретил его невероятным ревом, но Симскара это не волновало. Пару сотен метров он вполне осилит. Уже у ворот от холода у него занемели пальцы на ногах — казалось, что в них всаживают иголки, но он терпел. Ему нужно было идти вперед. Он шел, сгорбившись, пока не дошел до дома. Задумавшись на мгновение, он постучал кулаком в дверь. Услышав движение внутри, он засунул руку в карман пижамы. Бумага все объяснит.

Глава 74

Сквозь рокочущий шторм раздался какой-то звук. Кто-то колотил в дверь. Открыв дверь, Рино собственным глазам не поверил.

— Господи, что.

Замерзший Шур Симскар вытащил руку из кармана, и листок бумаги тут же унесло ветром. Он попытался его поймать, но тщетно, затем он осторожно протянул инспектору еще один листок.

В темноте Рино ничего не разобрал, поэтому провел Симскара за собой в гостиную.

— Шур? — Фалк с удивлением взглянул на входящего. Иоаким тоже удивился, но потом закатил глаза и спрятался за книгой. Рино поднес листок к свече и начал читать кривые буквы.

Я СИДЕЛ У МОРЯ. УСЛЫШАЛ КРИК. КРИЧАЛА АСТРИД. ЭТО БЫЛ БОА. ОН ЕЕ ИЗНАСИЛОВАЛ. Я НИЧЕГО НЕ СДЕЛАЛ. НЕ РЕШИЛСЯ. БЕРГЕР ХОДИЛ КРУГАМИ, ЗАЖАВ РУКАМИ УШИ. ПОТОМ ОНИ УЕХАЛИ НА ВЕЛОСИПЕДЕ. С ТЕХ ПОР Я ЗАЩИЩАЛ АСТРИД. ВСЕГДА БУДУ ЗАЩИЩАТЬ ЕЕ. КОГДА БОА ВЕРНУЛСЯ, Я ЕГО УЗНАЛ. Я НЕНАВИДЕЛ БОА. ОН РАЗРУШИЛ

МОЮ ЖИЗНЬ. Я ВИДЕЛ, ЧТО ЕГО ПЕРЕВЕЗЛИ В ДОМ К МЕДСЕСТРЕ. И Я БЫЛ ТАМ, КОГДА УЛАВ РИСТ ЗАБРАЛ ЕГО С СОБОЙ. Я ПОПЛЫЛ ЗА НИМИ НА СВОЕЙ ЛОДКЕ. ПРЯМО ДО ВИНСТАДА. Я СПАС ЕГО. НО УЛАВ РИСТ БЫЛ СИЛЬНЕЕ.

Рино протянул листок Фалку, и тот прочитал его, недоверчиво качая головой.

— Ходил кругами? — пробормотал он. — То есть я ничего ей не сделал?

Симскар покачал головой.

— Ты был там?

Симскар стыдливо опустил глаза.

— Мы оба трусили, — Фалк тяжело опустился на диван. — Это все, что я помню. Что я ходил, зажав уши руками. Все это время я боялся, что могу что-нибудь вспомнить. Что-то еще. — Фалк провел рукой перед

глазами. — Больше ведь ничего не было?

Симскар снова покачал головой.

— Пожар, — сказал Рино, обращаясь к человеку в слишком большой пижаме. — Вы уверены, что это не ваших рук дело?

Симскар уверенно кивнул.

— У меня есть более-менее убедительные доказательства того, что пожар связан с нападением на Астрид Клевен, женщину, которую, как вы сами пишете, вы решили защищать до конца жизни. Насколько я понимаю, есть два человека, которые взяли на себя эту миссию. Вы и Каспара Ренхейм.

Симскар, все еще дрожа от холода, открыл рот и вытянул вперед голову, но так и не смог выдать из себя слова.

— У Астрид есть сестра, — произнес Фалк, ни к кому не обращаясь. Он думал о том, почему так поступил в тот день.

— Сестра?

— Да, младшая.

— Почему мне об этом раньше никто не сказал?

— А вы не спрашивали. Она очень любит Астрид, но, видимо, жить с ней не может.

— Кто это?

— Вы ее знаете.

В этот момент одно из тетушкиных бра зажглось, а мобильный телефон Рино запищал. Электричество восстанавливалось.

Глава 75

Женщина оглянулась и вошла в гардероб. Форменные куртки висели друг за другом. Отыскала нужную ей. Значок на груди висел кривовато, она отцепила его и поправила. «КАСПАРА». Они намеренно ограничивались только именем. Так легче сблизиться с постояльцами. Она надела куртку и разгладила складки. Затем в последний раз проверила бутылку и сунула ее в карман. Важно, чтобы пробка сидела плотно. Даже маленькая капелька проела бы дыру в одежде и на коже. Женщина открыла дверь и проверила коридор. Шарканье сандалий вдалеке. Затем она опустила взгляд и быстрыми шагами направилась к нему в палату.

Глава 76

Во сне он заново проживал секунды на дне моря, гребни волн и освободительный вдох прямо над ним. Там у него были силы, которых в реальности не было, он мог повернуться и оттолкнуться ногами. Но достичь поверхности никогда не удавалось, заполнить легкие воздухом он не мог. Вместо этого ему приходилось глотать, и, спасаясь от одного из этих кошмаров — сжимаясь от воображаемых спазмов утопления — он снова почувствовал, запах Дьявола. Он резко очнулся, напрягая все органы чувств. Она была в комнате. Неповрежденная кожа сжалась, он задержал дыхание. Медленными шагами она подошла ближе. Он дышал очень быстро, сердце стучало в груди с невероятной скоростью.

— Давай-ка я расскажу тебе одну историю.

Голос. Это не она.

— О девочке, непохожей на других.

Пульс все так же зашкаливал.

— У нее не было друзей, поэтому она бродила в одиночестве. Никому не хочется дружить с тем, кто застрял в пятилетнем возрасте.

Он заметался на кровати, до смерти боясь той капли, которую ему сейчас вольют.

— Я думаю, она уже тогда все знала. Что она не такая, как все. И никогда не станет такой, как все. Что она обречена жить одиноко. Как будто этого было недостаточно.

Он понял, что она наклонилась над ним, и вжал голову в подушку.

— как я уже сказала, она часто бродила одна и очень любила гулять на природе. Думаю, она чувствовала себя ее частью, когда собирала цветы или кормила птиц. Для нее не было различий — сороки или мелкие пташки. Она всем желала добра. В хорошую погоду она часто сидела на траве за домом. Но иногда она уходила далеко, как и тогда, двенадцатого октября ровно. сорок девять лет назад.

Он не помнил. Двенадцатое октября ничего ему не говорило.

— Думаю, она гордилась собой, когда уходила далеко. Кстати, она заставила себя надеть юбку в тот день, но ты, наверное, помнишь?

Сердце в груди колотилось.

— Она взяла с собой пакет с хлебными крошками. Она любила кормить птиц, хотя, конечно, большая часть еды доставалась сорокам. И так она сидела — одна, ведь все ее друзья уже выросли.

Из того, что случилось, изнасилование было самым страшным.

— Она создала свой собственный счастливый мирок и жила в нем, пока какой-то садист не сломал его.

Голос изменился.

— Мгновение извращенной страсти, забытое сразу же, как только ты повернулся к ней спиной, да?

Ему хотелось исчезнуть. Исчезнуть с постели, от Дьявола, нависшего над ним.

— А она забыть не смогла. И я не смогла. И знаешь, что самое ужасное? — ее дыхание участилось.

— Мысль о том, что ты избежал наказания. Все эти годы я думала, что ты умер. И все-таки меня не отпускало сомнение. Из-за того, как именно ты пропал. Поэтому я несколько раз ездила туда, пока в Винстаде жили люди, спрашивала о тебе и об обстоятельствах, при которых ты пропал. Потому что я не прекращала надеяться однажды повстречать тебя — лицом к лицу. И когда я случайно, не до конца сознавая, столкнулась с тобой, ничего мне не хотелось сильнее, чем стереть тебя с лица земли. Даже жаль, что ты не можешь себя видеть. Ты это заслужил.

Он слышал, как она сунула руку в карман, знал, что его ожидает.

— Через несколько часов этому дню придет конец и тебе тоже. Я так и планировала, знаешь ли. С самого первого дня все было рассчитано так, чтобы ты отправился к праотцам двенадцатого октября. У пожара была всего одна цель: сделать тебя пациентом пансионата. На какой-то момент я испугалась, что ты не выживешь. Это бы убило все удовольствие.

Она наклонилась над ним, он почувствовал ее горячее дыхание.

— В тот день, когда Астрид, полуголая, вся в крови, вошла на кухню, я была еще маленькой девочкой. С тех пор не прошло и дня, чтобы потерянный взгляд Астрид не преследовал меня, ни единого дня, чтобы я забыла о мгновении, когда ее потеряла. Я была младшей, но на деле стала старшей уже в четыре или пять лет. А с того дня я стала ей отцом и матерью. Ее боль сделалась моей. И превратилась в ненависть. Так что умри, педофил, умри так же, как умерла тогда Астрид, умри в нечеловеческих страданиях.

И она открыла ему рот.

Глава 77

Рино выскочил на улицу, но сильный порыв ветра сбил его с ног. Он поднялся и побежал дальше. По иронии судьбы на улице горели все фонари, именно сегодня, когда все стало ясно.

Несколько раз его чуть не сдуло с дороги, но он все же смог пробиться к пансионату и ворваться в коридор. Медсестра испуганно взглянула на него, но у него не было времени ничего объяснять, он ворвался в палату Боа. Распахнув дверь, он понял, что опоздал. Человек на постели скрючился. Одеяло валялось на полу, голое тело было неприкрыто, кожа напоминала застывшую вулканическую лаву. Рот открыт в отчаянной попытке вдохнуть.

Глава 78

Бергер Фалк так и сидел на диване в гостиной тетушки Рино, когда зазвонил мобильный телефон. На дисплее высветилось имя — Сандра. Она, конечно, волновалась.

— Папа, с тобой все нормально?

— Все лучше и лучше.

— Слава богу, электричество восстановили. Кажется, эти осенние шторма с каждым годом приходят все раньше.

— Вполне возможно. Что мальчики делают?

— Болтаются вокруг и занимаются своими делами. Томми меня до смерти напугал вчера.

— Ты вообще пугливая.

— Ну да.

— И что он сделал?

— Подшутил надо мной в подвале. У меня тут стиральная машина стоит, ну, ты знаешь. Я спустилась с полной корзиной белья, как обычно, в своих мыслях, и он меня напугал. Повесил на стену за дверью страшный рисунок — ну и рожа, просто жуть.

Фалк оцепенел. Внезапно ему все стало ясно. Именно из-за того, что он боготворит свою дочь, самым страшным наказанием для него будет ее боль. В панике у него в голове пронеслась всего одна мысль. Машина все так же стояла возле полицейского участка. И у него в кармане лежал ключ.

Глава 79

Рино смотрел на тело, лежащее на постели, пытаясь представить себе ту нечеловеческую боль, которую испытывал несчастный все эти месяцы. Не было на свете большей несправедливости, чем та, с которой ему пришлось столкнуться. Медсестры назвали его Героем, потому что он боролся за жизнь тогда, когда другие бы сдались. Они и знать не могли, что их собственная начальница травила его, что насилие продолжалось здесь, в пансионате.

От слабого бурлящего звука Рино вздрогнул. Дрожа, он прижал палец к шее Боа, выбрав место между обожженными участками. Есть пульс! Рино выбежал в коридор, наткнулся на какую-то медсестру и закричал, что Герой умирает. Прибежали несколько медсестер, кто-то сказал, что нужно позвать заведующую.

Стоя и наблюдая за суматохой, за мечущимися по палате медсестрами, Рино заметил форменную куртку, брошенную за дверь. Он поднял ее и, не успев прочитать имя на значке, узнал запах духов. Заведующая все предусмотрела на случай, если Герою все-таки удастся что-нибудь сообщить.

Глава 80

Фалк мчался, как сумасшедший, не сбавляя скорость, хотя сильный ветер бросал машину из стороны в сторону. Сам он не причинял Астрид Клевен зла, но он был там в тот день, когда Боа совершил свой садистский крестовый поход, ходил кругами, не пытаясь ему помешать. Значит, он тоже виновен, пускай и невольно.

Сестра Астрид наказала Боа самым ужасным способом, и все это время она знала, какая боль станет для Бергера Фалка самой невыносимой: если с его дочерью что-нибудь произойдет.

Он приказал Сандре закрыть все двери и вооружиться тем, что попадется под руку. Он знал, что сестра Астрид направилась к ней. Когда он наконец затормозил у дома дочери, страх потерять Сандру стал невыносимым. Стекло во входной двери было разбито, и он ворвался внутрь, выкрикивая ее имя. Не успел он услышать ее ответ, как был сбит с ног. На мгновение мир вокруг превратился в хаос, но затем все встало на свои места. Кто-то выскочил из двери, и в тот же миг стены содрогнулись от отчаянного крика его дочери.

— Сандра, где ты?

— Папа, о господи!

— Что она тебе сделала? — Он попытался встать, но снова упал на пол.

— Боже, что происходит?

— Отвечай! Что она тебе сделала?

— Ничего. Она бормотала что-то о том, что ты лишил жизни ее сестру, а потом зарыдала.

— Запри дверь.

Он поднялся на ноги и шатаясь вышел из дома. Сочившаяся из раны во лбу кровь заливала один глаз. Ниже на холме Фалк заметил какую-то фигуру. Это была она. Ему стоило бы остаться у дочери и вызвать подкрепление, но она пыталась навредить Сандре, и от ярости он бросился к ней.

Она перелезла через забор и пропала из виду, но затем он увидел, как она пересекает дорогу рядом с магазином «Кооп». Несколько раз ветер чуть не сбил его с ног, но он двигался дальше. Сквозь стену дождя Фалк заметил, как она спускается по размытому холму. Несколько раз она поскользнулась на мокрых камнях, затем внезапно остановилась и

обернулась к нему. Она стояла, широко расставив ноги, на невысоком валуне, тяжелые волны бурлили вокруг. Несмотря на разделявшие их пять метров, разглядеть лицо было трудно.

— Ты мог это остановить! — крикнула она, и ветер чуть не сбил ее с ног.

Он покачал головой, слова застряли в груди. Мог ли он?

— Ты был там, и ты позволил ему сломать ей жизнь!

— Я не знал, — конец фразы исчез в порыве ветра.

— Ты позволил этому случиться.

Он снова покачал головой.

— Ты все знал!

— Все закончилось, — он опустил на одно колено на скользкий камень.

— Это никогда не закончится, Бергер. Никогда.

— Я не знал.

— Ей так плохо, — слова утонули в рыданиях, и она снова потеряла равновесие.

— Сядь! — закричал Фалк, но слишком поздно. Бешено размахивая руками, Ингрид Эйде соскользнула между двумя валунами и исчезла из вида.

Он что было сил бежал по скользким камням и успел увидеть, как она отчаянно силится выбраться. Ему оставалось пройти всего несколько шагов, но ее затянуло на глубину. Он видел, как ее голова, словно поплавок, всплывает в бушующих волнах, но затем ее накрывало снова. Несколько раз ее относило от него, но в конце концов ему удалось ухватить ее за куртку. Он с силой потянул на себя, а Ингрид зацепилась за камень, и наконец ему удалось вытащить ее на берег. Она лежала на животе, содрогаясь от рыданий.

— Я не смогла, — прорыдала она.

— Убережь ее?

Ему нужно было что-то сказать ей, но он не мог подобрать слова.

— Я ее подвела. Я ее подвела.

— Мы все ее подвели, — сказал он и помог ей подняться.

Глава 81

Он дышал неровно и прерывисто. От новых капель кислоты образовались язвы, и все-таки он не дал себя убить.

— Вы слышите меня? — прошептал Рино.

Ответом ему стал изменившийся ритм дыхания.

— Вас переведут в больницу, как только шторм немного утихнет. Кошмар закончился, — Рино поставил стул поближе к кровати и сел. — Я все знаю.

Лежащий на кровати человек постарался повернуть голову в его сторону.

— Мы нашли скелет вашего брата в Винстаде.

Дыхание все так же прерывалось.

— Мы провели экспертизу скелета, ведь повреждений было слишком много. Но кое-что в отчете эксперта меня смутило. Над Руалем издевались много лет, и сегодня можно установить время даже самого маленького перелома. В данном случае все указывает на то, что переломы произошли в одно время. Я связался с судмедэкспертом и сообщил ему, что Руаль Стрём страдал от ювенального артрита. Он сказал мне, что у скелета нет следов подобного заболевания.

С кровати раздался жалобный стон.

— Женщина, у которой вы сняли дом, сказала, что вы показались ей немного заторможенным. Я подумал, что подобная медлительность может быть вызвана заболеванием опорно-двигательного аппарата в детском возрасте.

Человек поднял руку в знак того, что хочет что-то сказать.

— Вы не Боа, но одним богам известно, как вы пострадали из-за его проступков. Вы — Руаль Стрём, мальчик на инвалидной коляске.

Короткие, приглушенные всхлипы испугали Рино, но вскоре дыхание выровнялось.

— Вы решили использовать свой шанс, вернувшись домой. Конечно, вы думали, что вас никто не узнает, какое-то время так все и было. Но те, кто узнал вас, решили, что вы Боа. официально ведь пропал именно он, — Рино смотрел на свои колени. — Пожар, видимо, застал вас врасплох, ведь вы никому не успели раскрыть свою настоящую личность. Тогда вы могли бы уберечься. О Руале все отзывались хорошо. А вот о Боа.

Рино встал и отвернулся от кровати. Он знал: перед ним лежит Руаль

Стрём, который с самых малых лет был жертвой, и оттого смотреть на последствия пожара было еще тяжелее.

— Письмо, — сказал он, прочистив горло, — вы хотите, чтобы я отдал его Алине?

Хотя лицо было обожжено и лишено мимики, Рино показалось, что человек покраснел.

— Я знаю, кто это, — сказал он и осторожно похлопал Руаля Стрёма по плечу.

Ветер немного стих, но дождевые облака все так же тяжело нависали над морем, и к тому времени, когда я выкопал его, я насквозь промок. Он лежал так же, как и две недели назад, когда я бросил его здесь. Почему-то я думал, что он вернется там, под землей, ожидая, когда лопата высвободит его. Я стоял и смотрел на погребенного. Когда в нем зародилась ненависть? Я чувствовал, что он хотел избавиться от меня всю мою жизнь, и это желание скоро должно было осуществиться. С того дня имя Руаля Стрёма включили в список тех, кто упокоился во фьорде.

Прежде чем снова накрыть его землей, я присел на корточки возле могилы и стал вспоминать. Оддвар глубоко спал. Первый удар пришелся на затылок, я услышал, как прервалось дыхание. Затем я взял самое глубокое ведро, которое только смог найти в нашем доме, наполнил его водой и поставил возле постели. Когда я опустил его голову в ведро, он казался совсем безжизненным. Никаких движений, никакого сопротивления. Я оставил его в ведре надолго, и когда вытащил голову из ведра, он уже не дышал. Годы издевательств закончились. Ведь то, что начал мой отец, тайком продолжил Оддвар. Отец был чаще всего пьян, когда бил меня, он даже не помнил, в каком состоянии оставлял меня. Я знал, что на следующий день, когда он видел мои синяки, его мучило чувство вины. Вот только он не знал, что большая часть из них были делом рук Оддвара. Я никогда не решался пожаловаться, Оддвар угрожал, что изобьет меня до паралича, если я кому-нибудь расскажу. Я оказался в ловушке. Артрит мучил меня, иногда боли были настолько сильными, что я был прикован к инвалидной коляске. А когда не был, на дело выходил Оддвар, он как будто не переносил те дни, когда я был таким же, как и он сам. В глубине души я знал, что он не успокоится,

пока я не сяду в инвалидную коляску навсегда.

Сначала папа думал, что Оддвар загулял на пару дней, но через некоторое время он начал подозрительно поглядывать на меня. Через три дня после исчезновения я увидел, что он сидит у постели Оддвара. Он перевернул матрас так, что стали видны пятна крови. Я пытался что-то наврать, но он видел меня насквозь, и не успел я оглянуться, как выложил ему всю правду.

Он воспринял новость лучше, чем я опасался, но был уверен, что должен выкопать Оддвара. Что-то его удерживало. Если бы правда когда-нибудь всплыла, он бы лишился обоих сыновей, я видел, что он мучительно пытался придумать, что же ему предпринять. Но однажды он сказал, что другого выхода нет, нужно сообщить ленсману о случившемся.

Несколько дней я мучился от ожидания неизбежного. Каждый раз, когда приставал паром, я замирал, ожидая увидеть ленсмана, поднимающегося по причалу. Взгляд папы оставался таким же, он выражал отчаяние и решимость. Вот только успел ли он на самом деле заявить на меня в полицию, я так и не узнал. Потому что в тот же вечер разыгрался шторм.

Стоя на коленях возле его могилы, я в последний раз посмотрел на брата. Все мои силы ушли на то, чтобы перевезти его сюда на тачке. Артрит мучил меня не так уж сильно, но мне приходилось останавливаться каждые десять метров. Прекрасно понимая, что я все еще в опасности, я снова принялся его закапывать. Под конец видна была только голова. Он лежал там, одинокий, всеми покинутый, и мне впервые стало жаль его. Поэтому я отдал ему самое дорогое, что у меня было: я положил к нему в могилу игрушку, которую сшила мне мама.

Глава 82

Руаль Стрём слышал свист работающего пропеллера. В любой момент его могли вывезти из машины скорой помощи, чтобы отправить на вертолете в Трумсё. Йориль сидела возле него с самого утра. Он ощущал такое спокойствие, какого не испытывал уже много лет. К нему пришло понимание: то, что произошло, было предопределено судьбой, ну и все-таки его дни закончатся не в пансионате.

Он убил своего брата, и за это ему пришлось расплачиваться за его злодеяния. Сначала он и не догадывался, за что на него обрушились все эти беды, но затем до него дошло очевидное: так как, по официальной версии, исчез именно Боа, никто другой и не мог вернуться обратно. Они оба унаследовали внешность матери и были очень похожи. Конечно, он знал, что Оддвара все вокруг ненавидели, и когда слухи об изнасиловании доползли до него, Руаль ни на секунду не сомневался, кто был виновником. Взгляд, которым позже наградил его Оддвар, подтвердил его опасения. Это было бессловесное признание брата брату, признание, от которого сквозило извращенной гордостью.

— Они готовы, — голос Йориль дрожал от сдерживаемых слез.

Ему так хотелось рассказать ей о том, как он ценит ее заботу, что она была единственным лучиком света, помогавшим терпеть нечеловеческие боли, но он не мог этого сделать. Вместо этого он поднял руку. Она взяла ее и осторожно погладила обожженную ладонь.

— Я приеду и навещу вас в больнице. И прослежу, чтобы о вас там заботились самым лучшим образом, — она приложила палец к его лишенному губ рту. — И однажды мы поговорим. Обещаю.

Дверь машины открылась, порыв холодного ветра хлестнул его. Он представил себе ее. Золотые волосы до плеч развевались на ветру. Она улыбнулась ему ясными глазами, полными слез, ее улыбка говорила, что она намерена выполнить свое обещание. Однажды они поговорят обо всем, что случилось.

Глава 83

Бергер Фалк сидел на том самом камне, о который разбилась «Мазда» Кристине. Его жену нашли зажатой между сиденьем и рулем, и врач сразу же установил, что смерть наступила мгновенно. Эта мысль его утешала. Но чувство, что что-то не так, не давало ему покоя. В самые темные времена он думал, что Кристине сделала это намеренно, нажала на газ перед поворотом и направила машину прямо в обрыв. Именно поэтому он настоял на вскрытии, надеясь, что эксперт найдет что-нибудь, что освободит его от чувства вины.

Однако вскрытие показало лишь очевидное: смерть наступила в результате тяжелейших повреждений внутренних органов. Интуиция говорила ему, что Кристине стала первой жертвой Ингрид Эйде, а следующей должна была стать Сандра. Это месть за то, что он не вмешался и не предотвратил изнасилование ее старшей сестры.

Он поднял взгляд к горизонту. Если бы отец тогда не дал ему денег, заглушая свою совесть, если бы он не купил ту бутылку колы, он прогнал от себя эту мысль и встал. Ему придется начать жить заново. Ради Сандры, только ради нее. Он спустился с камня и поднялся вверх по склону. Не дойдя до шоссе, он заметил в траве между двумя камнями листок бумаги. Он был мокрый и чуть не порвался у него в руках, но текст все еще можно было разобрать.

ЭТО НЕ БОА. ТЕПЕРЬ Я ЭТО ЗНАЮ. НАВЕРНОЕ, ЭТО РУАЛЬ.

Глава 84

Дом престарелых стоял, окутанный мягким светом осеннего солнца. Один из постояльцев бродил, сторбившись, по двору и искал что-то в траве. Заметив голубой «Вольво», он не сводил с него взгляд до тех пор, пока Рино не припарковался и не вышел из машины. Вежливый кивок, затем он снова сконцентрировался на неровностях ландшафта.

В коридоре пахло вареной капустой. Форикол^[12], подумал Рино, решив, что старик ждал ужина. Медсестра лет двадцати, сильно накрашенная, с черными как смоль волосами, улыбаясь, направилась к нему.

— Вам помочь?

— Я бы хотел поговорить с Сёльви Унстад. Неуверенная улыбка.

— Сёльви...

— Я знаю, что ей трудно говорить. Я просто хочу кое-что ей рассказать.

Медсестра взглянула на часы.

— Мы будем ужинать через полчаса.

— Получаса мне вполне хватит.

— Как мне вас представить?

— Полицейский из Рейне.

Его проводили в комнату Сёльви Унстад. Медсестра наклонилась над пострадавшей от инсульта женщиной, лежащей на кровати с приподнятой спинкой.

— Хотите, чтобы кто-нибудь из нас остался с вами?

Сёльви Унстад взглянула на посетителя и покачала головой. Медсестра напомнила об ужине и вышла из комнаты.

Рино сел в кресло и улыбнулся старой учительнице, с ожиданием смотрящей на него.

— У меня для вас письмо, — сказал он и достал конверт из внутреннего кармана. — Он не успел отправить его.

Ее взгляд застыл.

— до того, как с ним произошел несчастный случай.

Он не хотел скрывать от нее правду, но в то же время решил уберечь от самых ужасных подробностей.

— Сейчас он в больнице в Трумсё. Мы все надеемся, что однажды он сможет вас навестить.

Она открыла рот и попыталась что-то сказать, но слова утонули в потоке звуков.

— Именно из-за несчастного случая от него не было новостей. Он серьезно пострадал при пожаре и пока не может общаться.

По левой щеке Сёльви Унстад скатилась слеза.

— До пожара он успел написать письмо. Кому оно адресовано, я не знал, но, когда мои подозрения подтвердились — о том, что жертвой был Боа, а исполнителем Руаль, — я сразу же вспомнил о доброй заботливой учительнице, которой внезапно стало очень одиноко жить в Винстаде. Но мне понадобилась помощь старинной народной легенды, чтобы понять, как обстояли дела. Легенду сложили люди, попавшие в беду, для тех, кто попадет в беду, об острове, который всплывает из моря и дарит спасение потерпевшим кораблекрушение, — Рино взглянул на рисунок на стене. — На острове Утрест сыновья зажиточных крестьян, превратившись в бакланов, спасали избранных. Думаю, в то время он чувствовал себя так же, что вы спасли его, когда он так нуждался в помощи.

Сёльви Унстад опустила взгляд.

— Алине, — сказал он и перевернул конверт. — Чтобы подтвердить мои мысли, я позвонил Халварду Тофтону, который поведал мне, что у любимой всеми Сёльви Унстад было еще одно имя. Прошерстив старые документы, я в конце концов выяснил: Алине.

Пожилая учительница вытерла слезу.

— Он сбежал к вам, ведь вы знали, в каких нечеловеческих условиях ему приходилось жить, и что-то подсказывает мне, что именно поэтому вы уехали из Винстада, и что с тех пор он жил с вами под другим именем. Сменить личность не так уж и сложно, особенно если на это есть причина, как и скрыть свое настоящее имя из открытых реестров. Но, конечно, для начала нужно было решить, от какой личности избавляться. И вы решили утопить Руаля Стрёма во фьорде. В этом случае он обретал свободу. Кого вы возродили, я могу только догадываться.

— Знала.

Рино придвинул кресло плотнее к кровати.

— Вы знали?

Учительница кивнула.

— О том, как он жил?

Снова кивок.

— И о том, что он сделал?

Сёльви Унстад пыталась сдержать слезы, затем пробормотала что-то, но этого он не разобрал. Он наклонился ближе, и она попыталась снова. В

этот раз Рино, похоже, понял ее слова и повторил:

— Оддвар издевался над ним?

Она кивнула.

— Оддвар умер в ту ночь?

Она снова забормотала.

— За несколько недель до той ночи?

То есть Боа был уже мертв, когда разразился шторм. Рино понимал, что очень многого о случившемся той ночью не знает, но все указывает на то, что у Руаля кончилось терпение. Убив брата, он инсценировал свою собственную смерть и укрылся у единственного человека, которому доверял.

— Он вернулся, потому что вам нужен был уход, и он больше не мог с вами жить?

В ответ ее бледное лицо погрузнело.

— Он думал, что никто его не узнает?

Кивок.

— И его могли узнать только как Оддвара, ведь Руаль был официально мертв.

Сёльви Унстад снова попыталась что-то сказать, Рино показалось, что он услышал слова «рак» и «Улав Рист».

— Он решил вернуться, потому что услышал, что у Улава Риста рак. что он умирает?

Кивок.

— То есть он знал, что произошло в ту ночь? Что Улав Рист убил его отца?

Снова кивок.

— Он пришел к вам больным измученным ребенком, но разница в возрасте между вами была настолько незначительной. — он положил конверт на кровать. — Руаль ничего мне не сказал, как и вы. Но я думаю, он не хочет дальше жить как Оддвар. Слишком дорого дался ему этот опыт.

Слезы снова покатались по щекам Сёльви Унстад.

— Я надеюсь, вы сможете встретиться.

Она посмотрела инспектору в глаза.

— Вы заслужили это своей любовью, — сказал он, выходя из комнаты.

Эпилог

Все утро отец грустно смотрел на него, так что Руаль решил, что он исполнил свою угрозу и действительно сообщил ленсману об убийстве. Опасаясь, что вечер станет его последним вечером на свободе, он отпросился посидеть на причале, хотя ветер усиливался. Отец посидел с ним какое-то время и уже собрался домой, как вдруг заметил что-то во фьорде. Он пытался рассмотреть что-то похожее на яхту, а тучи все сгустились, видимость уменьшалась.

— Я поднимусь повыше, — сказал отец.

— Я посижу здесь, папа, — впервые за много лет он назвал отца «папа», и, к его удивлению, тот не возразил. Убедившись, что кресло стоит надежно, отец отправился к своему наблюдательному пункту, он часто стоял там, рассматривая лодки во фьорде.

Ветер усиливался, и ему пришлось переставить кресло, чтобы укрыться. Когда отец вернулся, Руаль понял, что что-то случилось.

— Яхта затонула, но мне кажется, они успели спустить спасательную шлюпку, — отец в отчаянии ходил туда-сюда, а затем решился: — Я сяду на весла и поплыву к ним.

Руаль остался на причале, наблюдая за отцом. Ему показалось, прошла вечность, затем он разглядел восьмивесельную лодку, тянущую за собой шлюпку. Когда лодкам оставалось до берега не больше пятидесяти метров, он заметил, что что-то было не так. Спина гребца была шире отцовской спины, волосы гуще и длиннее. Руаль понял, что гребет не отец. Когда лодка встала на мель прямо под ним, он увидел безжизненное тело отца, лежащее между двумя скамейками на лодке. Он повернул кресло и поехал прочь, быстрее, быстрее, хотя знал, что если встанет на ноги, то ход ускорится. Он уже почти встал, и тут в голову ему пришла одна мысль, рефлекс, спасший ему жизнь: он остался сидеть, изображая из себя привычного всем беспомощного мальчика. Не успел он выехать с причала, как кто-то схватился за ручки кресла.

— Что случилось с моим папой? — выдавил он.

Незнакомец, лица которого мальчик не мог рассмотреть, подтащил его к краю причала, а затем ответил:

— Папа упал со скалы.

От этих слов у него похолодела спина. С того места, где он сидел, видно было лодку. Отец не двигался.

— Вы его убили.

— Твоему отцу не стоило совать нос в чужие дела.

Кресло отодвинули назад, так, чтобы колеса отъехали от края.

— Я слышал о тебе — калеке из Винстада. Говорят, ты не можешь ходить. Так, значит, и плавать тоже не умеешь.

Он успел подумать, что никогда не слышал такого грубого и хриплого голоса, затем кресло скатили с причала.

Падая на дно, он сосредоточился на двух вещах: надо отвязать от ручки игрушку и уплыть как можно дальше.

Когда он вынырнул, незнакомец стоял у их лодки по щиколотку в воде и тащил отца за плечи. Наконец Руаль его узнал: новый капитан парома. Мужчина, которому было чуть за двадцать, быстро оглянулся и утащил отца в прибрежные валуны. Обессиленный Руаль выплыл на берег и понял, что единственный выход для него — заставить всех думать, будто он утонул и его унесло течение.

Примечание автора

Я хочу поблагодарить моих редакторов — Карен Форберг и Аннетте Орре — за полезные советы и активное участие в моей работе. Я обращаю внимание читателей на то, что, описывая Рейне и окрестности, я позволил себе некоторые топографические вольности. Некоторые скалы я сделал круче, чем они есть. А в Рейне на самом деле нет полицейского участка. В остальном я пытался с уважением описывать природу и местность, хотя нередко слова бессильны передать все могущество уникальных Лофотенских островов.

---

notes

Примечания

Можешь бежать, а можешь идти,
Ты оставишь повсюду следы на пути,
Но всем штормам и смуте в душе вопреки
Просто иди

(пер. с англ. редактора).

Runrig — шотландская келтик-рок-группа.

Риталин — стимулирующее лекарственное средство, которое используется для лечения синдрома дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ), запрещен к использованию в России.

4

Нет, спасибо *(англ.)*.

Маллет (*англ. mullet* — кефаль) — тип прически (стрижки). Волосы пострижены коротко спереди и по бокам, а сзади остаются длинными.

AC/DC — австралийская рок-группа, созданная в ноябре 1973 года в Сиднее выходцами из Шотландии братьями Малькольмом и Ангусом Янгами.

Йоддски (Joddski) — Йорген Норденг, норвежский хип-хоп- и рэп-исполнитель.

Йойк — традиционное песнопение саамов. Для йойка характерен особый ритм повторяющихся на протяжении всей песни одних и тех же красиво звучащих, но часто лишенных прямого смысла слов.

«Кооп» — сеть магазинов в Норвегии, торгующая продуктами питания, товарами повседневного спроса, строительными материалами и т. д. В 60-е годы XX века сеть называлась «С-группа», была переименована в «Кооп» в 2000 году.

Кокс — твердый продукт, получаемый путем прокаливания каменного угля без доступа воздуха, используется как топливо.

Back in Black — «Возвращение во тьму» — песня группы AC/DC 1980 года.

Форикол — одно из наиболее известных блюд норвежской кухни. Традиционными ингредиентами для его приготовления служат ягнятина с костью, крупные куски капусты, крупный черный перец и небольшое количество пшеничной муки. Все это тушится несколько часов в кастрюле.